

Волгоградский
государственный
университет

Woodrow Wilson
International
Center
for Scholars
Kenan Institute

ВОЛГОГРАДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

ВЫПУСК 3

ПАМЯТЬ И ПАМЯТНИКИ

Материалы семинара, проведенного
Волгоградским государственным университетом
и Институтом Кеннана

Международного научного центра
им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 года

*Под редакцией доктора исторических наук
И.И. Куриллы*

Волгоград 2012

ББК 63.012я431

П15

Рекомендовано к опубликованию
Ученым советом факультета философии, истории,
международных отношений и социальных технологий
Волгоградского государственного университета
(протокол № 11 от 24.10 2011 г.)

Память и памятники [Текст] : материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 21 апр. 2011 г. / Волгогр. гос. ун-т, Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона ; под ред. д-ра ист. наук И. И. Куриллы ; предисл. И. И. Куриллы. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – 149 с. – (Волгогр. ист. семинар ; вып. 3).

ISBN 978-5-9669-0959-8

В основу данного сборника легли материалы семинара, проведенного 21 апреля 2011 г. в Волгоградском государственном университете совместно с Институтом Кеннана.

Предназначен для ученых и студентов, всех «практиков исторической политики», политиков и журналистов, лидеров региональных сообществ.

ББК 63.012я431

ISBN 978-5-9669-0959-8

© Авторы статей, 2012
© Оформление. Издательство
Волгоградского государственного
университета, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник – результат второго семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом совместно с Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона, и третий выпуск в серии «Волгоградский исторический семинар».

В рамках данного проекта авторы стремятся затронуть актуальные проблемы исторической науки, посмотреть на нее не как на проявление отвлеченного интереса к ушедшим эпохам, а как на важную часть самосознания современного общества.

Первый семинар из этой серии состоялся 11 апреля 2008 года и был посвящен истории края как полю конструирования региональной идентичности¹. Вторым выпуском проекта стали материалы конференции, прошедшей в Волгограде несколько раньше, но укладывавшейся в этот же тематический ряд: на ней обсуждались новые методологические вызовы исторической науке, ответы на которые предлагались прежде всего в рамках конструктивизма².

Авторы нового сборника рассматривают функционирование памяти в современном российском обществе. Особое внимание в публикуемых материалах уделено роли памятников в поддержании или смене доминирующего исторического нарратива. Под одной обложкой собраны теоретические статьи и практические наблюдения, работы историков, философов, политологов и юристов, рассуждения профессоров и исследования студентов. Эта разнородностица, на наш взгляд, очень уместна при обсуждении темы, находящейся на пересечении интересов общества, власти и исторической науки.

И.И. Курилла

¹ См.: История края как поле конструирования региональной идентичности : материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 11 апреля 2008 г. / под ред. И. И. Куриллы. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008 (Волгогр. ист. семинар ; вып. 1).

² См.: Судьба исторической науки в современной Восточной Европе : материалы науч.-практ. конф., проведенной Волгогр. гос. ун-том при поддержке Проекта компаративной истории Центральноевроп. ун-та (Будапешт) 12 декабря 2007 г. / под ред. И. И. Куриллы. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009 (Волгогр. ист. семинар ; вып. 2).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПУБЛИЧНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ

Отличительной особенностью истории является то, что исследования профессиональных ученых составляют лишь часть большой картины исторического сознания. Не менее важна историческая память общества, сохраняющаяся и передающаяся с помощью различных социокультурных механизмов. Собственно, историческую науку можно считать одним из механизмов, влияющих на историческое сознание общества, но, в свою очередь, получающих импульсы со стороны вненаучных факторов.

Дело в том, что историческая наука представляет собой диалог, одной из сторон которого является прошлое, представленное источниками, а другой – ставящее перед источниками вопросы настоящее. Именно вследствие изменяющегося «сегодня» каждое поколение «переписывает историю», но вопреки обыденным представлениям это совершенно нормальный и плодотворный процесс, ведущий к улучшению нашего понимания и прошлого, и настоящего. Историки – это профессионалы такого диалога, «переводчики» вопросов и ответов, умеющие свести к минимуму искажения при передаче смыслов.

Вместе с тем различные политические и общественные силы используют историю в целях укрепления собственных позиций, черпая из нее ресурсы для формирования собственной идентичности и изменения идентичности сообщества, внутри которого они существуют. В борьбе за изменение идентичности политического сообщества в значительной степени и заключается политический процесс. Таким образом, наряду с профессионалами в поле исторических интерпретаций всегда присутствует большое количество групп и лиц, заинтересованных в получении ответов на заданные вопросы или хотя бы в ограничении круга задаваемых прошлому вопросов.

Историческое сознание живет и на неполитическом уровне общества; память передается в семьях и неформальном общении, впле-

тается в ткань литературных произведений и кинофильмов, утверждает себя в планировке городов и топонимике. Отшумевшие споры оседают в историческом сознании в виде «мест памяти» (Пьер Нора), по поводу которых нация больше (или пока еще) не испытывает разногласий, но использует их в качестве строительного материала для интерпретации позднейших событий.

Конечно же, все эти уровни исторического сознания пересекаются и взаимодействуют.

Тема нашего семинара – публичная коммеморация, памятники, среди которых мы живем и которые ставим или сносим. Самая очевидная роль памятников состоит в закреплении ценностей/интерпретаций, определенных обществом. Наряду с памятниками способом закрепления точки зрения доминирующей политической силы являются санкционированные государством учебники истории, музейные экспозиции и принятие «мемориальных законов», устанавливающих «правильное» понимание истории.

Тема эта приобрела особую актуальность в последние годы. На территории России и соседних государств меняются, уничтожаются и переносятся памятники. Иногда это делает власть, иногда – экстремистские политизированные группы. В эпицентре новостей были взрывы памятника Николаю II в Мытищах (1997) и памятников В.И. Ленину у Финляндского вокзала в Санкт-Петербурге (2009) и в г. Пушкине (2010), уничтожение мемориала героям Великой Отечественной войны в Кутаиси (2009) и перенос «Бронзового солдата» в Таллинне, установка памятника атаману П. Краснову на частном подворье в ст-це Еланской Ростовской области (2007) и мемориальной плиты казакам-коллорабационистам у храма Всех Святых в Москве (1998)¹.

В стабильные времена, когда долго не меняются доминирующие интерпретации мира (дискурс гегемонии, если использовать терминологию Э. Лаклау и Ш. Муфф²), памятники становятся ча-

¹ Текст на этой плите, разрушенной 8 мая 2008 г., гласил: «Воинам русского общевойскового союза, русского корпуса, казачьего стана, казакам 15 кавалерийского корпуса, павшим за веру и отечество».

² Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. L. : Verso, 1985.

стью городского пейзажа, архитектурными приметами пространства. Если интерпретации не меняются в течение жизни нескольких поколений, то значительная часть памятников начинает играть роль напоминания о событиях и людях, актуальность которых больше не ощущается обществом. Это, вслед за П. Рикером, можно назвать «навязанной памятью»³, в которой доминирующая группа определяет, что надо помнить, а о чем обществу лучше забыть.

Но периодически в ткани исторической реальности случаются разрывы. Революционные эпохи меняют интерпретации и оценки. Что происходит в эти периоды с пространством символов? В зависимости от радикализма новых идей и новой элиты она либо сносит памятники и ставит свои (как вариант, восстанавливает памятники, снесенные в предыдущем цикле), либо устанавливает собственные памятники рядом со старыми.

Мы знаем, как радикально в 1918 году были сменены памятники, установленные «старым режимом», на памятники революционерам, как прошлым, так и новым. Другим примером может послужить мемориальный (!) храм Христа-Спасителя, взорванный в 1931 году и восстановленный в 1990-е.

Отказ государства от коммунистической идеологии, состоявшийся два десятилетия назад, позволил «расширить историю» и привел к появлению (и восстановлению) памятников царям и деятелям белого движения. Но тут оказалось, что общество не вполне готово к такому радикальному пересмотру взглядов: мы уже упоминали, что памятник Николаю II взрывали, а установка памятника атаману П. Краснову (название памятника – «Донские казаки в борьбе с большевиками») вызвала нешуточный скандал. Дело в том, что атаман Краснов в годы Великой Отечественной воевал на стороне нацистской Германии, так что этот памятник вступил в противоречие с основным историческим мифом постсоветской России – нарративом о Великой Отечественной войне.

³ См.: Рикер П. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманит. лит., 2004.

Любопытно сегодня вспоминать, что в годы перестройки в России как пример «примирения потомков участников гражданской войны» приводилась Испания, где рядом стояли памятники генералу Франко и памятники погибшим в борьбе против него. Однако к 2011 году памятников Франко в Испании не осталось, что лучше всего показывает установление в Испании новой символической гегемонии.

В России же, как мы видим, победители в Гражданской войне лишь потеряли монополию на установление памятников. Но отход от одной из исторических аксиом лишь зацементировал другую, определяющую Великую Отечественную войну как осевое время в истории страны.

Сегодня официальная память в России выстроена вокруг «мифа о войне». Не будем здесь обсуждать, какие проблемы этот нарратив создает для общества и для исторической науки, отметим только, что для власти проблема возникает как раз с мемориализацией: по поводу Великой Отечественной она проведена еще в брежневскую эпоху; нельзя дважды поставить памятник⁴, как нельзя дважды присвоить звание «города-героя»⁵.

В этом контексте борьба против сноса и перемещения военных мемориалов в соседних странах (упомянутый выше таллинский «Бронзовый солдат», памятник в Кутаиси и пр.) выглядит как альтернатива созданию новых памятников в России.

⁴ Показателен в этом смысле Волгоград: здесь так густо стоят памятники героям Сталинградской битвы, что в последние 20 лет основные мемориализующие решения были альтернативными: ставились памятники Петру I, А.С. Пушкину, казаку, учительнице, основателю города Г. Засекину и др.

⁵ Обновленный вариант звания – «Город воинской славы» – присваивается достойным населенным пунктам, роль которых в Великой Отечественной, однако, не была ключевой; хотя, например, формулировка «За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» применительно к далекому от фронта г. Коврову озадачивает. См.: Указ Президента Российской Федерации № 1456 о присвоении г. Коврову почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы». URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d3ace0d268fbbd12eb.pdf> (дата обращения: 9.11.2011).

Если мы посмотрим с точки зрения мемориальной среды на сегодняшнюю Россию, то легко заметим, что новая идентичность не стала гегемонистским дискурсом даже по отношению к революционным памятникам.

Мы, во-первых, увидим глубокий разрыв между столицей и провинцией. Скажем, в Москве в начале 1990-х было снесено большинство советских памятников деятелям революции и Гражданской войны. Ленина, Калинина, Дзержинского можно увидеть теперь только в Парке скульптур около Центрального дома художника. А вот в Волгограде ни один памятник снесен не был. Памятники Ленину (включая самый высокий в мире у Волго-Донского канала), Дзержинскому и прочим советским героям остаются в неприкосновенности, занимая почетные места в городской среде.

Во-вторых, судьба снесенных памятников тоже остается неясной. Несколько раз в Государственной думе и московском руководстве заходила речь о возвращении на Лубянскую площадь памятника Ф.Э. Дзержинскому. Недавнее сообщение о том, что в Уфе «восстановлен» (по сути дела, заново установлен) памятник В.И. Ленину⁶, – показательный пример.

Таким образом, если у Пьера Нора «места памяти» означают, скорее, бесспорные референтные точки, задающие историческую картину мира, то в России практически вся память оспаривается.

Представляется важным понять, что споры становятся такими жесткими еще и потому, что в «бытовом» употреблении смешиваются две функции (и два типа) памятников. Первая из них – сохранение памяти о событии или (чаще) человеке.

Наиболее понятный пример – кладбищенские памятники-надгробия. Вторая – увековечивание памяти, то есть прославление.

⁶ Салихова Р. Власти Уфы вернули в центр города памятник Ленину // РИА Новости. 2011. 1 нояб. URL: <http://ria.ru/society/20111101/477143813.html> (дата обращения: 9.11.2011).

ние события или человека, внесение его в круг «актуальной» памяти с воспитательными целями⁷.

Очевидно, например, что протесты ветеранов в Волгограде в начале 1990-х годов против создания в городе мемориала погибшим немецким солдатам Второй мировой были результатом такого смешения: родственники солдат хотели сохранения памяти, а протестующая часть советских ветеранов видела в этом попытку прославления оккупантов. Созданное в результате мемориальное кладбище в пригороде Волгограда – Россошках стало уместным компромиссом: мемориал не формирует среду обитания сегодняшних волгоградцев, то есть не служит способом прославления агрессора, но остается местом, посещаемым родственниками солдат Германии и ее союзников, выполняет функцию сохранения памяти о погибших.

Есть и еще одна важная проблема, к которой нас обращает тема семинара.

Изучение памятников наглядно демонстрирует, что историческое сознание в России деформировано. В самом деле, об этом говорит не только сравнение «официального» нарратива с еще существующими «семейными историями», но и сопоставление мемориальной среды в России с памятниками в европейских странах, история которых в XX веке тесно переплелась с российской. Так, в любом европейском городе, даже самом маленьком, можно найти памятники солдатам, не вернувшимся с Первой мировой войны. Нам, однако, неизвестны памятники Великой войне (как ее называют в Европе) на территории России. Любопытно и объяснение, предложенное одним из коллег-историков: «На территории России в первую мировую не было крупнейших и решающих сражений, которые бы заслуживали увековечивания». Эта (достаточно распространен-

⁷ Не будем здесь подробно останавливаться на других функциях памятника «бренда» и туристического объекта; это отдельная интересная тема. В самом деле, можно различать памятники, к которым приносят цветы, и памятники, на которые залазят для фотографирования; монументы, предполагающие «сохранение дистанции», и намеренно вписанные в «человеческий масштаб» изваяния, к которым можно «подсесть» на городской скамейке.

ная) точка зрения демонстрирует уверенность, что памяти заслуживают не столько солдаты, сколько сражения, и отражает со всей очевидностью крайне государствоцентричный взгляд на историческую память, противостоящий представлениям о необходимости помнить каждого погибшего односельчанина, вырванного из локального сообщества глобальным конфликтом.

Что происходит с историческим самосознанием и с исторической идентичностью при смене памятников?

Мы упоминали уже о такой важной проблеме, как «навязанная память» и «навязанное забвение». В самом деле, среди тех, кого причислили к героям революции, есть разные люди, и не все из них заслужили добрую память в народе, но памятники, установленные новой властью, заставляют раз за разом вспоминать о тех, кого лучше было бы забыть⁸. И наоборот: есть исторические персоны, которые по разным причинам вытравлены из народной памяти, хотя их отсутствие зияет «дырой».

В Волгограде, например, недавно был установлен памятник Александру Невскому, не имевшему отношения к истории региона⁹. Зато в городе нет памятников историческим деятелям, в самом деле сыгравшим важную роль в его истории. Среди длинного списка, например, Стенька Разин и Емельян Пугачев, штурмовавшие и бравшие Царицын – ключевой опорный пункт в казачьих восстаниях. Интересно, что такие памятники не появились даже в советское время, благосклонно относившееся к крестьянским войнам; сегодня же, когда отношение к Разину и Пугачеву более сложное (их опять готовы относить к разбойникам и головоре-

⁸ Речь идет прежде всего об организаторах и проводниках политики «красного террора», чьи деяния, очевидным образом, невозможно оправдать с точки зрения морали (хотя, вероятно, можно объяснить обстоятельствами Гражданской войны).

⁹ Противоположная точка зрения сводится к тому, что на территории нынешней Волгоградской области долго существовала ставка хана Золотой Орды и Александр ездил туда за ярлыком на княжение; нетрудно увидеть, что таким образом к Волгограду искусственно привязывается вся история средневековой Руси времен монголо-татарского ига, – Александр не был исключением.

зам), памяти, тем не менее, заслуживает «понизовая вольница», отличавшая несколько веков истории Нижней Волги¹⁰. Здесь, однако, вступает в действие ограничение второй функции памятника: хотим ли мы *прославить* мятежников и бандитов? Уместно поставить в этот ряд и предлагаемый некоторыми памятник Сталину: его биография действительно связана с Царицыном, город несколько десятилетий носил его имя; эти доводы приводятся многократно, но ответ на них точно такой же: хотим ли мы *прославить* Сталина, установив ему памятник?

Вероятно, в таких случаях, когда необходимость и возможность увековечивания памяти конкретных исторических деятелей вызывает споры и раскол в обществе, тогда как события, в которых они принимали участие, и особенно жертвы, принесенные народом в прошлые эпохи, не надо забывать (Гражданская война и казачьи восстания являются хорошим примером), лучшим решением является памятник безымянному, обобщенному человеку, ставшему героем и жертвой исторического колеса: неизвестному солдату, казаку, женщине. Не следует ставить в Волгограде памятник, «примиряющий» Сталина с Врангелем, но, вероятно, увековечить память погибших в жестоких боях за Царицын красных и белых рядовых обеих армий имело бы смысл¹¹.

И последнее по порядку, но не по значению замечание. Кто является тем субъектом, который отбирает персонажей и принимает решение, кому из исторических деятелей ставить памятник? Мы знаем несколько вариантов ответа на этот вопрос. В пер-

¹⁰ Отметим даже, что с точки зрения другой функции памятников – «туристического объекта», «бренда региона» памятники (возможно, один общий памятник) Разину и Пугачеву могли бы стать еще одной точкой, привлекающей гостей города.

¹¹ В Волгограде есть два памятника защитникам красного Царицына (оба почему-то в «рабочем» Краснооктябрьском районе города); центральная городская площадь Павших борцов также получила свое название в 1920 году именно в память о погибших красноармейцах. Память о погибших здесь солдатах белого движения не увековечена никак; это особенно странно, если принять во внимание наличие в пригороде Волгограда упомянутого выше мемориального комплекса солдатам германской армии.

вом из них перечень заслуживающих мемориализации определяется унитарной властью: по всем городам огромной страны появляется набор памятников одним и тем же героям национального пантеона. Во втором варианте местные власти получают право прославить кого-то из знаменитых земляков, – безусловно, только с разрешения вышестоящей власти и только тех из них, кто «вписывается» в общенациональный исторический нарратив ¹². Существовавшая в СССР практика установления бронзовых бюстов на малой родине дважды героев Советского Союза была отражением принципа, по которому центральная власть определяла местных героев. И наконец, в третьем случае общество на местном уровне решает, что именно в его истории наиболее ценно, заслуживает внимания, и кто из исторических деятелей достоин памятника. В этом случае возможно разрушение общенационального нарратива, – но только такого, который сбит в монолитное и негибкое целое. Такой нарратив противоречит не только памяти местных сообществ, но и представлениям исторической науки о множественности верных интерпретаций. Напротив, региональная память о местных, пусть неоднозначных героях, в масштабах всей страны даст новое качество исторического сознания. Именно к этому, нам представляется, и надо стремиться.

¹² В Волгограде есть, например, памятники полному георгиевскому кавалеру и герою Советского Союза К.И. Недорубову и поэтессе М. Агашиной.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современной политологии все более широкое распространение получает понятие «*символическая политика*», под которым обычно подразумевают деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности¹. В развитие этой идеи разрабатываются и конкретные *политические технологии символического менеджмента*, то есть различные способы *воздействия на массовое сознание, целенаправленно используемые элитами для создания любых видов символической продукции (ритуалов, мифов, брендов, имиджей и др.)*. Весь этот символический ресурс может быть применен в различных разновидностях символического менеджмента, таких как *имиджмейкинг* (процедура создания положительной репутации или запоминающегося образа какого-либо субъекта, включая регион или страну), *брендинг* (инструмент формирования устойчивых ассоциаций и позитивной эмоциональной связи у людей с образом субъекта), *наблик арт* (проекты интеграции современного искусства в городскую среду, чтобы подчеркнуть функции, исторический или культурный смысл конкретных мест) и др.²

Память – едва ли не главный атрибут символических технологий, широко используемый в различных сферах политики, в том

¹ Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. 2010. № 2. С. 92.

² См.: Анхольт С. Брендинг территорий и государств // Клифтон Р., Симмонз Дж. [и др.]. Бренды и брендинг. М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008 ; Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001 ; Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4, № 2.

числе и в той, которой занимается автор, – этнической. В частности, память, как и другие элементы символических технологий, используется для «сшивания» этнических, региональных и национально-государственных общностей, повышения их консолидации и сплоченности. Как оказалось, проблема социально-гражданской консолидации актуальна для стран, не только стоящих на начальных этапах национально-государственного строительства, но и для давно сложившихся государств-наций. Недавние заявления глав трех европейских государств (А. Меркель, Д. Кэмерона и Н. Саркози) о провале политики мультикультурализма свидетельствуют, что эта концепция, предполагавшая единство в многообразии, была выполнена только наполовину: многообразие действительно возросло, а вот уровень единства упал. Кстати, никто из этих лидеров не отрицал того, что каждая из их стран является мультикультурной, то есть культурно многообразной, что она, например, уже не только христианская, но и мусульманская. Они выступали против общинного представления о мультикультурализме. То есть представления о том, что можно жить в одной стране, будучи замкнутыми в культурных общинах и имея только один вид преимущественной идентичности – идентичности в рамках общинного сознания. В этих выступлениях была высказана конечная идея *соединения гражданской интеграции и культурного многообразия*. Например, Д. Кэмерон отметил, что совсем неплохо наличие у людей культурного самосознания. Плохо другое – то, что у них дополнительно к этому нет единого гражданского самосознания. И получается, что треть мусульман, живущих в Англии, ассоциирует себя с мусульманами мира, но не с гражданами этой страны. В результате при такой неидентификации значительная их часть включается в террористические организации, направленные против собственной же страны.

На февральском Госсовете президент Д.А. Медведев заявил, что высказывания его коллег из Европы по поводу мультикультурализма (как он сказал, «новомодные лозунги») неприменимы для России. На мой взгляд, это типичный «эффект Журдена», который не знал, что тоже говорит прозой. Потому что если посмотреть, против чего обычно выступает президент Медведев,

то выяснится, что как раз против тех самых аспектов мультикультурализма, против которых выступили и его европейские коллеги. России еще в большей мере, чем Европе, нужно гражданское единство. Проблематика этнополитической дезинтеграции все время меняется. В 90-е годы это была проблема конфликта национальных республик и федерального центра, а в 2000-е – проблема «Мигранты и принимающее сообщество» в крупнейших городах России.

В ходе нашего семинара мы планируем рассматривать проблему памяти и памятников в контексте политического конструирования национальной или региональной идентичности. Перед вами выступят четыре человека, представляющие проект Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Учитель – ученики». Учитель – это автор, а ученики – аспирантка Н. Абалмасова и студенты магистратуры С. Мохов и С. Простаков. Эта та часть нашей из группы из 7 человек, которая занимается в той или иной мере проблемой символического менеджмента в рамках исследования по теме: «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России». Н. Абалмасова расскажет о прикладных аспектах проблемы на примере одной из областей России, С. Мохов и С. Простаков больше затронут исследования памятников как индикатора нынешнего состояния национально-интеграционных процессов в России и Украине.

Поговорим о проблеме границ самого конструктивного подхода в этнической политике.

Казалось бы, роль конструктивизма именно в исследовании этнических процессов возрастает вот уже последние три десятилетия. Становятся модными идеи нации как воображаемого сообщества и этнических сообществ чуть ли не как мифологической категории. Однако параллельно возрастает осознание ограниченности как самой конструктивистской парадигмы, нуждающейся в дополнении иным образом мысли и иной аналитической оптикой, так и в особенности возможности решения проблем интеграции с помощью психологических манипуляций, таких как «воспитание патриотизма» или «воспитание толерантности».

Скажем, в российских условиях на федеральном уровне трудно использовать давнюю историю, поскольку одни и те же события читаются по-разному ее народами. Для русских Чингисхан – завоеватель, для калмыков и бурят – великий и славный герой. Для русских завоевание Сибири – одно из значимых событий, а элиты многих народов Сибири оценивают это событие принципиально иначе. Такие же различные оценки проявляются по поводу взятия Казани и даже вокруг события 4 ноября, положенного в основу национального праздника – Дня народного единства.

Далее, на региональном уровне было множество провалов в попытках региональных вождей выстроить позитивный образ региона и позитивную же региональную идентичность. Все яснее становится, что красивый рекламный макияж не способен прикрыть реально уродливого обличия. При формировании региональной и национальной идентичности (позитивной консолидированной идентичности) начинать нужно все-таки с излечения физиономии, а не с ее запудривания. Если говорить о региональной идентичности, то можно утверждать, что позитивная идентичность – один из способов усиления единства общности, которое, в свою очередь, является предпосылкой формирования гражданского общества в регионе. Однако одними лишь психологическими манипуляциями такой идентичности добиться нельзя. Например, гламурной, но неадекватной рекламой региона еще можно заманить в него туристов, да и то только в первый раз. Что касается местных жителей, то для них характерна повышенная подозрительность к внешнему визуальному приукрашиванию своей местности, особенно когда эти образы настойчиво навязываются.

Совсем иное дело, когда символические образы используются как *дополнительный вспомогательный инструмент в процессе либо органической, то есть естественной, модернизации территории, либо ее комплексного целенаправленного преобразования (то есть управляемой модернизации)*. Приведу в пример Италию 1970-х годов. К этому времени страна все еще оставалась сильно раздробленной, почти половина населения не владела итальянским языком, используя местные диалекты. Противоречия богатого Севера и бедного и вороватого

Юга были не меньшими, чем во взаимоотношениях Центральной и Северокавказской частей России. Но именно в 70-е годы в Италии началось столь бурное движение к интеграции, что некоторые ученые стали сравнивать его с мирной революцией. Это движение развивалось в двух встречных направлениях на разных уровнях: сверху и снизу. На верхнем, национальном уровне в качестве объединительной использовалась идея «Единая Италия – часть Европы (такой же лозунг был характерен именно в эти годы и для других стран южной Европы – Испании и Португалии). Снизу, на региональном уровне выдвигалась другая идея – «Только из конкурентоспособных регионов может сложиться единая Италия». Речь шла о замене иерархической подчиненности регионов в системе итальянской «вертикали власти», в результате которой Север буквально подавлял центральные и южные регионы страны более справедливым горизонтальным их единством как частей кооперативной целостности. Подъем регионов начался с идеи формирования *промышленных округов*, в которых малые и средние предприятия получали институциональную поддержку и, объединившись, приобретали способность конкурировать с промышленными гигантами северных регионов. Сперва такие сращения были лишь средством борьбы против экспансии крупного капитала Севера и способом защиты от коррупции государственных чиновников. Однако впоследствии, будучи дополненными политическими преобразованиями, эти меры привели к радикальным переменам всего социально-экономического ландшафта Италии. В наши дни «две сотни промышленных округов, в которых проживает меньше четверти населения Италии и трудится чуть больше $\frac{1}{10}$ всех занятых, дает 46 % национального экспорта»³.

Политическая модернизация регионов состояла в том, что были созданы условия большей независимости для новых региональных лидеров от своих прежних столичных патронов. Кроме того, жители областей почувствовали, что могут влиять на

³ Паин Э. Распутица. Полемиические размышления о предопределенности пути России. М. : РОССПЭН, 2009. С. 198.

судьбу региона: процедуры обращения в государственные органы и к избранным представителям стали более быстрыми и прозрачными, сами инициативы подобного рода – более эффективными, и в целом региональная политика стала иметь граждански ориентированный ракурс. *Вот в этих условиях* новые региональные элиты стали прибегать к инструментам символического менеджмента, *чтобы закрепить* практику формирования регионального сообщества, возникшую стихийно. Большое значение в создании региональных идентичностей имело обращение к *исторической памяти*, к традициям. «Одним из типичных институтов, структурирующих промышленные округа [юга и центра Италии], являются музеи, то есть места, где концентрируется историческая память о данной местности с ее специфическими промыслами: “Музей башмака” в области Марке, “Музей горного ботинка” в г. Монтебеллуна, “Академия шерсти” в г. Бьелла и т. д. Сходную и не менее важную роль играют коллективные бренды промышленного округа: “Пармезан из Реджо Эмилии”, “Ткани Прато”, “Ветчина Сан Даниэле” и т. п.»⁴. Каждый из таких брендов не только олицетворяет качество регионального производства и соответствующие региональные идентичности, но и является символом благополучия территории, а также напоминанием о том, что оно стало реальностью благодаря самому населению.

История преобразования регионов Италии демонстрирует, что символический капитал, даже не имеющий очень глубоких исторических корней, но последовательно укрепляемый элитой регионов, может оказаться эффективным ресурсом сплочения населения и в конечном итоге модернизации при определенных условиях и ограничениях, только о некоторых из которых мы рассказали.

⁴ Паин Э. Указ. соч. С. 198.

**ФЕНОМЕН ПАМЯТНИКА
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ:
ДИСФУНКЦИЯ КОММЕМОРАЦИИ**

Памятником материальный объект делает то, что его образ в результате практик коммеморации становится элементом системы образов коллективной памяти той социальной группы (религиозной общины, субкультуры и т. п.) или масштабной социокультурной целостности (этноса, нации), которая установила или спроектировала этот памятник. Памятник призван позиционировать эти общности во внешнем мире.

Любое общество материализует свою память, создавая локусы памяти. «Места памяти – всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности»¹. Места памяти – это пространства для хранения социально общезначимых образов, а также способов их смыслового наполнения.

Общество в лице политических и интеллектуальных элит помещает социально общезначимые образы в символическое пространство культуры, общественные ресурсы инвестируются в памятники (мемориалы), которые составляют специфическое пространство для аккумуляции социально значимого опыта прошлого, обеспечивающего групповую самоидентичность². Сакральные предметы (идолы, фетиши), архитектурные сооружения, письменные и устные тексты – все это памятники в широком смысле этого слова (архитектурные, художественные литературные па-

¹ Нора П. Память, история // 50/50. Опыт словаря нового политического мышления. М., 1989. С. 441.

² См. подробнее: Кравченко И. Г. Памятник как социокультурный феномен // Вестник ВолГУ. Серия 7. 2008. № 1 (7). С. 60–64.

мятники). Они занимают *место* в физическом и виртуальном пространстве культуры, внешнем по отношению к индивидуальному сознанию.

Интересно, что современная европейская культура конституировалась не столько как *место*, сколько как особое *время*, современность. В культуре постмодерна начинает отрицаться фундаментальная значимость пространства (места) для идентичности современного человека³. На этом фоне исчезающего значения пространственного аспекта реальности увеличение числа мест памяти выглядит парадоксально. П. Нора вполне правомерно объясняет это тем, что «многочисленные места памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп»⁴. Другими словами, исчезновение «живой памяти» требует объективированной памяти для процессов социализации и солидаризации через общность рамок воспоминаний и политической фантазии.

В этом аспекте основной функцией памятника является коммеморативная. «Коммеморация определяется как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии... служит выражением солидарности группы»⁵. Коммеморативная функция – это функция объединения людей в коллективы, их солидаризация. Солидарность – это объективация интеграционных процессов в обществе. Понятие солидарности указывает на факт перехода слаботруктурированного множества индивидов (соединенных случайными факторами, например фактом рождения или ситуационным интересом) к состоянию структурного единства.

В этом смысле культура может быть представлена в виде ансамбля «машин солидарности». Машинами, или механизмами

³ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.

⁴ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюижеж, М. Винок. СПб., 1999. 17 с.

⁵ Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago : The University of Chicago Press, 1999. P. 7.

солидаризации, мы называем такие ансамбли ценностных установок, которые превращают разделенных индивидов в членов целостного общественного организма. Памятники являются элементами такой машины культуры, как архитектура. С семиологической точки зрения «машины солидарности» – это комплексы особых дискурсов и общественных институций, конституирующих, легитимирующих и тем самым превращающих эти дискурсы в практики, и в частности в практику коммеморции.

Памятник – материализованный символ, который приобретает свою специфическую знаковость в ситуации активизации тех слоев коллективной памяти, которые способны солидаризировать членов группы, обеспечить их идентичность через отсылку к символам группового единства. *Символами группового единства* мы называем общие для всех членов группы фигуры воспоминания, которые организуют рамку (фрейм) для возникновения общего смыслового поля: комплекса мыслей и переживаний у зрителя (участника действия). Немецкий историк и культуролог Я. Ассман называет такой тип символов «идентификационной символикой». Он вполне справедливо связывает ее с волей к политической фантазии⁶.

Символы группового единства (образы мира, человека, родины, отечества и т. д.) имеют специфический набор значений, что делает их культурно и исторически локальными, – это именно групповые символы. Кроме того, память группы конституируется архетипическими образами, которые имеют отношение к более широкому историческому контексту происхождения и развития человеческого рода.

Для поддержания жизнеспособности общества идентификационная символика (символы группового единства) должна быть зафиксирована и помещена в коллективную память. Задачу ее отбора и фиксации, как правило, выполняют интеллектуальные элиты. Они создают ее пространственные воплощения – фетиши. Яркими примерами солидаризирующих символов-фетишей и яв-

⁶ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 183.

ляются памятники. Для достижения такого эффекта нужны довольно яркие, вызывающие определенные ассоциации образы единства группы. Именно над воплощением таких образов и работают авторы памятника – скульптор, художник, архитектор, писатель. Такие образы встраиваются в уже существующую систему образов коллективной памяти, что и придает им статус символа, выполняющего функцию идентификационной привязки, реперной точки крепления идентичности. Групповая идентификация является целью возведения памятников, в отличие, например, от парковой скульптуры, имеющей сугубо эстетическую функцию.

Благодаря ансамблю символов группового единства человек получает возможность производить важнейшую для социальной формы жизни операцию сепарации ценностей: из неопределенного множества встречающихся на его пути ценностей он отбирает некоторые, что позволяет ему идентифицировать себя с какой-то определенной группой людей. Система общегрупповых ценностей позволяет человеку отделить тех, с кем он чувствует и осознает свою солидарность, от тех, с кем он не солидарен. Разумеется, можно создать солидарность и насильственно, но и это не отрицает необходимости наличия в обществе запаса общегрупповых ценностей. Для поддержания жизнеспособности общества идентификационная символика должна быть зафиксирована и помещена в коллективную память. Задачу ее отбора и фиксации, как правило, выполняют интеллектуальные и политические элиты, которые и устанавливают (или дают разрешение на установку) памятники в городском пространстве.

Памятник может порождать долгосрочную групповую память как у жителей города, страны, которым символически безразличен памятник или недолговечные фигуры индивидуальной памяти, так и у туристов, осматривающих (рассматривающих) памятники: собственно, для них это и не памятники, а, скорее, привлекательные или непривлекательные арт-объекты. Так как такие воспоминания недолгосрочны, то турист подсознательно стремится к фиксации их на внешних материальных носителях. С этим связано особое «заболевание» – навязчивое желание туриста фотографировать памятники. Фотографии здесь – транс-

фер страха не получить впечатления, которые бы могли сохраниться: турист, будучи простым потребителем стандартного и потому тусклого продукта туриндустрии, находится в ситуации неярких впечатлений при ожидании обратного.

«Память – временная составляющая идентичности, наряду с оценкой настоящего и планированием будущего», – пишет французский философ П. Рикер⁷. Важнейшими областями приложения усилий по формированию политики памяти являются система массового образования и организация так называемых памятных ландшафтов городов. Первая сфера относится в большей степени к федеральному уровню, поэтому в нашей статье мы рассмотрим проблему формирования «памятного ландшафта» провинциального российского города.

Коллективные идентичности формируются в ситуации приподнятости над уровнем повседневности, торжественности. Но коллективное торжественное действие, как любое интенсивное состояние, требует значительных инвестиций и не может продолжаться долго. Поэтому и необходимо создание памятных ландшафтов, которые аккумулируют и сохраняют память об объединяющем людей чувстве. В этом смысле памятник – это суггестивная метафора.

Метафора представляет собой образ, в который как бы упакован огромный объем значений. Она выполняет функцию, не свойственную строго логической форме понятия, это – функция сопоставления несопоставимых семантических концептов. Такое сопоставление постигается за счет того, что метафора предполагает, с одной стороны, сходство между свойствами ее семантических референтов, а с другой – несходство между ними⁸.

⁷ Рикер П. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. С. 119.

⁸ Аналогично этому устроен и мнемотехнический процесс запоминания: на усвоение нового материала оказывает влияние известная информация, а на сохранение – изучение нового материала в промежуток усвоения и воспроизведения по памяти; этот динамизм привносит в образ памяти как склада следов момент постоянного взаимодействия и рекомбинации образов, основанных на этих следах.

Это парадоксальное сочетание понятности и непонятности сообщения, которое несет метафора, порождает суггестивность смысла. Суггестивный момент, который несет в себе коммеморативная практика, порождает особый фактор мышления, фактор автоматического понимания и принятия/непринятия в свою картину мира этого образа. В случае, когда понижена или отсутствует суггестия, мышление становится вялым, внутренний взгляд начинает скользить по поверхности информационных потоков. Для работы мышления и памяти необходим суггестивный момент, активность нашего мышления инспирируется и направляется глубинными структурами языка, в том числе языка архитектуры⁹.

Если раньше коллективная память горожан была больше связана с личными поступками и речами, исходящими от власти, то теперь основными связующими моментами власти и памяти являются информационные сообщения и визуальные объекты. П. Хаттон верно подметил: «Сила памяти сегодня заключается... не в нравственном влиянии, а в ее материальных останках»¹⁰.

Каковы тенденции формирования «памятных ландшафтов» современных российских городов? В городе память конструируется посредством создания муниципальными и областными властями соответствующей материальной и информационной среды. Сегодня общество и власть материализуют коллективную память, в том числе и с помощью направленного демонтажа (или установления) памятников; организации культурных мероприятий и фестивалей; новых музейных экспозиций и новых музеев; переписывания текстов учебников и путеводителей, официальных текстов; и т. д.

⁹ Здесь мы опираемся на когнитивную теорию Эрла МакКормака, который вслед за Хомским постулировал существование абстрактных глубинных структур языка. Ср.: MacCormac E. R. A Cognitive Theory of Metaphor. Cambridge (Mass.) ; London : MIT Press, 1985.

¹⁰ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2003. С. 353.

Автор изучал данную проблему применительно к идентичности жителя города Волгограда – крупнейшего областного центра Южного федерального округа. Был проанализирован только один аспект этой проблема: возведение в городе новых памятников и их взаимоотношения со старыми памятниками в символическом пространстве. Волгоград славен своими монументами, увековечившими память о Великой Отечественной войне. Самым знаменитым памятником является архитектурно-монументальный ансамбль «Мамаев курган». Именно память о Великой Отечественной войне, символизируемая этими монументами, вписывает Волгоград в глобальную или мировую историю. Однако в последнее время в местной прессе активно муссируется мысль о необходимости смены политики в области символики городской скульптуры. Такая установка связывается якобы с моральной усталостью населения города от тягот памяти о военном прошлом. В городе начали устанавливаться памятники, символика которых базируется на образах обыденности, легкости бытия потребительского общества. Возведены псевдопамятники обнаженным влюбленным, ангелу-хранителю, подкове «Мегафон». На одной из городских магистралей установлена перед рестораном скульптура свиньи. Их формально-юридический статус – «садово-парковая скульптура», но в СМИ они ложно промоутируются как локусы общегородской памяти.

Почти все города столкнулись с этой тенденцией: устанавливается и легализуется под видом памятников реклама товаров, торговых знаков, а также всевозможные личные символы быта (памятник вилке, пельменю, кастрюле и т. п.). Причины такого положения дел лежат на поверхности – это отсутствие внятной политики памяти в городах, при котором процессы увековечивания настоящего (историзация) начинают протекать спонтанно. Если в древности попытки увековечить память о себе предпринимали только государственные власти, то в условиях демократизации аналогичные претензии начинают предъявлять различные социальные группы и даже частные лица. Как пишет Г. Люббе, «настоящее, знающее подобно нашему, что оно в качестве будущего прошлого станет в будущем объектом исторического сознания, прецептивно

организует также и самоотдачу будущему, ориентируясь на предположительную реакцию прошлого в будущем»¹¹.

Действительно, с помощью возведения новых монументов социальные группы и частные лица стремятся остаться в памяти. Однако коллективная память имеет пределы. Ее объем ограничен, чему способствует зеркальный феномен политики памяти – политика забвения. Это только наивному сознанию масс и некоторых официальных лиц кажется, что для памяти всем найдется место. На самом деле новые памятники, отвоевывая себе место в памяти, неизбежно вступают в символическую борьбу со старыми.

Еще одним условием формирования коллективных идентичностей является организация памятного ландшафта для коммемораций во время праздников. На власти городов возложены функции по организации праздников и созданию архитектурной и информационной среды, способной производить городской образ жизни и обеспечивать общегражданскую идентичность. Ведь именно в городах протекают процессы активного формирования государственной, национальной, региональной и субкультурной идентичности. Современные формы управления городом представляют собой сложный комплекс воздействий, исходящих от различных социальных групп. Сегодня установившийся порядок носит более демократический характер, но он сильно осложняет проведение рациональной и ответственной политики, особенно в культурной сфере. Так, мы наблюдаем серьезное изменение памятных ландшафтов во всех городах Российской Федерации и стран СНГ. Но если в столицах эти изменения частично опираются на осознанное политическое действие, то в регионах они зачастую принимают хаотичный и пародийный характер. Региональные элиты, видимо, не вполне осознают опасности и преимущества процесса изменения памятных ландшафтов города¹².

¹¹ Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 103.

¹² В последнее время, правда, наметилась тенденция на рост осознания представителями властных региональных элит того, что современный город – сложнейшая многоуровневая система различных культурных укладов. См., например: Шредер В. Качество жизни как общественно-политическая проблема // Власть. 2008. № 5. С. 3–8.

Хаотичность изменений символического пространства российских городов только на первый взгляд кажется безобидным проявлением переходного периода от командно-директивного метода управления культурными процессами к современным формам управления. Культурные процессы, связанные с формированием идентичности социальных групп и отдельных граждан, имеют стратегический характер в современном мире. Как уже было отмечено, важнейшими элементами символического пространства являются праздники.

В качестве неудачного примера организации торжества разберем празднование Дня Победы, состоявшегося 9-го мая 2008 года в Волгограде. Традиционно в этот день жители миллионного города съезжаются на вечерний салют на Центральную набережную Волги. Долгое время в этот день салютовали орудия, установленные на противоположном берегу реки. Это было грандиозное запоминающееся зрелище. Понятно, что такие мероприятия требовали немалых затрат. В этом году салют был слабым и неубедительным зрелищем, больше напоминавшим простой фейерверк, что полностью обмануло надежды горожан и гостей города, приехавших со всех районов для того, чтобы участвовать в ритуальном действии. Нам интересны не причины, а последствия такого сильного ослабления ритуальной стороны общегородского мероприятия. Люди уходили, не дожидаясь конца жалкого зрелища (по сравнению с предыдущими годами); явно наблюдалось фрустрированное состояние огромных масс людей. Фрустрация возникла вследствие неподтвержденной идентификации 9-го мая с чем-то грандиозным. Такая идентификация поддерживалась городской властью, но в последнее время эта позиция начала меняться. В местной прессе уже довольно долго муссируется идея о том, что якобы за десятилетия копилась усталость от слишком масштабного монументального искусства и увлечения властей военной тематикой. Рядом авторов утверждается, что «нужно вдохнуть в него (Волгоград. – А. М.) новые образы, не связанные с идеологией и трагической военной историей»¹³. В русле этих идей

¹³ Пилипенко В. Монументальная любовь // Деловое Поволжье. 2008. № 22 (июнь). С. 3.

проводятся праздничные мероприятия и оформление мест памяти. Еще один урон коллективной идентичности был нанесен оформлением 9-го мая главной площади Волгограда – площади Павших борцов, на которой проходят военные парады и демонстрации. Тысячи мельчайших флажков-триколоров были обильно навешаны на металлоконструкции, которые явно стали напоминать либо какую-то пародию на новогоднюю елку, либо «буддийское дерево». Кроме того, размещенные здесь же красные флаги были украшены множеством фривольных звездочек, «ссыпанных» в угол полотнища. Вероятно, дизайнеру это показалось удачным декоративным решением красного флага, но ведь такие флаги должны будить воспоминания о флаге Победы. Это было проигнорировано. По главной городской магистрали вывесили «разложенный на фракции» российский флаг: композиция из трех маленьких флажков – белого, синего и красного.

Все эти примеры показывают полную некогерентность оформления праздника и образов памяти горожан, связанных с 9-м мая. То обстоятельство, что память волгоградцев все еще оперирует традиционными символами, было проигнорировано. Попытки полностью переформатировать символическое поле этого праздника по типу развлекательного шоу говорят не только об инертности культурной политики или непонимании механизмов ритуального воздействия на сознание. Мы не исключаем, что сделанные изменения были вызваны благими намерениями – попытками обновления праздничного действия. Упразднение базовых традиционных символов при создании нового качества зрелищности на самом деле способно запустить механизм, альтернативный политике памяти, а именно – политику забвения.

Разрушение ритуальной стороны празднования 9-го мая началось еще в конце 1990-х, когда начали устраивать театрализованные представления: ряженые в немецких и русских солдат люди передвигаются по полю, изображая войну. Другими словами, в организации праздников отчетливо прослеживается тенденция на превращение эстетического пространства общенационального празднования в карнавальное шоу. Казалось бы, это вполне в духе времени: забавно и развлекает молодежь. Однако здесь не учитывается то обстоятельство, что историческая па-

мять горожан, все еще хорошо помнящих войну (в том числе – детей и внуков, воевавших под Сталинградом), входит в противоречие с мифологической памятью, которая формируется с помощью костюмированных спектаклей. Последний вид памяти активно используется в рекламных технологиях, которые переносятся в политическую сферу¹⁴. Но исследования последнего времени показывают, что горожане (особенно в мегаполисах) научились отличать рекламный имидж от действительного образа исторической памяти. Интересно, что речь в данном случае идет не только об относительно образованном человеке, но и о простом российском обывателе. Ученые обнаружили, что отечественная культура и образование смогли дать людям критерии для такого различения. Так, в частности, именно это обусловило очень быстрый рост недоверия людей к манипулятивным политическим технологиям, применяемым в 1990-е годы прошлого века. Нынешняя культурная региональная политика должна и может соответствовать современным знаниям в области формирования такой социальной памяти, которая не разрушала бы основы общественной нравственности.

А.Ю. Клейтман

**«ЭПОХА КОММЕМОРАЦИИ»:
МНЕМОНИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Одной из существенных особенностей современной культуры является устойчивый интерес к прошлому, настойчивое желание вернуться к нему в своей памяти, все вспомнить и переос-

¹⁴ Почепцов Г. Г. Имиджеология: теория и практика. Киев : Изд-во СП «АДЕФ-Украина», 1998. С. 84–135.

мыслить. Память стала одним из ключевых понятий социально-гуманитарного знания и стратегическим оружием идеологических манипуляций. Проблематика «memory-studies» также завоевывает все более прочные позиции.

Парадоксальным образом по мере увеличения темпов архивации прошлого происходит его дезактуализация, превращение в «чужую страну» (термин Д. Лоуэнталя). По мере устаревания прошлого, стремительно теряющего свою ценность, к нему все больше возрастает интерес, который вызван именно процессом постепенного исчезновения прошлого, уже перешедшего за грань небытия. Именно неуловимый флер потусторонности, дыхание смерти привлекают внимание наших современников к паровым двигателям, соломенным крышам, транзисторам и глиняным горшкам. Приближающаяся неизбежность распада и придает очарование уходящему. Коллекционирование граммофонных пластинок отнюдь не означает отказа от лазерных дисков, восстановление ретроавтомобилей ограничивается, как правило, внешними характеристиками, вполне сочетаясь с современными представлениями о скорости и комфорте передвижения. Утраченное компенсируется интересом к его истории. «Когда вещи перестают быть полезными, ими восхищаются только потому, что они старые. Их сохранение придает вещам своеобразную генеалогию, помещает их в определенный темпоральный контекст, компенсирует им ту долговременность, которой мы их лишили, избавившись от них так быстро»¹.

По словам Д. Лоуэнталя, превращение прошлого в «чужую страну» делает невозможным его воплощение в творческих актах, и усилия сосредоточиваются на консервации его фрагментов: «Чем менее целостна роль прошлого в нашей жизни, тем более настоятельна потребность в сохранении его реликтов... они уже не принадлежат действительному миру, не стимулируют вдохновение художников и архитекторов на новое творчество. Они уже не составляют части живого прошлого, но больше мы ценим его следы или же пытаемся приспособить их для нынешних целей.

¹ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004. С. 600.

А поскольку существовавшие ранее способы реакции на прошлое для нас теперь закрыты, поскольку большая часть сохранившегося прошлого принадлежит чужой для нас стране, именно сохранение стало основным – часто единственным – способом обращения к нашему наследию»².

А.И. Макаров связывает возрастающую актуальность проблематики надындивидуальной памяти с поиском ориентации субъекта в условиях рушащихся символических универсумов: «Образы социальной памяти более устойчивы во времени, чем образы индивидуальной памяти. Поэтому коллективный характер воспоминания выступает эквивалентом всеобщности образа и опыта, объективности знания... Историческое событие – это такое воспоминание, которое способно внести смысл в наличную действительность для членов коллектива»³.

В отличие от актуальной бесконечности социальной памяти, пространство памяти культуры ограничено. Именно поэтому пополнение культурной памяти, запоминание нового возможно лишь на основе забвения старого, освобождения ресурсов. В рамках культурной памяти как сложной органической и в то же время системной целостности важное значение имеют не только отдельные ее элементы, то есть разделяемые культурным сообществом воспоминания, но и многочисленные связи между ними. Если в классической культуре обновление памяти происходило постепенно и новые элементы, приходящие на смену «устаревшим», неактуальным, успевали «врасти», вписаться в ее структуру, не разрушая общего облика «мнемонического ландшафта», единства памяти культуры, то в эпоху многократного ускорения хода истории (и, соответственно, памяти) интервал между «запоминаниями» постоянно сокращается в силу ментального устаревания настоящего, превращающегося в прошедшее. В результате этого процесса происходит изменение

² Лоуэнталь Д. Указ. соч. С. 579.

³ Макаров А. И. Социальная память и проблема реальности // Известия Волгogr. гос. пед. ун-та. Серия «Социально-экономические науки и искусство». 2009. № 3 (37). С. 7.

культурного метаболизма, процесс воспроизводства памяти трансформируется, и традиционная память как «экран», в терминологии А. Моля, приобретает характер «мозаики», «войлока». Мозаика отличается от системы тем, что не имеет единой структуры, объединяющей элементы в системную целостность. Мозаичная культура, по словам А. Моля, складывается из «разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или по ассоциации идей... Она состоит из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни единого общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью»⁴.

Целью и наивысшей ценностью в этих условиях становится тотальная архивация, стремление «вспомнить все», запоминание без разбора (отбора), а также негация забвения. Память разрастается и поглощает все вокруг себя. Так как все запомнить невозможно, запоминанию подвергаются только формы, имена, ярлыки. Память сближается с идеологией и приобретает искусственный, сконструированный, манипулятивный характер. В такой культуре важна не преданность конкретным ценностям и идеалам прошлого, воспроизводимым в настоящем и продуцируемым в будущее, а умение «пользоваться» памятью, жонглировать именами, переструктурировать воспоминания, растворяться в отсутствии логики и последовательности. Содержание памяти культуры и, соответственно, индивида, перестает структурироваться по иерархии и ценностно-смысловой нагруженности на более или менее значимое, а начинает выстраиваться в случайном порядке, по ассоциативному принципу, по алфавиту, личным предпочтениям, условиям запоминания, по внешнему сходству и т. п.

Ускорение темпа исторических изменений влечет за собой фрагментацию целостного восприятия времени и увеличивает значимость случайностей и единичных явлений. «С одной стороны, – утверждает П. Андерсон, – невероятное ускорение истории по-

⁴ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 45.

гружает все и вся – и все скорее и скорее – в область окончательно минувшего. Это ускорение заражает лихорадкой сохранения следов и остатков, оно порождает сомнение перед лицом разрушения, навязчивое желание накопления, которым питается гипертрофия институций памяти: архивов, музеев, библиотек, коллекций, цифровых массивов акций, банковских данных, хронологий и репертуаров, всего того, в чем не следует более видеть отходы нашей цивилизации и свалку истории, но, напротив, зеркало нашей идентичности и хранилище правды о нас, ждущей расшифровки»⁵.

Свойственная культуре постмодерна ценностная рядоположенность «всего со всем», одновременность всего в сочетании с массовым пассажем и «ностальгической революцией» вызывают к жизни ситуацию своеобразного «затопления» эклектичным нагромождением обломков прошлого. На наш взгляд, именно «туристическое» отношение к прошлому является наиболее точной характеристикой описываемой культурной ситуации. Равнодушная всеядность, произвольно отбирающая одни элементы исторического прошлого и отбрасывающая другие, ведет к превращению истории в «зрелище» и утрате подлинного интереса к прошлому.

Прогресс цивилизации, влекущий за собой постоянный рост количества устаревшего, сданного в архив, одновременно является причиной нарастания музеефикации современной культуры, когда она сама становится музеем, превращаясь в «кладбище культурных архивов» (Б. Гройс). Память культуры в этих условиях вырождается, поглощает все вокруг себя, превращаясь в процесс хаотического и тотального архивирования. Культура тонет в памяти, сохранение, судорожное удержание настоящего становится основной ценностью и целью культурного развития. По мере «исчезновения» настоящего, все быстрее становящегося *непережитым, неосмысленным* прошлым, возрастает роль памяти, сопровождающей процесс отчуждения истории от человека, не способного более влиять на события настоящего и будущего, принимать в них участие.

⁵ Anderson P. La penseetiede, suivi de La penseerechauffee, reponse de Pierre Nora. Paris, 2005. P. 119.

По словам М. Ямпольского, современный человек «стоит на обочине истории, не зная, как в нее вступить, ведь она всегда являет ему себя как уже минувшее, как прошлое. В этой ситуации память оказывается единственной возможностью “подключения” прошлого к настоящему, единственным инструментом актуализации истории. Но действует она в этой актуализации как принципиально антиисторическая сила... речь идет о превращении живого настоящего в пробудитель воспоминания о прошлом. Речь идет о ностальгии, пронизывающей современность»⁶.

Фетишизация прошлого, заменяющего будущее, влечет за собой особого рода ностальгическую «распущенность», когда повсеместный интерес к собственным истокам, семейным воспоминаниям, написанию мемуаров и составлению генеалогий сводится к восстановлению формы без содержания, к пассивизму при совершенном равнодушии к реальному прошлому, к упоению меланхолией и историческому мифотворчеству. «Обращение к прошлому подменяет собой повернутость в будущее. *Arche* окончательно заменяет собой *telos*. Мы оказываемся свидетелями некоего извращенного триумфа метафизики. Если существо конечной цели задавалось истоком, то теперь, когда *telos*'а больше нет, исток фетишизируется как единственный носитель смысла. Эта фетишизация прошлого – признак метафизической изношенности мира», – заключает М. Ямпольский ⁷.

По мнению ряда исследователей, свойственный современной массовой культуре интерес к прошлому является одним из факторов нисходящей коллективной идентификации. По словам Л. Гудкова, «массовое обращение к искусственному прошлому не проходит даром. Дело не в самом усилении традиционализма, а в том, что он представляет собой одну из версий общественной примитивизации, понижающей структуры идентичности»⁸. Иллюзия сохранения преемственности, коллекционирование имен, расцвет ложных

⁶ Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // НЛО. 2007. № 3. С. 211.

⁷ Там же. С. 210.

⁸ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. С. 9.

воспоминаний – и обожествленное прошлое превращается в собрание исторических анекдотов и курьезов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что такая обращенность в прошлое сопровождается практически полным отсутствием к нему интереса, утратой осознания его осмысленности и ценности.

Подобная демонизация культурного забвения, воспринятого именно в ракурсе окончательного уничтожения или по меньшей мере дисфункции памяти, стала общим местом рассуждений о темпоральности личности и структуры социума. Представляется, что одним из источников подобной установки является редукционистское понимание важного в семиотическом отношении тезиса Ю.М. Лотмана о культуре как форме коллективной памяти, текстопорождающей машины: «С точки зрения семиотики культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых... при этом общая для пространства данной культуры память обеспечивается, во-первых, наличием некоторых константных текстов и, во-вторых, или единством кодов, или их инвариантностью, или непрерывностью и закономерным характером их трансформации»⁹.

Культурная память, по мысли Ю.М. Лотмана, не сводима лишь к накоплению и бессмысленной архивации смыслов и ценностей. Имеет место и обратный, не менее важный для развития культуры процесс забвения. «Прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, – говорит исследователь, – а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе»¹⁰.

Сложная динамическая устойчивость культурного целого связана с постоянным взаимодействием всех временных наслоений. По мнению Б. Успенского, «прошлое непрерывно организуется историками как текст, прочитываемый в перспективе настоящего и

⁹ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Семиосфера. СПб., 2004. С. 673.

¹⁰ Там же. С. 615.

переосмысляемый в связи с ним»¹¹. Память культуры, как замечает Ю.М. Лотман, «имеет панхронный, континуально-пространственный характер. Актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию... Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (то есть хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и “как бы перестает существовать”. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения»¹².

Другими словами, память занимается постоянным перевоссозданием прошлого в настоящем и для настоящего. Прошлое как результат целенаправленного воздействия и культурного конструирования, считает М. Хальбвакс, постоянно реорганизуется «социальными рамками памяти», сменяющимся контекстом движущегося вперед настоящего. «В этом смысле, – замечает исследователь, – нет общественной идеи, которая не была бы вместе с тем воспоминанием общества»¹³. Память, соотношенная с забвением, расширяет темпоральную структуру современников, позволяя им существовать не только в актуально-современном настоящем, но и одновременно пребывать в состоянии несовременности, «прошедшести», выходящей за рамки повседневной практической деятельности. Одномерная рутинность повседневности, по замечанию Г. Маркузе, предполагает подгонку всего происходящего под требования стереотипов обыденной жизни, в то время как воспоминание на какой-то момент разрывает эту одномерность, позволяя дистанцироваться от тотальной власти наличного бытия современности. «Воспоминание – это способ освободиться от данностей, способ “связи”, которая на мгновение сокрушает силу данностей. Память возвращает в воспоминании о прошлом ушедший страх и ушедшую надежду»¹⁴.

¹¹ Успенский Б. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 19.

¹² Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 674–675.

¹³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 389.

¹⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003. С. 117.

По выражению А.И. Пигалева, память является своеобразной «машинной удержания неприсутствующего»¹⁵, делающей возможным «присутствие всего множества сущего в одном моменте. Именно на этом основании память должна быть отнесена к разряду социокультурных интеграторов»¹⁶, то есть специфически человеческих способов формирования и поддержания общности культурного целого, механизмов ее воспроизводства и регенерации. «Культура как “машина памяти”, – продолжает ученый, – становится возможной лишь при том условии, что она связывает людей с тем пограничным состоянием, в котором они некогда перестали быть чисто биологическими существами и обрели то, что называется человеческим в человеке... и имеет вид механизма опосредования, связывающего утраченное исходное состояние, то есть прошлое, со всеми мгновениями настоящего»¹⁷. История культуры, таким образом, может быть описана как процесс постоянного усложнения и трансформации культурной памяти, чередования процессов усиления и ослабления ее сложности и интенсивности. «Если совместное существование в пространстве предполагает мир с ближними как современниками, то совместное существование во времени требует мира между поколениями. Только в этом случае возможна историческая идентичность и человеческой группы, и каждого ее члена»¹⁸. Память и забвение, чередуясь в культуре, создают ритм, задают темп пульсации социокультурного времени, формируют общность современников и преемственность поколений.

В результате социальной коммуникации происходит органичное переплетение памяти отдельных индивидов и социальных групп в едином культурном контексте. Индивидуальные памяти взаимодополняют друг друга, основаны на схожих представлениях об общем прошлом. В процессе инкультурации (в ходе

¹⁵ Пигалев А. И. Призрачная реальность культуры : (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград, 2003. С. 84.

¹⁶ Там же. С. 84.

¹⁷ Там же. С. 25.

¹⁸ Пигалев А. И. Культура как целостность: Методологические аспекты. Волгоград, 2001. С. 24.

образования, заучивания системы исторических фактов, последовательности событий прошлого, «рамки» коллективной памяти) происходит процесс интериоризации, индивидуального «вхождения в память», задается матрица для формирования персональной идентичности. Таким образом, важнейшим условием стабильности культурного целого является гармония в соотношении между различными уровнями и модусами памяти культуры (индивидуальной, групповой, коллективной). М. Хальбвакс считает: «Индивидуальная память может опереться на память коллективную... и тем не менее она идет по собственному пути, и весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в нее. Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности»¹⁹.

Коллективная память представляет собой протейное и постоянно изменяющееся целое. Степень взаимной согласованности различных ее уровней различна в зависимости от степени сплоченности группы, иерархической структурированности социума. Воспоминания в этом смысле выступают в качестве элементов социального взаимодействия и дифференциации: «если группа обладает высокой степенью сплоченности, четкой идентичностью, то структурирование воспоминаний у представителя группы будет отличаться от воспоминания “аутсайдера” или “маргинала”»²⁰.

Поминовение умерших членов группы, ограниченное строго определенными пространственно-временными границами, создание своеобразных «резерваций» для мертвых (кладбища, дни поминовения и т. д.) является важным механизмом структурирования социума в его актуальном настоящем. Называя детей именами пред-

¹⁹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8.

²⁰ Руткевич А. М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти». М., 2004. С. 24.

ков, «отнимая имена у мертвых, чтобы дать их живым, группа устраняет этих мертвых из своей мысли и памяти»²¹. Человек, который помнит то, чего не помнят другие, походит на человека, который видит то, чего другие не видят. В известном отношении он страдает галлюцинациями и производит неприятное впечатление на окружающих. Таким образом, механизм включения индивида в общность во многом основан на четкой регламентации индивидуальных воспоминаний и происходит посредством их конвенциональной соотнесенности с принятыми в том или ином сообществе практиками памятования и забывания.

Пространство культурной памяти аксиологически неоднородно. В ее структуре можно выделить как элементы, составляющие ядро, так и имеющие периферийное значение. Нам представляется целесообразным отнести к ядру культурной памяти некоторую совокупность ее структурообразующих элементов, формирующих и поддерживающих коллективную идентичность и преемственность поколений. Подобное содержание памяти лежит в основе национального самосознания, государственной идеологии, разделяется критическим большинством членов данной культуры и влияет на формирование всех остальных уровней культурной памяти.

Кроме того, «ядерные» коллективные воспоминания имеют в культуре сакральный статус, наиболее долго хранятся в неизменном виде и поддерживаются специальными ритуалами (праздники, памятные медали, дни поминовения и траура и т. п.), социальными практиками, легитимируются властными структурами, существующими институциями и транслируются посредством вписанности в систему образования. Наконец, базовые элементы культурной памяти наиболее прочно закреплены в структуре языка и коммуникациях и имеют значительную ценностную окраску, эмоциональный, мифологизированно-упрощенный характер (как положительный, так и отрицательный: для целостности группы значимы воспоминания как об общих победах, так и о поражениях, трагедиях национального масштаба).

²¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. С. 207.

На периферии памяти культуры расположены наименее прочно закрепленные в культуре, аксиологически нейтральные воспоминания, которые разделяются большинством членов группы, но имеют вспомогательное значение в процессе поддержания культурной целостности. Эти элементы периодически варьируются, перекомбинируются и переосмысливаются в рамках целого и могут касаться прошлого отдельных социальных групп, поколений, субкультур, не затрагивая культуры в целом.

Структура культурной памяти не является жестко и однозначно заданной, отдельные элементы могут перемещаться в рамках целого, переходить из разряда важнейших, культуuroобразующих на периферию, забываться, а затем возникать вновь. Кроме того, культурная память не тождественна всей сумме индивидуальных памятей и не является их общим знаменателем – отдельные индивиды (диссиденты, маргиналы, инакомыслящие) могут не поддерживать базовые элементы общей памяти, но до тех пор, пока они не доминируют в культуре, их наличие, напротив, мобилизует и поддерживает общую память в целостности.

Целое культурной памяти ограничено по плотности. По всей видимости, существует некий предельный уровень: в периоды смены культурных эпох происходит ревизия содержания памяти, переструктурирование элементов, искусственное конструирование общего прошлого. В этом случае функции памяти в культуре временно берет на себя идеология. В 1917 году в России происходит замена содержания культурной памяти: идеология продуцирует новую память, постепенно память «дорастает» до нормального состояния уже с учетом новой идеологии.

Еще одной существенной особенностью и фактически лейтмотивом большинства современных исследований, посвященных изучению мнемонических аспектов функционирования культурной целостности, является вписанность проблематики памяти и забвения в контекст властных отношений и политических манипуляций. По утверждению С. Бойма, забвение является одним из важнейших инструментов поддержания существующего общественного устройства и манипуляции массовым сознанием: «Искусство забвения создает противоядие критическому мышлению с целью под-

держания харизмы власти. Для достижения этой цели оно использует средства ментальной гомеопатии, имитирующей критическое мышление, а также стратегии черного пиара, который изучает мифологическое сознание и манипулирует им»²².

Создание псевдореминисценций, мифологизация коллективного прошлого действительно играют важную роль в легитимации коллективного настоящего. Представляется вполне обоснованной мысль Э. Ренана, согласно которой в основе национального единства лежит не только общая память, но и общность забвения: именно на «искусстве забывать» основан некий «постоянный диалог», на котором строится национальное сознание²³. Трансляция культурной идентичности и самосознания в значительной мере основана на забвении, примирении с травматическими страницами своего прошлого. Междоусобные и гражданские войны, трагические стороны колониальной политики, преследования инакомыслящих, переработка, «менеджмент» прошлого – все это является необходимым условием стабильности социокультурного целого и консолидации общества. «Чтобы стать “французами”, жители страны должны были “забыть” Варфоломеевскую ночь и преследования катаров и других инакомыслящих. Американцы должны были забыть уничтожение индейцев... Однако в XX веке, после Второй мировой войны, единство нации уже строится не на искусстве забывать, а, наоборот, как показывает опыт Америки после Вьетнама и особенно Западной Германии, на болезненно кропотливой и травматичной работе памяти»²⁴.

Процесс культуротворчества неразрывно связан с «работой» над индивидуальной памятью. Память, как особого рода надбиологический механизм наследования, является важнейшим элементом и условием трансляции культуры, сохранения и воспроизводства ее основных форм и смыслов. Человек, являясь одновременно и субъек-

²² Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 268.

²³ Цит. по: Бойм С. Указ. соч. С. 13.

²⁴ Там же.

том и объектом культурной памяти, участвует в сложном диалектическом процессе взаимовлияния двух «уровней» памяти, которые в рабочем порядке можно определить в качестве естественного и искусственного (разумеется, в той мере, в какой допустимо говорить о «естественности» культурного феномена).

Естественный, внутренне обусловленный компонент культурной памяти является в определенном смысле системным эффектом, одним из условий культурной целостности и самовоспроизводства. В этом качестве культурная память является внешней и предзаданной по отношению как к отдельному субъекту, так и обществу в целом и не может ими контролироваться.

Индивидуальная память «не принадлежит» индивиду и не может им контролироваться с помощью рациональных или волевых усилий. В этом смысле, скорее, человек принадлежит памяти, он, говоря словами Ницше, «приговорен к памяти», обречен тащить эту ношу, тоскуя об утраченной способности к забвению и лишь ограниченно реализуя эту способность надэписторически в виде религии и неисторически в виде искусства. Человек обречен страдать от наличия памяти, вынужден помнить нежелательное и забывать то, что он хочет запомнить²⁵.

Тем не менее человек является не только объектом, но и субъектом памяти, следовательно он может влиять на мнемонические процессы косвенным образом, создавая условия для запоминания (воспоминания) или забвения. В этом заключается «искусственный» компонент памяти, то ее содержание, которое опосредовано специальными усилиями субъекта. Культура – сугубо энтропийный феномен. Воспроизводство культуры возможно только при условии постоянного осмысленного и целенаправленного человеческого усилия. Один из способов воздействия на надэписторическую память – осознанный отказ от такого усилия.

Невозможность полностью управлять механизмами памяти и забвения, контролировать мнемонические процессы до некото-

²⁵ Ницше Ф. Несвоевременные размышления. О пользе и вреде истории для жизни // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 236.

рой степени уравнивается с помощью так называемой политики памяти – насильственного внедрения в коллективную память определенных (важных для легитимации того или иного положения вещей) элементов или столь же насильственной их элиминации путем запрета на упоминание, переименований и подмен. Таким образом, проблематика памяти в этом контексте сближается с идеологическим дискурсом и процессом конструирования определенного, ценностно маркированного смыслового пространства, в котором различные элементы надындивидуальной памяти обладают различной социальной значимостью.

Память культуры в качестве сложной системной целостности представляет собой совокупность не только отдельных воспоминаний, но и связей между ними. Поэтому забвение зачастую выступает в виде стирания этих связей, затаивания их и перехода в потенциальное состояние. Провалы в памяти как особый вид амнезии связаны с разрушением последовательности между отдельными элементами автобиографической памяти, стиранием их взаимосвязанности. Можно предположить, что манипуляция мнемоническими процессами чаще всего направлена именно на те связи, которые обеспечивают их последовательность и единство.

Важной особенностью функционирования культурной памяти является тот факт, что она далеко не всегда точно повторяет очертания памяти социальных групп и индивидов. Тем не менее ее спланирующая сила не уменьшается. По словам Х. Вельцера, директора Центра междисциплинарного исследования памяти (г. Эссен, Германия), в рамках современной немецкой культурной памяти принято говорить об ужасах нацизма, о национальной вине, восстановлении справедливости по отношению к евреям и т. д., в то время как на уровне индивидуальных воспоминаний, мемуаров и дневниковых записей на первый план выходят свидетельства о страданиях самих немцев, плене, оккупации и унижениях²⁶. «Поскольку обращение с памятью стало политической ареной... ог-

²⁶ См.: Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 28–29.

ромное значение, – считает Х. Вельцер, – приобретает вопрос, какие формы присвоения дискурсов, связанных с памятью о прошлом, наблюдаются в различных европейских обществах. Происходит такое присвоение всегда в силовом поле, заданном историей, с одной стороны, и памятью – с другой»²⁷.

Несмотря на то что в обыденном сознании память и забвение находятся на противоположных аксиологических полюсах, представляется справедливой мысль Х. Вельцера о том, что «не в последнюю очередь именно пример холокоста показывает: для того чтобы пострадавшие общества могли восстановиться, им может быть полезнее сперва забыть катастрофическое событие, а только потом, после длительной фазы консолидации (которая обычно занимает, видимо, около тридцати лет), снова сделать его предметом воспоминания и поминовения»²⁸.

Можно утверждать, что память (в отличие от истории) ориентирована не столько на сохранение, воспроизводство и адекватную оценку событий прошлого, сколько на поддержание конкретной идентичности здесь и сейчас. И отдельный человек, и общество в целом помнит то, что важно ему в данный момент, что помогает ему справляться с сегодняшней жизнью. «Память вообще связана не столько с прошлым, сколько с настоящим... в то время как история занимается установлением имевших место фактов и выдвижением по их поводу поддающихся проверке утверждений, память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным»²⁹. В этом смысле истинность и аутентичность отдельных воспоминаний важны для поддержания стабильной социокультурной идентичности в значительно меньшей степени, чем их эмоциональная достоверность и синхронизированная «встроенность» в коллективную память группы.

В рамках современной нейробиологии и когнитивной психологии можно встретить описания похожего феномена, именуе-

²⁷ Вельцер Х. Указ. соч. С. 29.

²⁸ Там же. С. 34.

²⁹ Там же. С. 33.

мого «забвением источника». Его суть заключается в произвольном «встраивании» в индивидуальную память сведений, событий, переживаний не из собственного опыта личности, а из иных источников – например, из рассказов других людей, из художественной литературы, из документальных и художественных фильмов, снов и фантазий. Особенностью и отличительной чертой этих аббераций памяти является их тесная связь с их устойчивой визуализацией: «они буквально стоят перед глазами». Именно визуальная репрезентация прошедшего события субъективно более всего убеждает человека в том, что он вспоминает то, что было в самом деле и было именно так, как он видит это своим мысленным взором.

Можно сделать вывод, что абберации памяти и забвения составляют важную основу самоидентификации ничуть не в меньшей степени, чем истинные воспоминания о прошлом. Эмоциональная окрашенность «подлинных» воспоминаний, пусть даже объективно неверных и невозможных, является важнейшим элементом психической и социокультурной целостности личности, которая вряд ли может быть устойчивой при их исчезновении. «Парадоксальным образом именно это намерение “не забывать”, вероятно, и приводит к тому, что подобные судьбоносные события претерпевают разнообразные трансформации, дополнения и унификацию: их приводят к тому стандартному формату, в котором и другие люди о них помнят»³⁰.

В ходе воспроизведения элементов памяти (например, при рассказывании о них) изначальное содержание обновляется, структурируется в соответствии с наличной ситуацией, обогащается новыми ассоциациями и фокусируется на тех или иных аспектах. Затем происходит новое «перезапоминание», в которое включается уже само воспоминание и «воспоминание о воспоминании». Эта процедура значительно усложняется в случае, если происходит коллективный обмен воспоминаниями, формируется особого рода «коммеморативное сообщество», в кото-

³⁰ Вельцер Х. Указ. соч. С. 29.

ром воспоминания модифицируются и переформируются до тех пор, пока у всех членов сообщества не окажется примерно один набор примерно одинаковых историй. Память позволяет человеку сохранять персональную идентичность, отличную от его нынешнего состояния, дает возможность парадоксально сочетать в себе себя прошлого и настоящего, себя несуществующего и живущего, она задает человеческое «Я» как область фундаментального различия.

С.А. Простаков

УКРАИНА: БОРЬБА ЗА ПАМЯТЬ VERSUS НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ¹

После коллапса Советского государства молодые независимые республики столкнулись с задачей построения национальной идентичности. Одним из важнейших инструментов национальной политики является апелляция к исторической памяти населения. Украина в этом отношении, казалось бы, не выделяется в ряду других бывших советских республик, однако автор статьи полагает, что именно в этом новом независимом государстве политическая острота проблем исторической памяти выше средней на постсоветском пространстве. Именно здесь явственнее, чем в других странах СНГ, обнаружился парадокс исторического мифа, который был создан для национального объединения территорий с разной историей, но попытки его внедрения скорее раскалывают, чем укрепляют политическое простран-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» «Учитель – Ученики» 2011–2012 годов.

ство. Общенациональный исторический нарратив отрицается на юго-востоке страны, тяготеющем к нормам советской интерпретации прошлого, да и в западных регионах Украины он тоже принимается не полностью, уступая традиционным изложениям истории, сложившимся в этих областях. Опыт Украины представляет интерес для общетеоретического анализа противоречивых функций исторической памяти в формировании национальной идентичности, а также роли государственной политики в этом процессе.

Переосмысливая советское прошлое

Распад СССР поставил перед новыми государствами задачу строительства своей национальной идентичности, которая должна была заменить собой так до конца и не достроенное здание единой общности «советский народ». Эта задача по-разному решалась элитами новых независимых государств, во многом исходя из реального исторического опыта национальной государственности. В одних государствах элиты выдвинули лозунг «возрождения своей государственности, прерванной советской оккупацией» (страны Балтии), в других провозглашалась идея «продолжения тысячелетней истории» (Россия). Однако большинство новых государств оказалось фактически в ситуации *tabula rasa*. Они то действительно являются «самыми новыми» государствами на постсоветском пространстве. Многие государственные образования, возникшие здесь, являлись плодом не только искусственного районирования, но и противоречивой национальной политики сталинской эпохи, когда республики то объединялись в единые образования типа Закавказской Федерации, то вновь разделялись на самостоятельные административные единицы.

Проблемы национальной идентификации граждан Украины особенно сложны. Эта страна не только не могла опереться на реальную историю независимой государственности, но и до сих пор не преодолела историческую разнородность своих регионов, входивших в разные империи: Российскую, Австро-Венгерскую, Германскую и Османскую (Крым). Некоторые же регионы Украины заселялись и осваивались в основном только в советское время.

Например, юго-восточные регионы сложились как единое пространство в период Российской империи и Советского Союза. Известный британский историк Доминик Ливен так ярко описывает колонизацию Дикого Поля: «Шесть тысяч километров степных пастбищ, протянувшихся вдоль южной границы России по Европе и Азии, были российским Новым Светом. Это был эквивалент огромных регионов в Америке, Австралии, Азии и Африке, которые западноевропейские иммигранты колонизировали и приспособили к земледелию в XVII–XX веках»². Пространство бывшего Дикого Поля само по себе живой памятник колонизации и культурной политики двух империй.

«Самые новые» независимые государства просто вынуждены были начать строительство своей национальной идентичности с выработки новой стратегии репрезентации исторического прошлого страны. Молодым государствам требовалась древняя история, свой миф о ней. Обращаясь к классическим примерам возникновения наций и национализма в Европе, они могли убедиться, что исторический миф часто служил эффективнейшим инструментом легитимации новых границ и форм политического сообщества. Об этом в 1882 году писал еще Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?»: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности»³.

При сотворении национальной идентичности история перестает быть набором объективных фактов – она превращается в нарратив, в котором исторический факт ценен не сам по себе, а лишь как инструмент интерпретации исторических событий. Опора на исторический миф и быстро возросшая роль интерпретации исторического прошлого в публичной сфере оказались к началу 1990-х годов едва ли не единственным общим признаком сходства политических стратегий всех

² Ливен Д. Российская империя и ее враги. М. : Европа, 2007. С. 338.

³ Ренан Э. Что такое нация? URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php.

государств на постсоветском пространстве. *Однако спустя 20 лет заметнее стали качественные различия в выбранных стратегиях интерпретации исторического прошлого.*

Многие из новых государств пошли по пути осуждения советского периода истории, который начал представляться национальными историографиями как навязанное извне отступление от национального суверенного развития. Постсоветский период стал презентовать как долгожданная свобода от оккупантов, от внешнего врага и поработителя. Независимость от бывшего союзного центра и возможность проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику в первые постсоветские годы вполне заменяли собой национальную идею. Очень часто к этому прибавлялось ожидание, что «скоро мы будем жить, как на Западе», а временные трудности – это последствия тоталитарного режима. В такой ситуации достижения советского периода истории стали трактоваться ровно настолько положительно, насколько они укладывались в национальные исторические нарративы. При этом многие трагические эпизоды советской истории стали краеугольными камнями для формирования новой национальной идентичности, как, например, это произошло с Голодомором в Украине.

Сложнее развивались эти процессы в России, которая стала де-юре и де-факто наследницей Советского Союза, а значит и ее истории. В начале 1990-х в российском политическом дискурсе преобладали нотки осуждения советского прошлого и поддерживалась линия «возвращения древней истории, прерванной большевиками». Показательны в этом отношении первые в России публикации работ и бурное обсуждение идеи «Назад к истокам», провозглашенной частью мыслителей белой эмиграции, таких как Павел Милюков, Николай Бердяев, Георгий Федотов⁴. Однако уже к середине 1990-х российская элита, будучи окруженной «борцами с наследием кровавого прошлого», все в большей мере стала

⁴ См., например: Милюков П. Воспоминания. М. : Изд-во полит. лит., 1991 ; Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990 ; Федотов Г. Предисловие к книге «Святые Древней Руси». М. : Моск. рабочий, 1990.

тяготеть к поддержке прямо противоположной стратегии. К тому же идея исторической преемственности Российского государства и создания единой линии великих достижений двух империй (Российской империи и Советского Союза) была выгодна российскому истеблишменту, поскольку она как бы прикрывает, камуфлирует отсутствие явных успехов у государства и общества в постсоветский период. В настоящее время борьба в российской элите двух концепций по отношению к советскому прошлому стала особенно зримой в связи с общественной дискуссией о программе «десталинизации». В феврале 2011 года председатель президиума общественного Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов на встрече с президентом Дмитрием Медведевым высказал мнение, что неправильно говорить о «десталинизации», – необходимо говорить о «декоммунизации»⁵. Однако последние данные ВЦИОМ свидетельствуют о том, что российское общество не готово к такой радикальной политике: 45 % респондентов считают «десталинизацию» мифом, не имеющим ничего общего с реальными задачами⁶.

Таким образом, одно и то же советское прошлое, в зависимости от интерпретации, оказалось или тяжелым наследием, которое тормозит развитие независимого государства, или великим прошлым, доказывающим, что можно с честью пройти любые социальные, политические и экономические испытания. Символический и политический капитал интерпретации советского периода был крайне важен для государств, которые только искали свое место на международной арене. Именно поэтому во внешнеполитических курсах новых государств наблюдалось желание получить некие преференции за наличие тоталитарного наследия, а в случае России советское наследие рассматривалось как легитимация притязаний нашего государства на особый международ-

⁵ «Новая газета»: начнем с модернизации сознания // Newsland.Ru. URL: <http://newsland.ru/news/detail/id/646512/cat/42/>.

⁶ Популярность Сталина в России стремительно растет // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/society/2011/04/110427_stalin_vciom_support.shtml.

ный статус. Показательна в этом контексте история с сохранением Россией своего места в Совете Безопасности ООН: сосредоточение в границах Российской Федерации значительных материальных и военных ресурсов СССР позволило стране сохранить место постоянного участника в одном из самых влиятельных международных институтов.

История как яблоко раздора между регионами Украины

Проблема национального строительства на основе отрицания советского периода истории не так однозначна, как, возможно, того хотелось силам, выдвигающим те или иные национальные проекты для украинского общества. Не требует особых доказательств тезис о том, что Украина пока не представляет собой единого культурного пространства и что региональная идентичность в ней все еще сильнее украинской национальной. Можно говорить об идейном и политическом расколе между высокоурбанизированным и индустриализованным юго-востоком страны и преимущественно аграрным западом.

Часто этот раскол фиксируется через образы двух городов – западного Львова и восточного Донецка. Первый из них является прекрасным примером центральноевропейского города, где основная архитектурная застройка произошла до 1939 года. Львов имеет древнюю историю, уходящую своими корнями еще в домонгольский период. Город успел побывать в составе различных государств, что неизбежно отражалось в его архитектуре и этническом составе. Во Львове много церквей различных христианских конфессий. Донецк как город – дитя советского периода украинской истории. Поселок Юзовка, который предшествовал Донецку, получил статус города в 1917 году. Долгое время он носил название Сталино, являлся одним из главнейших индустриальных центров Советского Союза. В 1970 году ЮНЕСКО признала Донецк лучшим индустриальным городом мира. В свою очередь, центр Украины и ее столица Киев являются нам смешением двух предыдущих «градостроительных традиций». Киев, как и Львов, успел побывать в составе раз-

личных государств, но, так же как и в случае Донецка, его архитектурный облик во многом создан в послевоенное время.

Вся Украина как единое политическое и культурное пространство стала складываться именно в советский, послевоенный период истории. Это относится не только к границам государства, но и к архитектурному облику городов, историческому нарративу, пантеону героев, образам врагов и т. д., то есть ко всему тому, что принято понимать под исторической памятью. Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), по крайней мере ее юго-восточные регионы, играла важнейшую роль в судьбах Советского государства. Она являлась не только одним из важнейших индустриальных центров СССР и всего «лагеря социализма», но и кузницей кадров. Идея о «новой исторической общности – советском народе» именно здесь получила свое подтверждение. Впрочем, и Киев всегда негласно признавался третьим по значению городом Советского Союза. Распад СССР поставил перед украинским обществом сложнейшую задачу – строительство национального государства на пространствах, которые культурно никогда не мыслились в национальных категориях. Именно это уравнение пришлось решать как украинскому руководству, так и простым гражданам страны. Все это в совокупности выдвинуло проблему национально-го строительства на передний план украинской политики.

В такой ситуации особое значение приобрела «политика памяти», а в ней важную роль стала играть коммеморативная практика. Снос или сохранение памятников советскому руководству получило огромный политический и символический смысл. Например, в Закарпатье в 2010 году было решено памятник Ленину переплавить в памятник епископу Бачинскому⁷. Такую же большую важность имела установка в различных регионах Украины новых памятников, которые утверждали различные исторические нарративы: памятник «Молитва за Украину» в г. Батурине (столице украинских гетманов в 1669–1708 годах), посвященный гет-

⁷ Закарпатского Ленина переплавят в епископа Бачинского // Лента.ру. URL: <http://lenta.ru/news/2010/09/01/lenin/>.

манскому периоду истории (открыт в 2009 году), а в Киеве появились памятники гетману Мазепе и Паниковскому – герою советского юмористического романа.

Откровенным проявлением войны памятников стало сооружение памятника лидеру армии украинских националистов (УПА) Степану Бандере во Львове (открыт в 2007 году) и памятника «Выстрел в спину» в Симферополе, посвященного советским гражданам – жертвам бандеровцев (открыт в 2007 году). Надо отметить, что на востоке Украины устанавливается немало памятников жертвам УПА, а на западе идет активное увековечивание памяти сражавшихся в УПА.

Особый интерес для исследования представляет тот факт, что в Украине памятники, посвященные важнейшим датам и персонажам национальной истории, но отражающие кардинально разные взгляды на нее, стали активно открываться после 2006 года. Полагаем, это связано с тем, что тогдашний президент Украины Виктор Ющенко сделал резкий крен в сторону национальной политики в своем внутреннем курсе, что привело к противоречивым событиям, которые усугубили активированный «оранжевой революцией» геополитический и национальный раскол внутри украинского общества.

Надо отметить различную стратегию установки памятников в региональном разрезе в Украине. Западная Украина, лишенная в советское время возможности увековечивать своих героев, активно занялась этим после 1991 года. Юго-Восток Украины в целом стремится сохранить советское наследие памятников. В центре страны наблюдаются смешанные практики: так, памятник Ленину на киевском Крещатике находится совсем рядом с Майданом Незалежности. Однако это не приводит к национальному умиротворению. Напротив, новостные ленты пестрят известиями об осквернении памятников, которые затрагивают противоречивые события украинской истории (например, история с памятником Сталину в Запорожье: возведенный под град осуждений в 2010 году, он был полностью уничтожен националистами незадолго до нового 2011 года).

Политическая инструментализация истории

В этом контексте большой интерес представляет политика использования памяти о Голодоморе. В 1932–1933 годах в центре и на юго-востоке Украины из-за противоречивой советской политики коллективизации возник массовый голод среди крестьянства.

Впервые тема Голодомора всплывает в перестройку и служит украинским националистам одним из аргументов для критики советских реалий. Уже после распада СССР политики очень быстро оценили мобилизационный потенциал этой темы. При этом ее трактовка и использование менялись от президента к президенту. Так, для первого президента Украины Леонида Кравчука очень важно было активно развивать тему обвинений тоталитарного прошлого, чтобы как можно дальше отмежеваться от своего прямого участия в советском руководстве. При этом Голодомор во времена Кравчука, который первым публично увековечил эту тему на официальном уровне, служил отличным инструментом для объяснения неуспехов в настоящем наследием тоталитарного прошлого. В годы президентства Кравчука происходит активное слияние общественных и государственных коммеморативных практик: так, государство начинает активно поддерживать панихиды, крестные ходы и установки крестов на могиле погибших.

Президента Леонида Кучму мало интересовала тема советского прошлого. Она всплывала только в ситуации острых политических кризисов конца 1990-х – начала 2000-х годов. Однако именно за время долгого президентства Кучмы миф о Голодоморе как о центральном событии национальной истории окончательно утвердился в образовании и национальном дискурсе. Эта политика не носила навязывающего характера, что позволяло обходить острые углы в вопросах трактовки трагических событий советского прошлого.

Активизация темы Голодомора и включение ее в повестку дня происходит при Викторе Ющенко. Исследователь Георгий Касьянов находит этому несколько причин. Прежде всего, обращение Ющенко к теме голода 1932–1933 годов совпадает по времени с активизацией борьбы за перераспределение власти (2006–2008). Еще одной причиной интенсификации исторической поли-

тики при Ющенко был расчет на то, что национально ориентированная гуманитарная политика и историческая политика как ее элемент могут стать источником «морального исцеления» общества и будут способствовать становлению морально-политического единства Украины. Эту надежду в наибольшей мере разделяла та часть президентского окружения, которая формировалась из состава уцелевших к нулевым годам сил «национал-демократов» и представителей зарубежной украинской диаспоры ⁸.

Успехи и неудачи попыток украинской десоветизации

На этом фоне интересно проанализировать социологические данные о мнении жителей Украины по поводу советской истории и памятников того времени. Так, согласно последнему исследованию Research & Branding Group, посвященному исторической памяти, украинцы наиболее позитивно относятся к героям советской эпохи: Юрию Гагарину (83 %), маршалу Георгию Жукову (60 %) и академику Андрею Сахарову (53 %) ⁹. Любопытно, что все деятели советского времени намного превосходят по популярности любого национального героя Украины, включая персоны, чьи портреты граждане видят на национальных денежных купюрах. Такие неожиданные итоги политики десоветизации, активно проводившейся во времена Виктора Ющенко, авторы исследования объясняют продолжением воспроизводства штампов советской пропаганды.

Такие фигуры, как Владимир Ленин, Нестор Махно, Симон Петлюра, оказываются разъединителями украинского общества. Отношение к ним разное и зависит от региона, где проводился опрос. Ленин популярен на Юго-Востоке Украины как создатель Советского государства, Махно – на родине в Днепропетровской

⁸ Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. 2009. № 3. Май – август. С. 29.

⁹ Историческая память украинцев: точки сближения и разрыва. Ч. 1. Исторические личности // Research & Branding Group. URL: <http://www.rb.com.ua/rus/analitics/socym/7284/>.

области, Петлюра – в центре страны, но больше на западе. Здесь он предстает как борец за самостоятельность Украины. На востоке же Украины Петлюра – в числе основных антигероев.

Однозначной негативной фигурой украинской истории признается Иосиф Сталин, что позволяет говорить о некоторых успехах политики десоветизации Украины. В отличие от России, в Украине Сталин не рассматривается как отец Победы 1945 года, напротив, здесь «полководческий талант» кремлевского генералиссимуса чаще осмеивается.

В стране делается акцент прежде всего на вкладе каждого украинца в Победу, которая для многих обернулась трагедией. В России же личность Сталина оказалась мощным политическим инструментом в руках различных сил. А главное, в российском обществе не произошло общественного осуждения сталинского периода истории. Российские политики недолго публично осуждали Сталина и весь советский период, ощутив потенциал использования темы советского прошлого в отсутствие собственных достижений. В украинском же обществе дискуссия «за» и «против» советского наследия растянулась далеко за границы перестройки. Большинство политических сил страны, кроме непопулярных здесь коммунистов, именно на Сталина возлагает ответственность за тоталитарную политику и многомиллионные жертвы украинского народа как в ходе коллективизации, Голодомора, так и во время Второй мировой войны. В целом Вторая мировая война оценивается как общая трагедия всех украинцев.

В украинском обществе существует консенсус относительно вопроса о демонтаже памятников воинам Красной армии. Недавнее исследование ВЦИОМ показывает, что у большинства жителей Украины, как и России, преобладает отрицательное отношение к этой идее: «На Украине, как и в России, подавляющее большинство опрошенных негативно относится к этой идее (83 %), и лишь 12 % ее одобряют. Наибольшее неодобрение высказывают жители юго-востока Украины (87 %)»¹⁰.

¹⁰ Нужны ли памятники воинам Красной Армии на территории бывшего СССР? // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13471>.

Таким образом, историческая память и памятники в современной Украине играют важную, но противоречивую роль в строительстве национальной идентичности. При этом не только украинское общество, но и украинское государство не выработали единой стратегии репрезентации национальной идентичности через памятники. Это связано с отсутствием единого понимания таковой даже среди украинской элиты, которая во многом все еще зависит от электорального маятника, когда каждый выборный цикл победу на президентских выборах одерживает не общенациональный лидер, а кандидат от региона то запада страны, то юго-востока.

Во многом этот маятник раскачивается самой политической элитой, неспособной или нежелающей приступить к решению первостепенных задач, стоящих перед Украиной, – модернизации украинской экономики (а не проедания остатков советского наследия), а также повышения уровня жизни граждан. В этой ситуации интерпретация задач украинского nation-building является едва ли не единственным капиталом, которым объективно можно обладать в украинском политическом процессе. Памятник, в свою очередь, оказывается отнесенным к инструментам политических технологий.

Такая ситуация возникает в связи с тем, что государственный исторический нарратив входит в противоречие с сильными нарративами региональной исторической памяти. Запад и юго-восток Украины долгое время существовали отдельно друг от друга. До сих пор единая украинская элита не сложилась, ее региональные группы являются носителями разных политических, идеологических и культурных интересов. И если Львов и другие западные регионы страны отстаивали за собой право быть центром украинского национализма, то юго-восточные регионы долгое время претендовали на роль хранителя советских традиций. Ныне эту миссию открыто демонстрирует только элита Севастополя, другие же части юго-востока в большей мере позиционируют себя как защитники не столько политических, сколько культурных ценностей, и не столько советских, сколько русских. Именно этой части украинских граждан нынешний президент Украины Виктор Янукович на своих пред-

выборных митингах обещал поднять статус и усилить роль в стране русской культуры и русского языка. Демонстрация региональными элитами различий своих идеологических задач приводит к тому, что любые интегративные попытки украинской власти наталкивались на острые региональные противоречия. Так, особая постсоветская ментальность юго-востока, которая настойчиво воспроизводится каждый электоральный цикл, была полностью исключена из государственного нарратива. Современные учебники пишутся преимущественно с позиций Западноукраинского региона, что вызывает недовольство жителей юго-востока. В свою очередь, на западе не могут смириться с включением советских героев в украинский общенациональный список.

Украинская политика остро нуждается в объективной повестке дня. В этой ситуации национальной идеей может быть единое будущее, а не разорванное прошлое. Представляется маловероятным, что в Украине когда-нибудь возникнет всеобщий консенсус относительно прошлого, но украинской элите и украинскому обществу крайне необходимо прийти к согласию по основным социальным, политическим и экономическим проблемам украинского государства, которые часто выпадают из повестки дня, когда идет схватка за историю.

Н.Е. Абалмасова

ОПЫТ СПЛОЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ СРЕДСТВАМИ «СИМВОЛИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА»¹

В данной статье автор показывает, что с помощью особой технологии, получившей название «символический менеджмент»,

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком

у политических элит появляется возможность воздействия на территориальную идентичность населения, что позволяет им сплотить население на локальном и региональном уровнях в целях модернизации этой территории. Приводятся примеры первого и пока немногочисленного опыта такого сплочения в современной России, выделяются как успешные, так и неудачные попытки сознательного, подготовленного, а чаще спонтанного применения указанной технологии.

О сущности «символического менеджмента»

Под территориальной идентичностью мы понимаем соотнесенность человека или общности с определенной местностью (регионом, городом, селом), сложившимися в ней традициями и жизненным укладом. Территориальная идентичность – это «совокупность культурных отношений, связанная с понятием “малая родина”»². Целенаправленное конструирование позитивной территориальной идентичности, усиление привязанности человека (группы) к месту и повышение удовлетворенности социального субъекта от жизни в данном месте может стать важным резервом его творческой самоотдачи. Классик теории модернизации Уолт Ростоу утверждал, что сплоченность населения является едва ли не важнейшим предварительным условием модернизации стран, качественной трансформации различных сфер их обществ³.

Технологии, с помощью которых целенаправленно конструируются позитивные образы территорий, можно обозначить единым термином «символический менеджмент». В научной лите-

иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» «Учитель – Ученики» 2011–2012 годов.

² Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13. URL: <http://www.ecsocman.edu.rudata0276631216002-1.pdf>.

³ Rostow W. W. Politics and the Stages of Growth. Cambridge : Cambridge University Press, 1971.

ратуре экономической тематики, где и появилось это понятие, «символический менеджмент» определяется как акции, инсценировки, ритуалы, истории, легенды, с помощью которых оказывается воздействие на потребителя⁴, побуждающее его, например, вложить средства в данной местности или посетить ее в качестве туриста. В политологии под «символическим менеджментом» понимают технологии, используемые политическими элитами для создания определенной символической продукции: ритуалов, знаков, традиций, легенд, образов, брендов, слоганов, имиджей, мифов и др. Среди разновидностей «символического менеджмента» главными являются имиджмейкинг (процедура создания положительной репутации или запоминающегося образа какого-либо субъекта), брендинг (инструмент формирования устойчивых ассоциаций и позитивной эмоциональной связи у людей с образом субъекта), паблик-арт (проекты интеграции современного искусства в городскую среду, чтобы подчеркнуть функции, исторический или культурный смысл места размещения).

К символическим инструментам формирования региональной идентичности можно отнести установку памятников и возведение архитектурных сооружений; соответствующую риторику в СМИ; компоновку ландшафтной среды; празднование юбилеев; организацию различных мероприятий, форумов, пиар-кампаний; создание или укрепление местных товарных брендов, видов спорта; экзальтацию привычных культурных и этнических практик, органичное привнесение новых; изобретение самоназваний, традиций локальных сообществ или групп; переименование местности. Кроме того, важную роль в создании яркого образа региона играет сформированная на его территории коллективная память, закодированная в текстах и хранящаяся в архивах, библиотеках, музеях⁵. К тому же прошлые символы, верования, знания, а также нор-

⁴ Pfeffer J. *Managing with Power: Politics and Influence in Organizations*. Harvard : Harvard Business School Press, 1992. P. 279.

⁵ Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 87.

мы, ценности и правила, которые наследует население региона и часть которых может стать ресурсом «символического менеджмента», сохраняются, интерпретируются, используются и передаются такими институтами, как семья, церковь, школа, университеты, средства информации, армия, фирмы, политические партии. Поэтому они также могут рассматриваться в качестве проводников новой символической политики. Обращение к привычным ценностям и нормам сопровождается их селекцией, в каких-то случаях новым истолкованием, идеализацией прошлого или действительного положения дел.

Программы «символического менеджмента» по большей части ориентированы вовне: на привлечение в регионы инвестиций, квалифицированной рабочей силы, новых жителей, туристов и т. д. Однако уже есть, пусть и редкий пока, мировой и отечественный опыт использования «символического менеджмента» для решения внутривнутриполитических задач, например для консолидации населения региона или города. Как уже отмечалось, именно этот опыт и является предметом нашего исследования. Мы рассмотрим три подхода (модели) использования «символического менеджмента». Критериями их выделения выступают цели, которые преследуют региональные политические элиты; масштабность программ менеджмента; соотношение сфер и структур, которые нуждаются в модернизации и которые на самом деле получают импульс реформирования; степень соответствия символических и образных компонентов стратегий местным условиям, традициям и чаяниям.

Спонтанная, фрагментарная модель

Ее характеризует отсутствие целостно выстроенной стратегии. Скорее, она состоит из одной или нескольких инициатив, которые похожи на спонтанную, быструю реакцию на подвернувшуюся возможность подлатать дыры в развитии за счет финансовых вливаний, получаемых из центра по статье «поддержка местной культурной инициативы».

Наиболее распространенным примером разовых символических инициатив по продвижению официальной версии региональной

идентичности являются юбилеи. Считается, что современные традиции их празднования с размахом, «хлебом и зрелищами» для начальства и населения были заложены Иосифом Сталиным, который в 1947 году устроил празднование 800-летия Москвы в условиях послевоенного восстановления хозяйства.

Уже в наши дни Москва, отметившая свое 850-летие, стала одним из зачинателей новой волны торжеств⁶. Президенты России лично участвовали в подготовке к празднованию 1140-летия Новгорода (Борис Ельцин), 1100-летия Пскова, 300-летия Петербурга, 1000-летия Казани (Владимир Путин) и Ярославля (Дмитрий Медведев). Вслед за Москвой 850-летие отметили Кострома и Городец Нижегородской области, 600-летие – калужский Малоярославец, 370-летие – Якутск, 225-летие – Ставрополь, 110-летие – Новосибирск, 280-летие справила Пермь, где отметили также 540-летие крещения края.

Поскольку «обнаружение» юбилейных дат и организация их празднования сулят немалую финансовую поддержку со стороны федеральных властей, то конкуренция за эти ресурсы на региональном уровне очень высока. Порой она перерастает в своего рода чехарду празднеств и мероприятий на соседних территориях.

Одним из самых ярких примеров такой конкуренции является многолетнее соревнование губернатора Псковской области Евгения Михайлова со своим более успешным коллегой губернатором Новгородской области Михаилом Прусакком.

В 2001 году был отпразднован юбилей – 1100-летие Пскова, а в Новгороде 1140-летие отметили еще в 1999 году. Возможно, у новгородского губернатора возник повод для досады из-за того, что столица региона «поторопилась» справить свой юбилей, считая от другой летописи. Михаил Прусак предложил президенту идею отдельно отпраздновать 1140-летие образования Русского государства, на что получил отрицательный ответ. Таким обра-

⁶ Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению. С. 5. URL: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf.

зом, не удалось воспользоваться выгодами от празднования двойного юбилея, как это случилось в 1862 году, когда тысячелетие России и день рождения города были торжественно отмечены в Новгороде одновременно с приездом императорской семьи и открытием знаменитого памятника Михаила Микешина. На сей раз по случаю 1140-летия в 2002 году в Новгороде провели исследовательский форум «Северное Вече», а в соседнем Пскове, как бы соревнуясь с богатым соседом, устроили чтения в честь 735-летия начала княжения Св. Князя Довмонта⁷. «Подарком судьбы» назвал губернатор Псковской области, заметно отстающей по социально-экономическим показателям от соседней территории, торжественно отмечавшееся в 1998 году 200-летие Александра Пушкина, который, по словам Михайлова, не случайно «завещал похоронить себя именно на Псковщине, а не в Петербурге или в Москве»⁸. Из-за высокой символической значимости юбилея федеральная казна щедро профинансировала его организацию.

Все перечисленные акции преследовали не только сугубо утилитарные экономические цели. У них была и политическая цель – привлечь внимание федерального центра к региону или городу. В некоторых случаях пользу от этого извлекала не только местная элита, но и население. В ходе мероприятий отмечался всплеск выражений массового регионального самосознания. Случалось даже, что с помощью такого «юбилейного менеджмента» удавалось сбить накал вокруг проблем общественного развития. Однако позитивные результаты использования символических технологий ограничены и кратковременны. Они не обеспечивают фундаментальной консолидации населения. Напротив, рано или поздно у людей возрастает неудовлетворенность от сугубо имитационного, показного характера этих символических мероприятий. Разумеется, такие акции, да и вся фрагментарная модель «символического менеджмента», не могут быть прочной и достаточной опорой для модернизации региона или города.

⁷ Петров Н. Указ. соч. С. 6.

⁸ Там же.

Проектная, элитарная модель

О ней можно говорить в тех случаях, когда за основу осуществления символической стратегии берутся интересы только деловых и бизнес-проектов власти, а местная история и культура, существующие идентификации населения используются конъюнктурно или вовсе игнорируются. Эта модель отличается большей целостностью, гораздо более обширным охватом сфер воздействия, чем предыдущая, но также слабо способствует действительному улучшению социально-политического и экономического положения населения региона.

Символическая политика города Перми соответствует проектной модели. В условиях интенсивного развития нового бизнеса в 2000-х годах политическая ситуация здесь оказалась очень благоприятной для активного вторжения предпринимателей в политику: с этого времени бизнесмены и промышленники стали составлять большинство в городской думе⁹. Однако секторальная разобщенность бизнеса и диверсификация ресурсов не позволяли говорить об общности интересов различных групп. Их борьба за завоевание ведущих позиций в торгово-финансовом бизнесе до сих пор определяет политический ландшафт Перми. Также на политическую обстановку в городе все еще значительно воздействует сохранившаяся с советских времен гипертрофированная ведомственность управления. Однако с середины 2000-х годов политическая элита создает образ Перми как динамично развивающейся территории, находящейся на волне постмодернити и даже модных авангардистских веяний¹⁰. Активно формируется имидж города с солидной историей плюрализма политических и экономических акторов, создания широких властных коалиций, что

⁹ Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1767/>.

¹⁰ Итоги паблик-арт программы 2010 года. Проект Сергея Горшкова «Ангелы в городе». URL: http://art59.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1717&Itemid=124.

якобы не позволяет ни одной из сил монополизировать власть и ресурсы. Действительно, Пермь традиционно занимает высокие позиции среди субъектов РФ по числу экспертных некоммерческих организаций, распределительных комиссий в социальной сфере, в городе высока интенсивность локальных протестов, что на символическом уровне также преподносится как развитие гражданского общества. Однако, как констатируют эксперты, в Перми очень низкий уровень реального влияния населения на принятие решений¹¹.

Преследуя деловые цели, политическая элита активно поддерживает культурные мероприятия в городе. Однако и в этой сфере соответствие символической стратегии Перми проектной модели очевидно. Оно подтверждается наблюдениями, что имиджевая стратегия слабо опирается на местный культурный и символический ресурс. Имеются попытки внедрить новые символы, но при этом идейные основы символических проектов слабо проработаны и отсутствует четкость в ходе их воплощения. В качестве примера можно обратиться к недавней реализации программы паблик-арт.

В мае 2010 года в Перми стартовала паблик-арт программа «PERMM». Впервые программа этого направления в России реализуется при поддержке региональной администрации. Цель проекта – интеграция современного искусства в городскую среду. «Приглашенные отечественные и зарубежные скульпторы, художники и видеоартисты создают на пермских улицах уникальные произведения современного искусства. Особенность пермского паблик-арта – временный характер объектов»¹². В 2010 году было реализовано более десяти различных проектов. Наиболее сильный отклик населения и прессы вызвали: скульптурное изображение слова «власть» перед зданием Законодательного собрания

¹¹ Борисова Н. В. Пермь: локальный режим в крупном российском городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1769>.

¹² Итоги паблик-арт программы 2010 года.

Пермского края; металлические двухметровые треш-мэны – трехмерные версии всемирно известной пиктограммы «Не надо мусорить!»; фигурки ангелов – примитивистская имитация пермской деревянной скульптуры; «красные человечки» без головы, изготовленные из разных материалов и размещенные на зданиях и улицах; новый логотип города в виде красной буквы «П».

Паблик-арт призван пробуждать внимание прохожих и стимулировать интерес к общественным местам. Но какое же влияние он оказал на аудиторию в Перми? Реакция публики была шоковой – она в массе своей не приняла предлагаемые символы. Отмечены случаи вандализма. Например, красную букву «П» исписали словами «Полный П» и «безвкусица». «Красных человечков» у Органного концертного зала перевернули, оторвали им ноги. Над «идущими человечками» также совершили надругательство. «Человечки» – фотографии зеленого сигнала светофора из 77 городов мира на черном баннере длиной 130 метров и высотой 2,5 метра были вывешены на бетонном заборе у Северной дамбы. Не прошло и суток, как неизвестные отрезали часть полотна¹³.

Речь идет не только о нетерпимости и полном отсутствии у аудитории понимания целей этой художественной акции. Пермская затея продемонстрировала и слабую готовность городских властей к массовым мероприятиям. Грандиозное представление светового граффити ждали люди: на шоу собрались тысячи пермяков. Однако оно не получилось из-за несносной организации: на площади не было перекрыто движение, горели огни ночного городского освещения.

Для реализации всей этой в сущности неплохой задумки оказалось губительным то, что ее организаторы обошли вниманием предварительную подготовку общественного сознания. В первую очередь необходимо было определить характер запросов и вкусы местного населения. Еще одним важным просчетом стало пренебрежение политического руководства к обновлению облика го-

¹³ Павлова Е. Современное искусство вышло из музея и гуляет по опасному городу. URL: http://www.permmag.ru/article/node/public_art_inda_city.

рода, чей потрепанный вид еще больше подчеркивали яркие и непривычные пятна паблик-арта. К концу второго года осуществления этой программы среди населения в Перми уже очень сильно распространено раздражение, которое формулируется в виде претензий к властям – почему бюджетные деньги тратятся на памятник надкушенному яблоку, а не на разбитые дороги и облезлые фасады¹⁴. Впрочем, в Музее современного искусства «PERMM», организаторе художественных акций паблик-арта, не скрывают, что их главная цель – «отвлечь внимание пермяков от дыр, грязи и убогости на городских улицах»¹⁵.

Как показывает опыт Перми, большая сила воздействия символического инструментария способна заронить у организаторов веру в успешное воплощение самых смелых замыслов. Однако на удачный исход рассчитывать не приходится, если символические программы маскируют под культурную революцию и привитие населению художественного вкуса, а борьба за культурный статус города скрывает нежелание власти заниматься действительным благоустройством территории. Жителей, прекрасно информированных о положении дел в городе, не удастся надолго отвлечь, обмануть, тем более картинкой сомнительной притягательности.

Органическая модель

Эту модель отличает более сильное, чем в предыдущих случаях, воздействие мероприятий «символического менеджмента» на местное население, а главное, запланированная и определенная его ориентация на консолидацию местного сообщества, усиление его позитивной региональной идентичности. Главным критерием отнесения символических стратегий к органической модели можно считать заявленную цель сплотить население региона. Она выбирается политической элитой и другими акторами в

¹⁴ Сафина М. Возле администрации Пермского края будет еще больше красных человечков. URL: <http://www.permm.ru/menu/prensa-o-nas/vozle-administraczii-permskogo-kрая-budet-eshhe-bolshe-krasnyix-chelovechkov.html>.

¹⁵ Там же.

качестве долгосрочного приоритета и становится неотъемлемой частью регионального политического курса. Поэтому стратегии в рамках органической модели можно назвать консолидационными. Их характеризует широкий охват сфер, последовательность, длительность и даже высокий энтузиазм внедрения.

Примером консолидационной стратегии из российской региональной практики является «символический менеджмент» в деревне Мартыново Ярославской области. Деревня Мартыново – одно из поселений кацкарей, в 1990-е годы объявивших себя самостоятельной этнической группой, ведущей свою историю с эпохи монгольского нашествия¹⁶. Кацкари обрели идентичность стараниями местного учителя¹⁷.

В 1992 году в деревне стали выпускать газету «Кацкая летопись» краеведческой направленности, которая к настоящему моменту превратилась в журнал, популярный в 80 населенных пунктах. В 1999 году краеведами был создан клуб «Кацкая летопись» и этнографический музей, располагающийся в пяти деревенских домах (включая школу). В школах Ярославской области был введен предмет «Кацковедение». Этническая дистанция от русских подчеркивается тем, что «кацкари ведут себя от смещения летописной меры и славян»¹⁸. «Феномен кацкарства» поддерживается «ожившим» кацким диалектом русского языка, легендой о появлении Кацкого стана, фольклором, а также общими способами ведения домашнего хозяйства. Этническая и территориальная идентичность стала основой возрождения общинного уклада в деревне, сельскохозяйственных и ремесленных промыслов, являющихся главным источником дохода местных жителей. С началом реализации символической программы в деревне почти полностью прекратился отток населения.

Стратегия конструирования идентичности кацкарей в Мартыново – это иллюстрация достижения одновременно внутренних

¹⁶ Шнирельман В. А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // История края как поле конструирования региональной идентичности. Волгоград : Изд-во ВолГУ : Ин-т Кеннана, 2008. С. 10.

¹⁷ Соловьев Е. Как побажорить с кацкарями // Независимая газета. 2007. 7 сент. URL: http://www.ng.ru/ngregions/2007-07-09/15_kackari.html.

¹⁸ Шнирельман В. А. Указ. соч. С. 10.

и внешних целей. Направленное в первую очередь на консолидацию локального сообщества, управление придуманными символами на основе нового образа сделало территорию привлекательной для туристов, чем значительно содействовало ее процветанию. Деревня приобрела устойчивый образ островка старинного, почти исчезнувшего самобытного крестьянского быта. Мартыново принимает ежедневно до десятка туристических автобусов. Приток туристов позволил руководителям музея заняться строительством школы кацкой грамоты и гостиницы.

«Символический менеджмент» в Новгородской области является уникальной для России стратегией. По охвату сфер жизнедеятельности, соответствию принципам целостности, последовательности реализации и результативности символических мероприятий он пока превосходит все известные имиджевые проекты. Символическую программу Новгородской области, с некоторыми оговорками, можно определить как консолидационную. За годы губернаторства Михаила Прусака (1991–2007) эта область стала нетипично успешной в плане экономического развития и движения в сторону становления институтов гражданского общества, особенно в сравнении с соседними областями Северо-Западного федерального округа России.

Одной из предпосылок успешной модернизации региона явилось решение его элиты опереться на целый комплекс взаимосвязанных символических ресурсов. Прежде всего был возрожден миф «о прогрессивности средневекового Новгорода». Это хорошо послужило легитимации реформ. Систематически подчеркивая наследие Великого Новгорода – центра средневековой торговли и колыбели русской демократии, местные элиты представили реформы как возвращение к ценностям русского прошлого, а не как что-то навязанное извне¹⁹. Инициатива применения «символического менеджмента» в Новгороде, скорее всего, была спонтанным, но эффективным шагом. Обратившись к политике символического конструирования региональной идентичности, облас-

¹⁹ Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М. : Новое изд-во (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»), 2008. С. 177.

тная администрация впоследствии воспроизвела ее логику в целом ряде других решений. Так сложился особый стиль управления, в котором важную роль играла символика.

Сбыт символической продукции на внешнем рынке подчинялся логике презентации территории как «точки роста» России, а потому нуждающейся во внимании и ресурсах извне. В 1994 году областная администрация начала активную политику привлечения инвестиций, прежде всего иностранных, и уже спустя пару лет весьма преуспела в этом. Если в среднем по России прямые иностранные инвестиции составляли в 1995–1999 годах около 5 %, то в Новгородской области они доходили до половины всего объема инвестиций²⁰. Благодаря проведению ряда экономических реформ и установлению благоприятного инвестиционного климата регион быстро стал одним из лидеров российской экономики. По ряду показателей Новгородская область обогнала даже наиболее развитые субъекты РФ²¹. Неудивительно, что уже в 1997–1998 годах регион представлялся в средствах массовой информации только в позитивном ключе. При этом в зарубежных изданиях область подавалась как образец для других регионов России и ее упоминания часто сопровождалось такими заголовками: «Модель Новгорода», «Российская история успеха», «Вестернизация российской провинции» и др. Зарубежные фонды именно Новгородской области охотнее, чем большинству других субъектов РФ, выделяли финансовые гранты на реализацию проектов социально-культурного развития территории²².

При управлении символами внутри региона новгородское руководство всячески акцентировало темы славной истории и культуры области²³. Эта риторика благосклонно встречалась избирателями. Кульминационным моментом, закрепившим успехи

²⁰ Харрисон Л. Указ. соч. С. 128.

²¹ Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4, № 2. С. 98.

²² Там же. С. 100.

²³ Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / под ред. С. Выженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой, при участии А. Кузьмина. М. ; СПб. : Летний сад, 2001. С. 46.

«символического менеджмента» в конструировании территориальной идентичности, стало переименование в 1998 году столицы региона в Великий Новгород.

«Вечевые» традиции, являвшиеся одним из символических элементов новой региональной политики, были воплощены в развитии территориального общественного самоуправления и бурном росте количества общественных организаций. По числу гражданских объединений и неправительственных организаций в годы губернаторства Михаила Прусака Новгородская область считалась одной из самых «демократичных» в стране и входила по этому показателю в первую четверть²⁴. По подсчетам Н. Петро, число общественных организаций на душу населения этой области практически совпадало с аналогичными показателями самых «гражданственных» регионов Северной Италии²⁵.

Правда, многие исследователи отмечают имитационный характер того процесса, который со стороны принимали за становление гражданского общества в Новгородской области. Так, организации, входившие в Общественную палату при губернаторе, фактически не имели влияния на принятие решений и вынуждены были одобрять документы, согласованные без их участия. В местном самоуправлении многое из того, что выглядело как свободная и добровольная самоорганизация граждан, на самом деле являлось хорошо закамуфлированной формой зависимости от региональных властей. Взаимодействие руководства области и бизнеса строилось на основе патрон-клиентских отношений²⁶. Все эти аргументы не лишены оснований.

Вместе с тем сам факт возникновения и роста числа общественных организаций и политический курс на их поощрение и сохранение не стоит игнорировать. Если многие из этих организаций нельзя в полной мере назвать институтами гражданского общества, то их вполне можно определить как предпосылки к такой

²⁴ Харрисон Л. Указ. соч. С. 177.

²⁵ Petro N. Novgorod Region: A Russian Success Story // Post-Soviet Affairs. 2001. Vol. 15, № 3. P. 243–244.

²⁶ Гельман В. Я. Указ. соч. С. 101.

трансформации. Трудно отрицать, что цель сплочения локального сообщества как базовой предпосылки для проведения реформ была достигнута. Политический курс региональной элиты пользовался массовой поддержкой. Михаил Прусак остается популярной фигурой даже после ухода с поста в 2007 году. Символические конструкты стали в руках элит мощным средством и проводником осуществления политического и экономического замысла.

* * *

«Символический менеджмент» является весьма эффективной технологией создания символических ресурсов в регионах. Это справедливо для внешних стратегий, когда формируемые политической элитой образы территорий направлены на привлечение внимания за их пределами, когда борьба за символы ведется с прикидкой на получение федеральных и иностранных инвестиций, притягивание туристов и новых жителей. Воздействие на общественное сознание достигается за счет поиска и активного использования местных и привнесенных традиций и мифов, выигранных моментов истории, создания отличий от соседей.

Так же успешно дело обстоит и в тех редких случаях, когда политические элиты прибегают к «символическому менеджменту» для решения сугубо внутренних вопросов. Это касается и малых, и больших целей. Например, «символический менеджмент» оказывается существенным подспорьем, если необходимо сиюминутно, разово, ненадолго отвлечь массовое сознание от какого-то остро вставшего вопроса регионального или городского развития, осуществить бизнес-проекты или сплотить население территории, обеспечить поддержку избранного политического курса.

Некоторая систематизация российского опыта в виде моделей «символического менеджмента» демонстрирует важные закономерности, учет которых приближает к успеху в такой политике. Первая из них состоит в том, что чем масштабнее цель, тем больше усилий необходимо прикладывать при конструировании образов, тем более внимательное отношение к содержательным компонентам, широте охвата сфер, ко времени, этапам и последова-

тельности проведения символической политики требуется со стороны субъекта управления. Причем лучше всего принимать во внимание все перечисленные факторы. Например, явно провальным будет стремление городского руководства усилить сплоченность местных жителей только за счет нескольких культурных инициатив или рекламных акций, даже если они четко связаны между собой идейно и строго согласованы по времени.

Из этой закономерности следует вторая: внедрение крупных символических проектов должно подкрепляться модернизацией соответствующих сфер жизни территории. Так, например, если ставится задача создать образ территории как экологически чистого уголка, идеального для размеренной повседневной жизни, а в действительности там унылые пейзажи, грязные реки, шум и суета и ситуация не меняется к лучшему, то со стороны инициаторов подобных проектов было бы безумием надеяться на массовый положительный отклик жителей. Конструируемый имидж города как центра деловой жизни совершенно точно будет скомкан, если, например, его архитектурная среда, транспортная система, сфера услуг и в конечном счете уровень жизни населения не будут со временем приведены в соответствие с заявленными приоритетами.

Пренебрежение этими требованиями – достаточно распространенный в мировой практике феномен. У политических элит нередко возникает соблазн применить для достижения крупномасштабных целей технологии, предназначенные для решения мелких задач, попросту пропустить какие-то этапы политики, имитировать существование долгосрочной стратегии и др. Эффектом такого урезанного подхода может стать, по меньшей мере, разочарование в результативности символических технологий, а высокой ценой – накал и без того трудной обстановки в регионе или городе.

ГОРОДСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ВОСПРИЯТИИ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ ¹

Все говорят: Кремль, Кремль.
Ото всех я слышал про него,
а сам ни разу не видел.

В. Ерофеев. Москва – Петушки

Манипуляция исторической памятью в политической практике

Не существует обществ, которые не были бы озадачены трактовкой своей истории ². Демократизация, а значит и плюрализм мнений создает возможность для открытого обсуждения истории и исторических фактов. Это ведет к появлению противоположных трактовок одних и тех же событий. Одни социальные группы ориентированы на традиционные ценности – они увлекаются реконструкцией культурных практик своего народа. Интерес к традиционной культуре усиливает привязанность к «наследию» – тому, что в англоязычном мире называется «heritage», а во Франции – «patrimoine» ³. Другие же группы, их в современных обществах немало, равнодушны к наследию. Уже одно это создает потенциальное поле разногласий и указывает на ограничение возможностей воздействия на поведение людей с помощью манипуляций символическими ресур-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» «Учитель – Ученики» 2011–2012 годов.

² Нора П. Всемирное торжество памяти. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.

³ Там же.

сами, хотя такая манипуляция применяется в политической практике любого государства и прежде всего в его политике коммеморации (сооружении памятников и мемориальных комплексов, организации музеев и архивов, учреждении праздников, государственной символики и др.).

Коммеморация является важнейшим элементом государственной политики и инструментом строительства нации в конструктивистских парадигмах ⁴.

Коммеморация как специальная процедура, а также возникновение «мест памяти», означающих, в терминологии Пьера Нора, естественно сложившиеся очаги притяжения исторического сознания, обусловлены необходимостью поддержания исторической памяти, которая сама по себе существовать не может: «память нуждается во внешней поддержке и в осязаемых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует»⁵.

Историческая память ограничена достаточно узкими пространственными и временными рамками. Именно для постоянного воспроизведения в коллективном представлении важных символических точек прошлого и нужны некие символические ресурсы (мемориальные праздники, архивы, мемориальные доски, исторические тексты и др.), а также инструменты (то есть практики) сохранения, поддержания и воспроизводства этих ресурсов. Используя указанные ресурсы и инструменты, различные социальные группы и политические силы конструируют политическую среду, формируя или поддерживая тот или иной проект коллективной исторической памяти ⁶.

Целенаправленное, политически мотивированное воздействие на историческую память способно порождать конфликты в той мере, в какой оно затрагивает различие интересов разных политических групп и сил. Понятно, что особенно острые, конфликтные

⁴ Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы). URL: <http://www.navoine.ru/articles/925>.

⁵ Нора П. Места памяти. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.

⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>.

формы борьбы за память наблюдаются в новых независимых государствах. Именно здесь, в условиях неустоявшихся политических систем, коммеморация выступает одним из средств продвижения и защиты разных «национальных проектов» – разных моделей политического режима и национально-государственного устройства. В современной России это в наибольшей мере проявляется в противоборстве советского (коммунистического) проекта и альтернативного ему проекта десоветизации (десталинизации). При этом первые постсоветские годы ознаменовались одержанной почти без борьбы победой проекта радикальной десоветизации. Снос памятников советским лидерам, переименование улиц и городов, перезахоронение останков царской семьи и других неприемлемых для советского режима персон – все это было приуще 1990-м годам⁷. В 2000-е годы было заметно некое оживление советской символики, начиная с возрождения слегка перелицованного советского государственного гимна. В период же президентства Дмитрия Медведева вновь оживились силы, поддерживающие проект десталинизации, хотя он и не имеет массовой поддержки в обществе, наталкивается на решительный отпор консервативных сил, а иногда встречает возражения и со стороны экспертов с либеральными взглядами⁸.

В этих политических дебатах крайне редко учитывается тот факт, что символические ресурсы в реальной практике зачастую оказывают меньшее воздействие на общество, чем предполагают политики. В отмеченной дискуссии о проекте Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, условно называемом «проект десталинизации», только

⁷ Левинсон А. Опыт социографии : статьи. Память. Памятник. Мемориал. М. : Новое лит. обозрение, 2004. С. 244.

⁸ См., напр.: Кургинян С. О десталинизации и не только о ней. URL: http://www.rusproject.org/current/current_3/o_destalinizacii_i_ne_tolko_kurginjan; Паин Э. А. Почему программа «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» не может служить национальному примирению в современной России. URL: http://president-sovet.ru/structure/group_5/response/statement_of_pain_ea.php.

Эмиль Паин отметил, что программы десоветизации в некоторых государствах фактически провалились. Внедрение новых символов либо порождало конфликты, либо было незначимым для большей части населения страны. Он привел пример того, как многомиллионные затраты правительства Украины на утверждение новой политической символики оказались фактически бросовыми, поскольку не смогли обеспечить утверждение в массовом сознании нового, по сравнению с советским периодом, пантеона национальных героев.

Особенно часто и в наибольшей мере переоценивается роль манипуляции городскими памятниками и мемориальными комплексами. Городской памятник не оказывает такого принудительного воздействия на сознание, как, скажем, школьный учебник по истории. Этот вид символических ресурсов способен оказывать психологическое воздействие только в том случае, если будет замечен реципиентом. Герой поэмы «Москва – Петушки», житель Подмосковья, сравнительно часто наведывавшийся в столицу, умудрился не заметить даже Кремль, что уж говорить о городских памятниках.

На наш взгляд, сегодня подобный драматический уровень отчужденности от социальной среды демонстрирует преобладающая часть московского студенчества. Это одна из главных идей, которой хочет поделиться с читателями автор данной статьи. Кроме того, анализ восприятия студентами городских памятников дает представление о некоторых важных чертах общей и политической культуры современного московского студенчества и, предположительно, значительной части городского населения страны.

Первоначально основным побудительным мотивом для исследования восприятия памятников в рамках указанного проекта выступала гипотеза о том, что мигранты доказывают свою культурную интегрированность в среду городского принимающего сообщества, если демонстрируют хорошее знание городских символов, а именно памятных мест и городских памятников. Однако первые же сравнения показали, что москвичи, в том числе и те, которые могут на митингах скандировать лозунг «Москва для

москвичей!», знают Москву не лучше приезжих. Понятно, что для исследования выбирались люди, представляющие две группы жителей: постоянные жители Москвы – те, кого принято называть «принимающее сообщество», и приезжие. В данной статье приводятся материалы только по москвичам.

Для опросов были выбраны студенты в возрасте 19–24 лет. Данный выбор обусловлен тем, что их сознательная жизнь происходила в современной России, они не помнят времена СССР. Это позволяет избежать предвзятой оценки событий, уже ставших историческими, а также дает возможность увидеть, что молодое поколение считает важным на том временном отрезке, которому они сами стали свидетелями. Иначе говоря, какие события последних 20 лет являются настолько важными, что должны (могут) быть запечатлены в памятниках и мемориалах. Респонденты интервьюировались в ноябре – декабре 2010 года на улицах и в торговых центрах Москвы.

Методом исследования было выбрано полустандартизированное интервью, количество респондентов составило 30 человек. Понятно, что такой объем выборки исключает возможность репрезентативных выводов. Однако нас интересовало прежде всего развернутое содержание ответов, их аргументация, язык и стилистика. Все это требовало сравнительно длительных и подробных бесед, характерных скорее для антропологических, чем для социологических методов исследования. Выводы же о распространенности того или иного явления мы делали лишь в тех случаях, когда получали подтверждения наших результатов в материалах широкомасштабных и репрезентативных социологических исследований. Главными источниками такого рода послужили материалы Левада-Центра, изложенные в работах Льва Гудкова и Бориса Дубина, а также данные Европейского социального исследования 2007 года, представленные в статье Владимира и Аси Магун.

Темы обсуждения были разделены на несколько тематических блоков: памятники и их место на когнитивной карте города; историческая память: стыд и гордость за прошлое и настоящее; памятники и история как факторы консолидации.

Московский городской памятник на когнитивной карте города

В качестве основополагающей темы интервьюируемым предлагалось рассказать о своих любимых и важных, с их точки зрения, памятниках и мемориальных местах в Москве. Это позволяло нарисовать когнитивную карту города для каждого опрошиваемого, а затем и типичную для исследованной группы.

Городское пространство не только трехмерно – оно воспринимается на уровне абстракций и воображения. Городское пространство состоит из ориентиров, узлов, границ, районов и мест⁹. Эти неотъемлемые части разделены между собой символически. Город выступает как коллективный опыт: исторические и социальные ассоциации играют огромную роль в распознавании городского пространства. Памятник служит маркером, наполняя ту или иную часть города символическим смыслом. И если эту ценность разделяет коллективное представление, она приобретает статус сакрального, неся за собой нормы и правила поведения в данном месте. В коллективном представлении город окрашен в гамму социальных чувств – одни памятники замечают, другие игнорируют.

Георг Зиммель полагал, что городское пространство – это совокупность символических точек, наполненных определенными социальными смыслами¹⁰. Их главная функция – превратить «пустое» пространство в социально осмысленное. Городское пространство и его символические точки, к числу которых относятся и памятники, задают модели жизненных приоритетов. Памятники являются важным маркером городского пространства. Поэтому для полноценного изучения их роли необходимо учитывать, какое место в коллективной памяти занимает то событие, которое репрезен-

⁹ Дубин Б. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. 2008. № 4 (43).

¹⁰ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 34. С. 23–34.

тировано в мемориале, и то, как и где он установлен (иными словами, находится ли он на когнитивной карте города).

Наше исследование подтвердило, что Москва и ее пространство, наполненное памятниками, делятся в сознании горожан на две части. Первая – это центр города. Он ассоциируется с историей: наполнен музеями, памятниками, аллеями и несет функцию хранилища культурного прошлого¹¹. Центр города также связан с досугом, прогулками, встречами с друзьями: *«Вспомнила: мне еще нравится памятник рядом с Третьяковской галереей... как его... памятник людским порокам... Там летом красиво так, когда гуляешь»* [НИУ ВШЭ, 21 год].

Вторая часть города – окраины и то, что стало повседневным: пути следования, знакомые места. Там памятника как будто и нет: *«Памятник Тельману мне нравится... Я его часто вижу, когда езжу на учебу и из метро выхожу... Хотя, что это Тельман, не знала очень долго, хотя и встречи у него назначаем»* [НИУ ВШЭ, 19 лет].

Окраины, по мнению подавляющего большинства опрошенных, не место для памятников. Здесь они не нужны. На наш вопрос: *«Если бы у Вас была квартира в новом районе Москвы, скажем в Бутово, для Вас играло бы роль, есть ли памятники в Вашем районе или нет?»*, – мы получили ответы преимущественно такого типа: *«Мне было бы без разницы. Главное – инфраструктура. В центре памятники нужны. А так, на окраине... на него легко ориентироваться, когда там встречи назначаешь, например... не знаю даже... вряд ли»* [МППГУ, 22 года].

На периферии города памятники в основном воспринимаются как объекты садово-паркового декора или запоминающееся место встреч. В центре же памятники чаще оцениваются респондентами как мемориальные объекты в своей исходной символической функции. Из числа наиболее запомнившихся назывались следующие памятники: Пушкину, Гоголю, маршалу Жукову, Юрию

¹¹ Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое лит. обозрение, 2011. С. 22. См. также: Левинсон А. Указ. соч.

Долгорукому, Минину и Пожарскому. *«Да много таких мест в Москве интересных... Пушкин прям в центре, Гоголю памятник, кому там еще есть-то... Царь-колокол тоже же памятник, да?»* [МГУ, 22 года]. Реже студенты вспоминали о памятниках, которые встречаются по пути домой, на работу, учебу: *«Да много памятников в Москве... Иногда идешь по улице и натыкаешься на такое “чудо”... Правда, иногда непонятно, зачем тут поставлен»* [МГТУ им. Баумана, 20 лет].

Респонденты не могли вспомнить или очень тяжело вспоминали памятники, которые были открыты или, наоборот, убраны с городских улиц в новой России. Ни многочисленные монументы Церетели, вроде знаменитого Петра Первого, ни снос памятника Дзержинскому не отразились в коллективной памяти этой группы. Опрошенные нами студенты не обратили никакого внимания на длящиеся не один год споры о памятниках Ленину и Сталину и даже не слышали о дебатах по поводу генплана развития Москвы, реализация которого, по мнению многих политиков, общественных деятелей и простых москвичей, создает угрозу целостности памятников истории и культуры города.

Стыд и гордость: историческая память и настоящее

Со времен классической работы Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура» во всем мире принято оценивать при анализе политической культуры факторы, вызывающие чувство гордости за страну. В интерпретации Алмонда и Вербы этот вопрос звучал так: «Говоря в целом, что в Вашей стране есть такого, чем Вы больше всего гордитесь?». Мы добавили к этому вопрос о том, что вызывает чувство стыда за прошлое и настоящее.

Важно отметить, что сама связь городских памятников с чувством гордости за страну не вызывала сомнений у наших респондентов. Вот типичный ответ: *«Памятники нужны, чтобы помнить свою историю, чтобы испытывать гордость за свою страну»* [МАДИ, 19 лет]. За что же респонденты испытывают гордость в Москве, и что, по их мнению, достойно репрезентации в памятниках?

В ретроспективе у московских студентов вызывают гордость прежде всего три достижения времен Советского Союза: полет Юрия Гагарина в космос, победа в Великой Отечественной войне и успехи в области науки и техники. При сравнении наших материалов с исследованиями Левада-Центра выясняется, что это типичные оценки, характерные для преобладающей части россиян за последнее десятилетие¹². Весьма характерно и то, что молодому поколению фактически не стыдно за прошлое своей страны: *«Да нет ничего такого, за что испытываю стыд. Мы всегда были великой страной и все делали для того, чтобы быть ей»* [МГУ, 19 лет]. 16 интервьюируемых ощущают некоторое чувство стыда за проигранные войны во времена Российской империи: Русско-японскую и Первую мировую. Только у троих из опрошенных вызывают стыд сталинские репрессии.

Также к числу уже доказанных материалами различных репрезентативных исследований относится и вывод о чрезвычайно узком историческом кругозоре большинства россиян. Такая особенность российского общества выявилась, например, в ходе исследования Левада-Центра «Самые значимые события XX века». Этот кругозор ограничен рамками советского прошлого¹³. Вот и наши респонденты были зажаты теми же рамками, хотя о советской истории мало что помнят. Изредка в числе значимых назывались исторических события других эпох: битва на Куликовом поле, избавление от татаро-монгольского ига и победа над Наполеоном в 1812 году.

В целом же структура исторической памяти определяется преобладающими источниками информации, которыми пользуются студенты. Это прежде всего электронные СМИ. Ныне они формируют матрицу массового сознания. Частота той или иной информации задает и знание исторических событий, да и сами их оценки. В современных российских СМИ практически не обсуждается ис-

¹² Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи, 1997–2002. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 147 ; Дубин Б. Указ. соч.

¹³ Гудков Л. Указ. соч. С. 147.

тория Первой мировой войны, становление российского парламентаризма. В последние годы все больше свертывается информация о событиях 70 советских лет, и это формирует рамки того исторического кругозора, который характерен даже для московского студенчества, что уж говорить о большей части населения, которое не имеет ни высшего, ни незаконченного высшего образования.

Если прошлое в основном не вызывает стыда у опрошенных нами студентов, то настоящее с этим чувством прочно связано. Стыд вызывает все: социальное положение, экономика, реформы, политические преследования и конечно же коррупция. Среди положительных явлений назывался лишь рост обороноспособности страны.

Новая Россия не является ценностью – за нее только стыдно. При проведении интервью задавался вопрос: «Какие события прошедших 20 лет, с Вашей точки зрения, нуждаются в увековечивании городскими памятниками?». На этот вопрос респонденты либо затруднялись ответить, либо давали категоричный ответ: «Ничего». После небольших раздумий многие называли негативные события, терроризм (мемориал жертвам террора), чеченские войны (памятник российским солдатам, погибшим в Чечне), гибель подлодки «Курск».

История и консолидация

Общая история, общие трагедии и достижения объединяют людей на огромном пространстве. Нация конструируется во многом за счет восприятия истории как единого прошлого, она консолидируется позитивными ожиданиями единого будущего. Наши респонденты теоретически осознают роль истории как объединителя. В той или иной форме об этом заявили почти все опрошенные, например так: *«У нас богатая история, много всего было, и, конечно, мы объединены тем, что было, в какой-то мере...»*; *«Ну это же история, наши предки, мы должны гордиться тем, что было»* [МГИМО, 20 и 19 лет]. Однако когда беседа смещалась с оценок того, как должна влиять история, на то, каково ее реальное влияние на объединение, выяснялось, что не все

народы РФ могут быть включены в общую «нашу» историю. Практически все опрошенные предлагают исключить из этой истории «кавказцев», вспоминая коллаборационистские движения на Северном Кавказе в 1940-х годах, депортацию многих народов этого региона и кавказскую войну в XIX веке: *«Мы против них воевали постоянно, чего же еще»* [МГППУ, 21 год]. То обстоятельство, что российская история, особенно военная, не может быть воспринята кавказцами как своя, выражается и в такой завуалированной форме: *«Наверное, им [детям, будущим жителям страны] будут интересны научные достижения, но не военные заслуги... это не будет объединять»* [МГУ, 21 год].

Тенденция исключения кавказцев из общероссийской общности и придания им образа «врага» проявилась не только в нашем весьма локальном исследовании, но и в целой серии репрезентативных исследований Левада-Центра¹⁴.

Наше исследование не могло соревноваться с массовыми социологическими опросами по репрезентативности, но обладало своими преимуществами перед ними. Наши респонденты сами выбирали стиль беседы, слова, термины, и это дало дополнительную информацию о состоянии массового сознания. Например, важно отметить, что опрошенные не пользовались общими, объединительными терминами. Никто не использовал слово «россияне» и даже такие эмоционально-нейтральные термины, как «граждане России» и «жители страны». Зато широко использовались все формы разделительных определений по географическому признаку: «южане», «волжане», «кавказцы», а также по этническому признаку «русские», «нерусские».

Когда мы вслушивались в размышления наших собеседников, у нас складывалось впечатление, что их коллективная идентичность выстроена на основе жесткой дихотомии «друг – враг». Московским студентам кажется, что существуют коренные различия не только между столичными и нестоличными жителями, но и просто между людьми из разных регионов: *«Да во многих регионах черт*

¹⁴ Гудков Л. Указ. соч. С. 227.

знает что происходит, живут там, как в своем мире каком-то». Причем отличие жителей кавказских регионов ощущается особо остро: «Ну я много где был по России и могу точно сказать, что люди в Петрозаводске, Омске, Ростове другие. У них свои какие-то правила и представления о поведении. И они не только от московских отличаются, но и между собой... Кавказцы вообще отдельная тема. Они другие... С ними общего ничего нет» [МГТУ им. Баумана, 22 года].

Звучит все это весьма пессимистично, и локальность нашего исследования, казалось бы, позволяет отнести к таким обособительным высказываниям с сомнением. Однако ведь и массовые репрезентативные исследования показывают, что единая общероссийская идентичность пока слабо выражена¹⁵. Компаративные же исследования дают представление о том, насколько дезинтегрирована Россия в сравнении с другими странами: «Россияне в минимальной степени (в сравнении с населением других стран мира) ощущают единство со своей страной или, что то же самое, в максимальной степени отчуждены от нее. Примечательно, что степень отчужденности находится у россиян на том же уровне, что у арабского населения Израиля, этнически отличающегося от титульного населения страны»¹⁶.

Респонденты полагают, что и в будущем культурное сближение народов России маловероятно, по крайней мере с народами Северного Кавказа. Как считают участники опроса, с кавказцами их детям будет тяжело найти общий язык. По этому поводу звучат как радикальные заявления: «Я сделаю все, чтобы мои дети вообще с ними не учились», – так и не столь категоричные: «Ну если они [школьники-кавказцы] будут забывать про свою родину и захотят узнавать нашу (!) историю, то тогда все нормально будет... Они же тоже в большом городе выросли» [МГИМО, 20 лет]. Исключение кавказ-

¹⁵ Российская идентичность в социологическом измерении. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident0.html.

¹⁶ Магун В., Магун А. Связь со страной и гордость за ее достижения. URL: [http://www.ecsocman.edu.ru/data/116/774/1223/Magun_Identichnost-dve_stati_vmeste.pdf].

цев из общероссийской идентичности и придание им образа «врага» подтверждает и исследование Левада-Центра¹⁷.

Возможно ли изменить сложившиеся дезинтеграционные тенденции, и какова роль в этом коммеморативной политики? Опрошенные студенты весьма скептически оценивают роль памятников в повседневной жизни, а весь предшествующий анализ должен был показать, что символическая среда города действительно мало значима для большинства из них. Функцию ознакомления с городскими памятниками своих будущих детей респонденты полностью перекладывают на школу. Они полагают, что в школе уделяют достаточно времени экскурсиям и рассказывают все, что надо знать: *«Что Вам запомнилось самим из школьных экскурсий? Пушкинские места, военные мемориалы, исторические музеи. Этого достаточно будет Вашим детям, как думаете?»* – *«Ну да, а что еще показывать-то?»* [МГУ, 23 года].

Место для встречи: «у Косого»

Наиболее существенные для нашей темы выводы мы получили из сопоставлений оценок важности тех или иных исторических событий с оценками роли памятников, которые их символизируют. Эти результаты просто обескураживают. Оказывается, между этими явлениями у наших респондентов не обнаруживается никакой связи (см. таблицу).

Так, при высокой значимости военных побед и гордости за них из 30 опрошенных только двое вспомнили о Парке Победы при перечислении памятников и мемориалов Москвы. Этот пример лучше других показывает крайне малую роль городских памятников в сознании московских студентов.

Важное место в истории России наши респонденты отвели и полетам в космос, но только двое из них вспомнили о монументе на ВДНХ, посвященном этим событиям.

¹⁷ Гудков Л. Указ. соч. С. 227.

**Частота упоминаний исторических событий и памятников,
посвященных этим событиям**

Историческое событие	Памятник, мемориал
Победа в ВОВ (27 из 30)	Парк Победы (2 из 30)
Полеты в космос (25 из 30)	Монумент покорителям космоса на ВДНХ (2 из 30)
Достижения в области культуры и искусства (4 из 30)	Памятники деятелям культуры и искусства (30 из 30)

А вот достижения России в культуре и искусстве оценили в качестве значимых лишь четверо из тридцати студентов, но зато все помнят памятники в Москве великим русским писателям. Оказывается, Пушкин действительно «наше все», но только как памятник у кинотеатра «Россия».

Макс Вебер мечтал о расколдованном мире, о рациональном сознании, которое вытеснит мифологическое. Его мечта свершилась в России, хотя и весьма своеобразно. Для большинства опрошенных нами студентов московские памятники вовсе не сакральные символы, а весьма прагматические визуальные точки, ориентиры для назначения свиданий. Это объекты, металлические или каменные, стоящее или сидящее, возле которых часто ставят городские скамейки.

Итак, памятник перестает нести сакральный смысл, становится элементом городского декора, точкой ориентирования. Некоторые респонденты чувствуют, что должны осознавать особую «образовательную» функцию памятника, но для себя отмечают, что чаще и не знают, кому, зачем и когда поставлен мемориал: *«У нас на районе есть памятник Хо Ши Мину, но кто он такой, я не знаю... Мы его с парнями “Косым” называем, когда договариваемся о встрече: “Встречаемся у Косого”»* [МФЮА, 22 года].

Здесь важно отметить, что наше исследование подтверждает выводы ряда российских социологов о сильном разрушении остатков советского сознания, особенно у молодежи. Так, большинство опрошенных знают о тех временах, когда СССР был мировой сверхдержавой, окруженной сообществом стран-сателлитов, и сожалеют о том, что это время ушло. Однако мало кто помнит

о тех политических персонах (таких, как Хо Ши Мин), которые олицетворяли влияние Москвы, скажем, во Вьетнаме. Студенты по большей части не интересуются этим. Их великодержавие носит остаточный и неглубокий характер.

Точно так же и интерес к военным победам СССР и досоветской России сегодня выглядит всего лишь как коллективная мода, не ставшая индивидуальной ценностью. Принято восторгаться победами, и респонденты лениво демонстрируют такой восторг, не пытаясь доказать его ни реальным интересом к ветеранам, живущим рядом, ни знанием памятных мест, символизирующих эту победу, не говоря уже о готовности самим стать воинами и служить в армии.

Интерес к победам в космосе лишь частично компенсирует нынешний дефицит поводов испытывать гордость за свою страну и к тому же является поверхностным. Ныне не наблюдается не только интереса к памятникам космонавтам и музею космонавтики, но и тяги молодежи к занятию космонавтикой или авиацией, как это было в советские годы.

Даже если сильно принизить значение нашего весьма камерного исследования, оно все же, на наш взгляд, указывает на диагноз социальной болезни значительной части московского студенчества – крайнюю культурную апатию и пугающе низкий общекультурный уровень, создающий благоприятные условия для размножения в такой среде разного рода фобий.

* * *

Значимые события, сшивающие в единое целое исторические эпохи, воплощаются в символе. Памятник помогает осваивать городское пространство, делает его живым и своим. Он властвует над пространством, а такая власть, по мнению Пьера Бурдьё, является самой сильной властью¹⁸. Однако все это начинается

¹⁸ Бурдьё П. Социология социального пространства. М. ; СПб. : Ин-т экспериментальной социологии : Алетейя, 2007. С. 110.

работать только в том случае, если памятник замечают окружающие его люди. Мы живем в эпоху, когда памятники становятся незаметными, поскольку люди к ним безразличны.

Политики, которые воюют за выделение миллионов рублей на создание разного рода памятников и мемориальных комплексов, должны задуматься над тем, кто, кроме официальных иностранных делегаций, будет их посещать. Сегодня нужны вложения в гуманитарное образование, развивающее интерес молодежи к памяти и памятникам. Еще раз повторим слова Пьера Нора о том, что «память нуждается в постоянном напоминании».

А.В. Степнова

МЭРЫ, МИФЫ И ПАМЯТНИКИ

Роль культурно-символических ресурсов не всегда осознается политиками, редко артикулируется, хотя сами эти ресурсы используются активно. Волгоград в 2000-х годах испытал на себе несколько моделей взаимодействия мэров и мифов – сформированных ими или уже готовых. Легитимизация власти с помощью культурно-символических ресурсов широкого тиражирования вряд ли заслуживает (для этой цели предпочтительны выборы), но необходимо изучение взаимовлияния того и другого.

Эта связь глубже, чем считается, тем более что влияние – взаимное. Поэтому представляется, что попытка рассмотреть новейшую историю публичной городской скульптуры с учетом периодов правления мэров в Волгограде имеет право на существование, хотя такая периодизация весьма условна. Стоит учесть и то, что ни один из четырех мэров Волгограда с тех пор, как этот пост стал называться «глава администрации», а не «председатель горисполкома», не доработал до конца срока. Это «не до-» имеет корни (или, как минимум, отражение) в том числе и в культурно-символической сфере.

Начнем с ненаучного лирического отступления. В Волгограде была традиция: в день города карнавальное шествие возглавляли представители областной элиты. За несколько лет обнаружилась закономерность: участие в карнавале повышает устойчивость политической карьеры. Закономерность не стопроцентная, но с учетом возможной статистической погрешности вполне выразительная. Отказ от участия в карнавале может привести к потере поста, активное участие – к карьерному росту. Причем это никак не связано с напрашивающейся административно-командной логикой: раз ты пренебрегаешь нашим праздником, мы тебя уволим. Как раз эта логика отсутствует полностью: правящая элита не настолько заинтересована в карнавале, чтобы вознаграждать за участие в нем должностными, а за неучастие – отставками. Почему корреляция все же существует? Без подробного анализа факторов и последствий она выглядит похожей на магию, но она есть и, возможно, заслуживает более пристального изучения, чем абзац в этом тексте, где она нужна лишь как иллюстрация основных тезисов. Но вернемся к памятникам.

В конце 2003 года на смену выходцу из «красных директоров» Ю.В. Чехову пришел молодой предприниматель Е.П. Ищенко. С уходом Ю.В. Чехова для города окончательно завершилась и эпоха перестройки, и эпоха «советских» памятников, ориентированных на батальные эпизоды истории города. Последний из них был по сути переходным – памятник мирному населению, погибшему в дни Сталинградской битвы. Уже не совсем война, так как речь все же о мирном населении, но еще и не мир.

Окончание 13-летнего правления Ю.В. Чехова совпало с наступлением некоей стабильности, в том числе экономической; у горожан, взобравшихся на очередной ярус пирамиды Маслоу, появилась потребность подумать не только о хлебе, но и о зрелищах. Началось стремительное конструирование новых мифов и новых традиций. В 2005 году в день города на главной площади впервые сыграли спектакль, состоящий из новелл по мотивам царицынской истории, тогда же заложена традиция общегородского карнавала.

Установленные во время правления Е.П. Ищенко памятники «Ангел-хранитель Волгограда» и «Фонтан любви» (см. фото 1, 2¹) были песней во славу интимной, частной жизни. Более того, «Фонтан любви» – подарок Е.П. Ищенко будущей жене к свадьбе, эта скульптура куплена им на собственные деньги в Италии. Поскольку в этот момент мэр выступал как частное лицо, оба проекта, в отличие от всего того, что последовало, можно считать частной, гражданской инициативой.

Кстати, уместно оговорить, что и здесь и далее слово «памятник» употребляется не в юридическом, а в общеупотребительно-житейском смысле. Юридически все, что было установлено в Волгограде с 2003 года по настоящее время, включая изваяния святого и основателя города, – парковая скульптура, то есть некий временный декор, который при необходимости может быть демонтирован или перенесен в другое место.

Первый в этом ряду – «Ангел-хранитель Волгограда» – задуман инициаторами именно как элемент декора городской среды – элемент, соразмерный человеку, доступный, такой, который можно и нужно трогать руками. Цель – формирование комфортной городской среды. Несмотря на то что авторы проекта не претендовали на создание значимой коммеморативной практики, полагая, что всего лишь используют универсальный мем, популярный и в светской, и в религиозных культурах, некоторые основы этой практики были заложены, и они увенчались успехом. Для того чтобы привлечь интерес горожан к будущей скульптуре, была проведена акция «Ангел на фундаменте мечты»: через городские СМИ собрали написанные на маленьких бумажках мечты горожан и в тубусе заложили в фундамент постамента. В масштабах города количество участников было невелико, однако это позволило получить большое количество публикаций в средствах массовой информации. По собственной инициативе подключилась и коммерция: за два дня до открытия памятника один из сотовых операторов запустил вирусное sms-сообщение:

¹ Здесь и далее в статье фото выполнены А. Степновой и И. Куриллой-мл.

«Ангел помогает тебе лететь, когда твои крылья опускаются вниз. Перешли это сообщение четырем хорошим людям и посмотри, что будет через два дня».

Обычай гладить крылья и пальцы ног ангелу, загадывая желание, возник сразу же после установки скульптуры и прижился без специальных усилий, как и свадебная традиция после ЗАГСа Ворошиловского района посещать памятник. В первые годы после установки коллективные практики поддерживались организацией специальных событий, например празднованием дня рождения «Ангела-хранителя Волгограда» с участием художников, музыкантов, поэтов. И этот обычай тоже прижился. Достигнута и другая цель: создан прецедент реализации городского самоосознания в образах, не связанных с Великой Отечественной войной.

«Фонтан любви», созданный по инициативе Е.П. Ищенко, тоже нашел свои коллективные практики: появилась традиция свадебных фотосессий возле фонтана, причем в позах, повторяющих позы танцующей в фонтане пары. В октябре 2005 года при пуске обновленного фонтана был устроен праздник для молодежи, где обещали, что отныне в октябре Волгоград будет праздновать день семьи. Реализовать этот план не удалось из-за ареста и последующего отстранения мэра от должности.

В 2006 году на смену Е.П. Ищенко, оказавшемуся в СИЗО, пришел его заместитель Р.Т. Херианов, исполнявший обязанности мэра около года до выборов. Легитимность врио мэра была под большим вопросом не только из-за слова «врио», но и из-за способа получения должности. Е.П. Ищенко, находясь под арестом, подписал распоряжение о назначении Р.Т. Херианова исполняющим обязанности главы администрации города, но буквально через день передумал, выпустил новое распоряжение, отменив первое назначение, однако вновь назначенного врио в мэрию не пустили.

На этом фоне Р.Т. Херианов реализовал свой собственный проект, связанный с внедрением в городскую мифологию образа «небесного покровителя Волгограда» св. князя Александра Невского, проезжавшего здесь по пути в Золотую Орду. В иконописной мастерской Свято-Данилова монастыря была заказана икона святого, в Волгограде ее погрузили в вертолет, чтобы икона на нем

облетела («освятила») город. На главной площади Волгограда по инициативе Р.Т. Херианова поставлен памятник Александру Невскому (см. фото 3).

Его постамент стал центром специально организованного перекрестка с круговым движением (первого в Волгограде), по случаю чего памятнику попытались присвоить прозвище «регулировщик», но оно не вошло в обиход горожан, как и шутки, связанные с соотношением одиночной мужской статуи и трех женских фигур на крыше расположенного на той же площади театра. Не имела успеха и запущенная пиар-командой врио мэра мысль о портретном сходстве бронзового Александра Невского и реального Херианова.

Одобрив идею с круговым перекрестком, волгоградцы перестали замечать фигуру в центре круга. Видимо, сказался и градостроительный просчет: несмотря на высокий постамент, скульптура все же мала для такой площади и не работает как доминанта. Но при этом ее постамент слишком высок для того, чтобы скульптура могла стать домашней и уютной, а подойти к ней чрезвычайно сложно. Пространство вокруг себя она организует именно как центр кругового движения, не располагая к эмоциональному восприятию. Привязка Александра Невского как исторической фигуры к Волгограду не отработана ни в краеведческом, ни в мифологическом плане.

В 2007 году Р.Т. Херианов проиграл выборы молодому коммунисту Р.Г. Гребенникову, который вскоре перешел в другую партию – «Единая Россия». Несмотря на то что пост главы администрации города Р.Г. Гребенников получил в результате выборов, легитимность и этой фигуры была небезупречной. Во-первых, слишком явно совпадение сроков проведения выборов и освобождения Е.П. Ищенко, судебный процесс над которым резко закончился спустя несколько дней после выборов. Во-вторых, выборы мэра состоялись при низкой явке, за нового мэра проголосовало около 10 % имеющих право голоса горожан. В-третьих, избиратели голосовали за коммуниста, который покинул партию почти сразу же после выборов, то есть по собственной воле передал ресурсы одной политической силы другой. Р.Г. Гребенников

подкреплял свою легитимность большим количеством символических жестов. Установка памятников при нем была поставлена на конвейер.

Наиболее значимыми из его проектов являются три. Два из них реализованы в привязке ко Дню народного единства 4 ноября. В 2009 году в этот день открыт памятник воеводе Григорию Засекину (см. фото 4), считающемуся основателем сразу трех волжских городов – Царицына, Самары, Саратова. Памятник в Волгограде – единственный. Бронзовый Засекин установлен в спешке: после его установки прокуратура подавала протесты по поводу того, что земельный участок под ним не оформлен надлежащим образом. Несмотря на богатый бэкграунд фигуры, инициировавшая проект администрация города не приложила никаких усилий для актуализации этого колоритного персонажа. Скульптура для горожан возникла из ниоткуда как материальный объект и закономерно ушла в никуда как объект коммеморации. Никаких традиций вокруг него не создано, сами собой они не сложились. Очевидно, и здесь сказалась окружающая среда: постамент конной скульптуры слишком высок для того тесного места, где его установили, взгляд горожанина на такую высоту не поднимается.

Отметим, что в других волжских регионах образ Засекина с точки зрения привязки к региональной мифологии отработан лучше. Так, в серии «Лидеры Самарского края» издана книга «Князь Григорий Засекин». Там же обсуждают возможность реконструкции исторической крепости. В Волгограде краеведов к обсуждению не привлекали, а у них есть свой взгляд: строили Царицын другие люди, Засекин лишь осуществлял военное прикрытие, а потому основателем считаться не может.

Интересны и претензии к самой скульптуре: воевода изображен без головного убора, «расхристаный», что противоречит исторической правде. При этом отмечается, что именно такой образ соответствует царицынско-волгоградской вольнице, а одна из местных газет даже привлекла медиума, чтобы сообщить: Засекин был романтиком.

Выше уже упоминался спектакль, сыгранный на главной площади Волгограда в 2005 году: под руководством директора продюсерского центра «На Княгининской» А.Э. Серова написана пьеса, он же режиссировал постановку, где Г. Засекин был героем одной из новелл. Новелла отыгрывала версию происхождения названия города: не туземный топоним Сары-Су лег в основу, а история любви воеводы Засекина к жене Федора Иоанновича – царице Ирине, в чью честь воевода и назвал город. Вторая попытка актуализировать образ Засекина была предпринята А.Э. Серовым уже в статусе руководителя муниципального Молодежного театра: в одном из городских карнавалов, режиссированных Серовым, в числе других исторических персонажей (Александр Невский в паре с ханом Берке, Федор Иоаннович с супругой и др.) был и воевода Засекин, чью роль исполнил председатель областной думы В.В. Лихачев. Но усилия А.Э. Серова так и остались усилиями энтузиаста, городской властью ни поддержаны, ни использованы они не были.

Второй из крупных проектов Р.Г. Гребенникова реализован к 4 ноября 2010 года. На набережной Волгограда установлена скульптурная группа «Казачья слава»: казак на коне, рядом женщина с трагическим лицом, в ее руках икона (см. фото 5). Образ не вызывает сомнений: женщина провожает мужа в очередной поход. Целевая аудитория «Казачьей славы» приняла ее с огромным воодушевлением, однако у значительной части горожан мессидж вызвал отторжение: может, хватит уже казаку воевать, может, пора хозяйством заняться?.. Агрессивно-трагический посыл «Казачьей славы» очевидным образом не совпал с общественными настроениями: общество устало воевать, а ему снова предлагается культивировать образ военнообязанного патриота.

Третий проект по замыслу был адресован всем горожанам, однако методы его реализации привели к полной противоположности. Исходно благая цель – всенародный сбор средств на памятник учителю – скомпрометирована административным ресурсом: «благотворительные билеты» принудительно распространены среди учителей, что вызвало однозначную и совершенно естественную реакцию и самих учителей, и горожан в целом. Соответственный и результат: местом встречи, например выпускников, эта скульптур-

ная группа (неплохая по замыслу и исполнению) может стать только спустя годы, когда административная практика забудется.

Логично завершить эту историю указанием на то, что в феврале 2011 года Р.Г. Гребенников отстранен от должности.

В течение последних лет в Волгограде появилось множество памятников реальным людям: партизанке Космодемьянской, поэтессе Агашиной (см. фото 6), казаку Недорубову и др. Самый неожиданный из всех – памятник Грибоедову, установленный армянской общиной. Несмотря на путаные объяснения, что это памятник дипломату, наладившему отношения Российской империи со странами Персидского залива, а это каким-то образом влияет на Россию и Армению, на постаменте написано «Горе от ума». Как и многие установленные без взаимодействия с обществом объекты, этот остается тайной для горожан. Его, как и памятники Пушкину (см. фото 7) и Петру I, находящиеся в самом центре города, сумеет найти далеко не всякий горожанин. А вот против установки в городе «большой тройки» (Сталин, Рузвельт, Черчилль) работы известного монументалиста З.К. Церетели горожане резко воспротивились. В качестве компромисса согласились принять гипсовую модель как экспонат музея-панорамы «Сталинградская битва». Но и ей не повезло: в дороге модель разбилась, и ее пришлось долго реставрировать.

Особый интерес волгоградцы проявили к животным: свинья у ресторана украинской кухни, гиппопотам у развлекательного центра (кстати, это, наверное, самая маленькая из скульптур З.К. Церетели), кот и кошка у ресторана быстрого питания, сова на территории лицея. Показательна история с памятником собаке – подрывнику танков. Такую специально обученную собаку дивизии НКВД активно использовали во время Сталинградской битвы (см. фото 8).

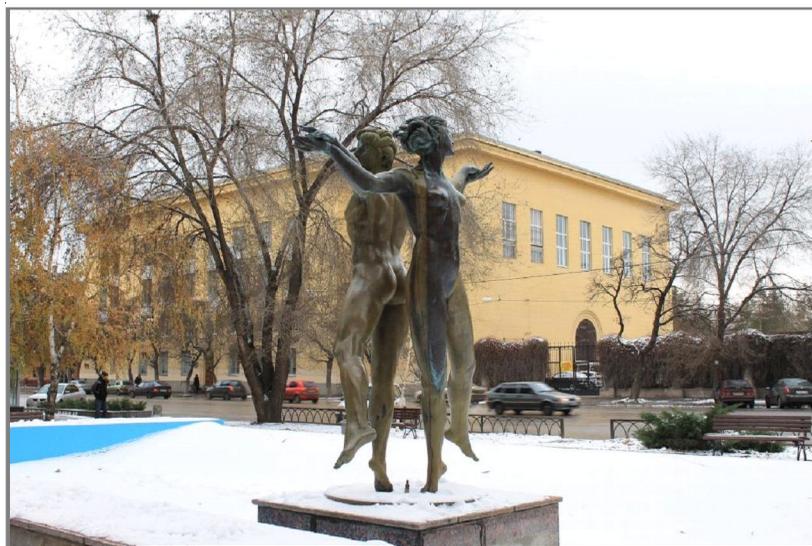
Изначально идея принадлежала милиции, однако администрация города не позволила руководству ГУВД РФ найти для уже отлитой собаки места в городе. Зато место нашлось для управления ФСБ РФ – их собаку, точно такую же, поставили рядом с памятником чекистам на одноименной площади. Мили-

ция же свою собаку установила на закрытой территории – возле одорологического центра. На постаменте «публичной» собаки не написано ничего интересного, а вот у милицейской мессидж весьма грамотный: «Рожденным для жизни, обученным для службы, преданным до конца». Для руководства Главного управления МВД по Волгоградской области это воспитательная акция, ориентированная на собственный персонал, хотя при установке скульптуры вне территории МВД этот эмоциональный мессидж мог сработать на репутацию правоохранительных органов в целом лучше, чем нейтральная надпись на постаменте у памятника чекистам.

Беглый обзор попыток стимулировать осознание городом самого себя с помощью изобразительного искусства подтверждает в общем-то банальную мысль: без взаимодействия с обществом культурно-символические ресурсы для власти – бесполезный инструмент. Не более оригинален и второй вывод: навязать это осознание нельзя, взрастить – можно. Однако здесь мы явно наблюдаем заметный разрыв в научном осмыслении проблемы и практики ее решения и реальной практики. Как уже сказано в преамбуле, слишком многое не осознается, а то, что осознается, не артикулируется. Лучшими образцами подобной практики мы обязаны интуиции, даже эмпатии авторов проектов, тогда как накопленный опыт уже позволяет говорить о методиках работы с культурно-символическими ресурсами, вплоть до рекомендаций по статьям сметы. При определенных масштабах проекта расходы на формирование коммеморативных практик должны закладываться в смету, и уж точно в обязательном порядке это формирование должно присутствовать в планах работы. Публичная трансляция способов формирования коммеморативных практик поможет обществу и власти, наконец, понять себя и друг друга.

1. Ангел-хранитель Волгограда. 2005

2. Фонтан любви. 2005

3. Памятник Александру Невскому. 2007

4. Памятник основателю Царицына Григорию Заскину. 2009

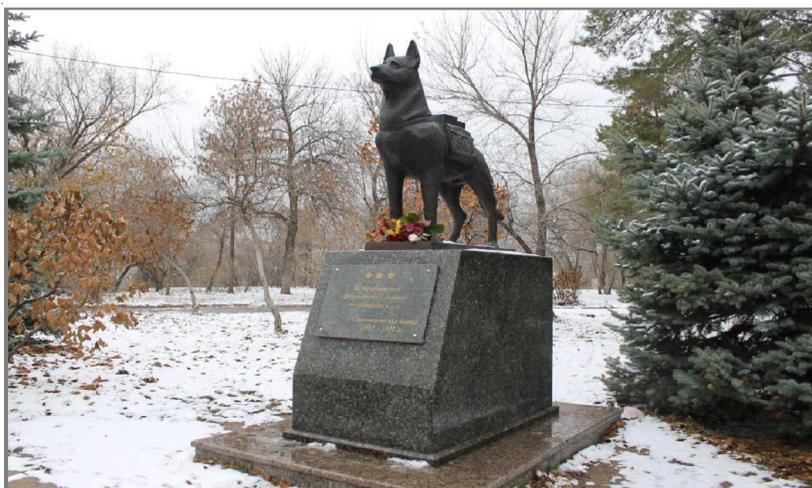
5. Скульптурная группа «Казачья слава». 2010

6. Памятник Маргарите Агашиной. 2004

7. Памятник А.С. Пушкину. 1999

8. Памятник собаке-подрывнику. 2011

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Процессы глобализации, которые затрагивают все сферы человеческого существования, в сочетании с экономическими, технологическими, политическими факторами обостряют дискуссии о социальной ценности и сохранении разнообразия архитектурных объектов и градостроительных комплексов. Очевидно, что в прямой зависимости от понимания этого вопроса находятся взгляды на то, что собой представляет архитектурный памятник, что считать ценным, а что незначительным в уже сложившейся архитектурной среде, в чем социальная значимость того или иного архитектурного объекта. Активные преобразования городской среды, которые мы наблюдаем повсеместно, связаны с социально-экономическими процессами современной России. Вопрос о том, что необходимо оставить, а что может быть подвергнуто модернизации или уничтожению, – один из основных вопросов не только современной градостроительной практики, но и общества в целом.

Архитектурные объекты всегда являлись социально значимыми доминантами, фиксирующими базовые ценностные ориентиры общества, и общество всегда выступало и заказчиком, и потребителем архитектурных объектов (не единственным, но определяющим). Городское пространство и архитектурные объекты, часть из которых впоследствии становятся памятниками, таким образом, всегда было зависимо от социального заказа.

Основная проблема сохранения культурно-исторического наследия заключается в попытках каждой идеологической и культурной системы отфильтровать уже отжившие, по их мнению, памятники. Так, взрывались православные храмы, а теперь пытаются уничтожить созданные на их месте памятники социалистической эпохи. Можно предположить, что мы черпаем из прошлого то, что актуально именно для нашего времени, и поэтому не

случаен интерес к определенным памятникам и градостроительным ансамблям.

Можно сказать, что архитектурные памятники являются отражением общественных настроений, и именно через них фиксируются изменения ценностных ориентаций общества. Так, всемирно известный мемориальный архитектурный ансамбль «Мамаев Курган», являющийся символом победы в Великой Отечественной войне, в настоящий момент находится в аварийном состоянии и требует дорогостоящих ремонтно-реставрационных работ. Но более значимым посчитали не реставрацию уже существующего памятника целой эпохи, а строительство на территории ансамбля храма Всех Святых.

Данный пример, на наш взгляд, демонстрирует смещение акцентов в пользу христианских ценностей как более востребованных в настоящий момент. Существует разное отношение к самому событию. Так, одни полагают, что внедрение чужеродного элемента в атеистический по своей сути ансамбль изменяет идеологический смысл данного памятника и в конечном итоге ведет к уничтожению первоначально заложенного смысла и разрушению авторского архитектурного замысла. То есть, по сути, мы имеем уже новый мемориальный ансамбль с вновь созданным архитектурным элементом. Другие, наоборот, видят в строительстве храма тот элемент, который сделал мемориал частью духовно-нравственного православного поминаения.

Какую же роль играет памятник в формировании социального пространства города? На наш взгляд, он обеспечивает непрерывность в трансляции эмоционально-значимой информации ранее предшествующей знаковой системы, кодируя данную информацию в пространственных артефактах. Памятник выступает основой «духовной оседлости» и избавляет (или помогает избежать) от «духовной невесомости». По словам Д.С. Лихачева, «духовная невесомость» без «культурных спасательных кругов» может разрушить духовную жизнь человека и общества¹.

¹ Лихачев Д. С. Предисловие // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М. : Искусство, 1981. С. 9.

Именно архитектурные памятники определяют эстетическую структуру среды и обеспечивают необходимый уровень психологической комфортности, а также являются хорошо узнаваемыми визуальными символами той или иной эпохи. Не случайно каждый правитель, вне зависимости от государственного устройства, стремится именно в архитектуре увековечить свое правление. Примером тому является город Волгоград, ранее Сталинград, в котором градостроительные эксперименты и создание архитектурных ансамблей обусловлены происходящими в стране социальными процессами. Так, в газете «Борьба» уже летом 1929 года провозглашалось: «Сталинград через известное время должен стать образцовым, подлинно социалистическим городом, таким городом, о которых лишь много писалось и говорилось, но которых у нас еще нет. Настал момент реализовать проекты городов будущего»².

Следует отметить влияние архитектурных памятников на формирование ценностных установок индивида. Человек пытается осознать свое присутствие и значимость в мире для себя самого, и происходит это через пространственно-временные ориентиры, памятники. В данном контексте следует отметить, что архитектурные памятники представляют собой «память места», которая имеет свою историю, легенды, устные истории жителей, – то, что мы называем городской мифологией. К сожалению, в данном аспекте архитектурные памятники до настоящего времени в широких масштабах не рассматривались, тогда как помимо национальной идентичности для человека важно осознание своей принадлежности к территориальной общности – то, что обозначается понятием территориальной идентичности³.

² Превратим Сталинград в образцовый, подлинно социалистический город: (Из речи наркомвнутдела тов. Толмачева на объединенном пленуме горсовета и окрисполкома) // Борьба. 1929. 21 июля.

³ Шмагко Н. А., Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94.

В настоящее время в стране идет активный процесс формирования позитивных имиджей и брендов отдельных российских регионов и городов⁴. Роль памятников архитектуры в их формировании не всегда учитывается, тогда как для любого социального субъекта, будь то индивид или территориальная общность, улица, дом, двор, архитектурный памятник – всегда эмоционально значимы. Но в практике нашей государственной системы реальную ценность архитектурного памятника определяет его пользователь: одни объекты могут реставрироваться и быть общеизвестными (разрекламированными), другие – разрушаться независимо от общепризнанной культурной ценности, и само место комплекса в иерархии культурного пространства территории устанавливается локальной практикой управления.

Таким образом, процесс «включения» памятника в социальную среду города зависит от множества факторов: его местонахождения, социальной значимости, соотношения с системой ценностных ориентиров, установок, сложившихся у населения, актуализацией в данных социальных условиях.

Архитектурное творчество структурирует пространство через придание ему определенных значений в рамках существующей социально-мифологической картины мира. Являясь «отпечатком эпохи», в отличие от других видов памятников, архитектурные в большей степени сохранены в первоизданном виде и не искажены интерпретациями. Важным условием сохранения архитектурных памятников является их эстетическая составляющая, поскольку именно она в меньшей степени подвержена сиюминутным оценкам, что, в свою очередь, позволяет произведениям искусства быть своеобразными «проводниками» социально значимой информации на протяжении долгого времени.

Архитектурные объекты создаются как эстетические сообщения, обладающие высокой информативностью. По мнению

⁴ См.: Шматко Н. А., Качанов Ю. Л. Указ. соч. ; Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Кн. 1 : Образы российских республик в Интернете. М., 2009.

У. Эко, «“эстетическая информация” есть не что иное, как ряд возможных интерпретаций, не улавливаемых никакой теорией коммуникации»⁵. А по словам А. Моля, «эстетическое – это плодотворная неоднозначность, которая привлекает мое внимание, побуждает к усилению интерпретации, помогая подобрать ключ к пониманию, обнаружить в этом кажущемся беспорядке порядок, более сложный и совершенный»⁶.

Как считает У. Эко, каждый коммуникативный акт перенасыщен социально и исторически различными смыслами, которые по мере необходимости вычлняются из объекта воспринимающим субъектом. Особенность эстетической информации заключается в том, что эстетическая сущность художественного произведения по объему внутреннего содержания, как правило, превышает пропускную способность человеческого восприятия. В архитектурном памятнике заложено больше смыслов, чем субъект восприятия может воспринять, но для субъекта значимы только те объекты, которые социально востребованы на данном этапе его развития. Как нам представляется, существует взаимосвязь между эстетической сущностью архитектурного памятника, механизмами воздействия данного памятника на воспринимающего субъекта и формами его социального существования.

Таким образом, архитектурные памятники, как и любые другие, не нейтральны, они несут в себе смыслы, которые воспринимаются той или иной эпохой как более или менее ценностно-значимые, и трактовка их меняется под воздействием социокультурных изменений. В более позднем обществе данный объект может интерпретироваться иначе, причем таких информационных напластований, в которых преломляются уже реалии другой исторической эпохи, может быть несколько.

⁵ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2004. С. 108.

⁶ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 54.

МНЕМОНИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА

Идея о связи права и памяти наиболее отчетливо выражена у Ф. Ницше. Говоря о власти и господстве как основаниях права, он прежде всего настаивает на том, чтобы различать цели правовых институтов и причины их появления. По Ницше, социальная полезность права вовсе не является движущей силой его возникновения; право и закон всегда являются лишь симптомами того, что воля к власти одержала верх над чем-то менее могущественным, а все полезные социальные эффекты носят характер вторичных следствий этого акта властвования¹.

Что касается полезности права, то этого вопроса Ницше касается в двух сочинениях – «К генеалогии морали» и «Антихрист». В первом из них, говоря о природе наказаний, философ высказывает догадку, что суровость законов вызвана борьбой с забывчивостью: жестокость архаичного права призвана при помощи травматических образов закрепить в человеческой памяти важнейшие условия совместного существования².

В «Антихристе» Ницше подтверждает эту мысль в связи с Законами Ману, которые он рассматривает как образец «хорошей книги законов»: они не создают ничего нового (вывод, близкий к марксизму), но лишь резюмируют опыт прошлого. Законы выступают средством, которое позволяет свести воедино и увековечить как положительный, так и отрицательный опыт и тем самым положить конец дальнейшему экспериментированию, заменив его откровением и традицией³.

В обоих рассуждениях Ницше верен одной основной идее: главная функция права и закона заключается в том, чтобы хра-

¹ См.: Ницше Ф. К генеалогии морали // Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 455.

² См.: Там же. С. 442.

³ См.: Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Соч. Т. 2. С. 684.

нить и передавать информацию, необходимую для выживания; иначе говоря, основной ценностью для права является *память*.

Объединение людей в устойчивое сообщество требует надежных механизмов, которые действовали бы с достаточно высокой степенью автономии, без опоры на индивидуальное целеполагание, которое не обладает необходимой долговечностью, подвержено колебаниям и не может удерживать в стабильном состоянии многочисленные коллективы. Индивидуальная воля должна автоматически подчиняться некоторому фактору, который по отношению к ней является объективным, в противном случае единство и мир станут недостижимыми. Наиболее распространенным вариантом решения этой проблемы является фетишизм, который отнюдь не сводится к архаичным формам верования, а представляет собой универсальный способ социальной организации.

Социальные связи и коммуникации, которые образуют живую плоть любого человеческого сообщества, в основном являются сложными, невидимыми и неосязаемыми, а потому недостаточно устойчивыми. Фетиш – это особый предмет, который обозначает собой систему социальных отношений, репрезентирует их, то есть делает наглядными для всех членов данного сообщества. В некотором смысле фетиш даже отождествляется с этими отношениями, которые благодаря ему уже не воспринимаются как нечто разрозненное, эфемерное, а обретают конкретную форму и очертания.

В родовой культуре члены общества объединены прежде всего наличием общего предка, поэтому фетишем становится то, что напоминает об этом предке (культурном герое) и в силу подобия замещает его, так что он фактически участвует в жизни рода на всем ее протяжении и своим присутствием поддерживает социальное единство. Вокруг фетиша (тотемного животного, столба и т. п.) выстраивается ритуально-мифологический комплекс, подчиняющий себе все совместное существование людей.

В усложняющемся обществе возникают новые объединяющие механизмы, которые дополняют и подкрепляют друг друга; усиливающийся риск распада компенсируется множественностью

«страховочных узлов». Религия продолжает ритуально-мифологическую линию социальной интеграции, обогащая ее усложненным церемониалом, иерархией предметов поклонения, внешней атрибутикой, корпусом священных текстов и т. п. На определенном этапе истории фетишем социального устройства становится человеческая личность. Фигура монарха часто является воплощением социального порядка, мира, целостности государства, политического единства и народного согласия.

Появление и развитие письменности знаменует собой формирование новых способов интеграции. «Письмо и знание, письмо и управление, письмо и власть идут нераздельно рука об руку»⁴. Социально значимая информация, образующая каркас человеческого сообщества и гарантирующая его сохранение в качестве единого целого, существовала ранее в виде устной речи, ритуально-телесных практик или изображений. Письменность выступает в качестве нового носителя коллективной памяти, перекодированной в систему однотипных знаков и благодаря этому свободно передаваемой во времени и пространстве практически без ограничений и смысловых потерь.

Закон в самом широком смысле этого слова способен быть фетишем и выполнять в обществе интегрирующую функцию именно в силу своей формы, а не содержания. «К социальным фетишам можно отнести не только вещи, но и слова, например этнонимы (имя группы является надежным и весьма эффективным ее заместителем), а также «соционимы» (род, клан, племя, народ, нация, этнос, человечество)»⁵. В этом смысле уникальная интегративная способность закона, очевидно, определяется тем, что он в качестве фетиша сочетает в себе слово и вещь, идеальное и материальное, будь то скрижали с заповедями Моисея, свиток, книга с напечатанным текстом или экран компьютерного монитора. Интересно, что

⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 160.

⁵ Яворский Д. Р. Природа как символ единства: Становление натуралистической парадигмы социокультурного универсализма в западноевропейской философии. Волгоград, 2007. С. 15.

в некоторых случаях предметный носитель даже обладает самостоятельной силой и может обходиться без текста. Так, А.Я. Гуревич пишет: «Грамота служила символом. Поэтому она вообще могла не содержать текста, и такие *cartae sine litteris* нередко применялись. Государь, желавший добиться повиновения подданных или передать им свой приказ, мог послать им простой кусок пергамента или печать без грамоты – этого символа его власти было достаточно»⁶. Материализация идеи в звуке или даже действии является относительно эфемерной, недолговечной, требует постоянного повторения и подтверждения. Напротив, «буква закона» обладает одновременно и прочной вещественностью, и одухотворенностью, что позволяет ей стать символом коллективного единства и предметом своеобразного поклонения.

Послание прежде всего должно найти своего адресата и стать объектом его восприятия. Именно этой цели служит, в частности, практика официальной публикации законодательных и иных нормативных актов.

Поскольку право представляет собой регулятор, рассчитанный на долгосрочное действие, то принятие и одобрение нормативного требования, выразившееся в его однократном исполнении, является недостаточным. Необходимо, чтобы данное предписание закрепилось в сознании с высокой степенью устойчивости и воспроизводилось всякий раз, как наступают соответствующие условия.

Правовая информация фиксируется как в индивидуальной, так и в коллективной памяти. Под коллективной памятью можно понимать такое вместилище образов, благодаря которому люди переживают связь с символическим миром своей референтной группы⁷. Формой коллективной памяти является, в частности, выражение общезначимого социального опыта в письменном виде, что делает его достоянием максимально широкого круга людей. Память переходит из потен-

⁶ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 157.

⁷ См.: Макаров А. И. Феномен надиндивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград, 2009. С. 25.

циального в актуальное состояние в той мере, в какой соответствующий опыт является необходимым для выживания сообщества.

Для запоминания правовых императивов используются различные средства. Вероятно, именно этим обусловлено написание многих архаичных правовых текстов в стихотворной форме. Одним из действенных способов удержания текста в памяти выступает его механическое повторение⁸; в этом смысле наличие в законодательных текстах повторов, которые чаще всего расцениваются как изъясн законодательной техники, может рассматриваться как риторический прием, направленный на дополнительное закрепление данных норм в памяти.

Наконец, в определенной мере для запоминания правовых требований служат юридические санкции, прежде всего репрессивные. Именно на это обращал внимание Ф. Ницше, полагавший, что жестокие уголовные наказания имеют своей целью впечатывание в память важнейших социальных требований и запретов: «“Вжигать, дабы осталось в памяти: лишь то, что не перестает причинять боль, остается в памяти” – таков основной тезис наидревнейшей (к сожалению, и продолжительнейшей) психологии на земле... Чем хуже обстояло “с памятью” человечества, тем страшнее выглядели всегда его обычаи; суровость карающих законов, в частности, является масштабом того, сколько понадобилось усилий, чтобы одержать верх над забывчивостью и сохранить в памяти этих мимолетных рабов аффекта и вождения несколько примитивных требований социального сожительства»⁹. В этом смысле такое явление, как революционный террор, легализуемый новой властью в качестве элемента правовой политики, восполняет слабость нового правового порядка, который, в отличие от старого, еще не опирается на силу традиции и привычки, а потому нуждается в постоянном подкреплении насильственными методами.

⁸ См.: Панкратов А. Н., Панкратов В. Н. Психотехнология управления людьми. М., 2004. С. 17.

⁹ Ницше Ф. К генеалогии морали // Соч. Т. 2. С. 442.

Некоторая замкнутость, закрытость профессионального юридического сообщества является функционально необходимой в той же мере, как и наличие собственного языка. Этим в известной степени обеспечивается неприкосновенность хранимой юристами социальной памяти. Как отмечает крупнейший теоретик памяти М. Хальбвакс, «судейский корпус вынужден ставить всевозможные препоны между своими членами и теми группами, для которых они вершат правосудие, – чтобы противиться влияниям извне, страстям и предрассудкам истцов; поэтому одеяние судей, место, занимаемое ими в зале заседаний, и вся торжественная обстановка суда подчеркивают дистанцию, отделяющую их группу от всех прочих... Давление, оказываемое на судебскую группу другими группами, столь сильно, что приходится противопоставлять им особую традицию, которой должны проникнуться все члены этой группы»¹⁰. Эти положения справедливы для всего юридического сообщества в целом.

Основным препятствием к запоминанию правовой информации является излишне высокий темп создания, изменения и отмены нормативно-правовых актов, в результате чего динамика законотворчества превышает способности общества к обработке соответствующих данных, которые не успевают отложиться в стратегической памяти, не исключая и память профессионального юридического сообщества.

¹⁰ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 289.

**НАПИСАНИЕ ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ
И КОНСТРУИРОВАНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1920–1930-х ГОДАХ**

Первое десятилетие после установления советской власти в России является одним из наиболее противоречивых, сложных для научного изучения периодов отечественной истории. С одной стороны, в это время существенная часть населения страны пережила голод, начались гонения против церкви, представителей дореволюционной творческой и научной интеллигенции. С другой стороны, 1920-е годы стали периодом восстановления и начала модернизации экономики страны, небывалого расцвета общественной жизни. Государство стало оказывать активную организационную и финансовую поддержку тем общественным движениям и организациям, которые должны были сформировать «нового человека», члена нового социалистического общества: по ликвидации неграмотности, воинствующих безбожников, изучению производительных сил, краеведческим организациям и т. д.

Как очевидно, руководство коммунистической партии и советского правительства ясно осознавало необходимость формирования исторической идентичности нового советского народа. Сложность ситуации заключалась в том, что традиционные основания для формирования исторической идентичности, например национальная или конфессиональная история, не могли быть использованы в новом социалистическом государстве, бывшем многонациональным и атеистическим. Способствовать формированию единого исторического сознания нового советского народа и легитимации правящего режима должна была деятельность Комиссии по истории Октябрьской революции и Рабочей коммунистической партии, начавшая свою работу уже в августе 1920 года. Во всех губернских центрах были открыты региональные бюро

истпарта, которые, в свою очередь, имели подразделения во всех крупных населенных пунктах страны.

Не менее важное значение для формирования исторической идентичности советского народа имела кампания по изучению истории промышленных предприятий, которая велась в масштабах всей советской России во второй половине 1920–1930-х годов. Данная кампания практически оказалась вне поля зрения современных историков, хотя ее изучение позволяет более полно осмыслить социальную и культурную политику советского правительства, понять те процессы, которые определяли развитие российского общества в первые годы после установления советской власти в стране.

Идея об актуальности и необходимости проведения подобных кампаний зародилась и была обоснована в рамках краеведческого движения, активно развивавшегося в РСФСР на протяжении 1920-х годов. История краеведческого движения в советской России также берет начало с 1920–1921 годов. Начиная с этого времени при поддержке центральных и местных властей в российских провинциях стали создаваться общества краеведения, задачей которых было проведение изучения своих регионов в историческом, культурном, естественнонаучном отношении и вовлечение максимально широких слоев населения в эту деятельность. Для руководства набиравшим силу краеведческим движением было создано Центральное бюро краеведения, в 1921–1924 годах являвшееся структурным подразделением Академии наук, а позже переданное в непосредственное подчинение Наркомату просвещения. Центральное бюро краеведения выпускало журналы «Известия ЦБК» и «Краеведение», проводило всероссийские краеведческие конференции и совещания.

В апреле 1925 года в Научно-исследовательском институте изучения и пропаганды естественнонаучных основ материализма им. К.А. Тимирязева было проведено совещание по краеведению, на котором, на наш взгляд, впервые была высказана идея о необходимости изучения отдельных промышленных предприятий. Профессор В.П. Налимов в докладе «К изучению фабрики» отметил актуальность всестороннего изучения завода как феноме-

на экономической, социальной, культурной жизни советской России. Исследователь отмечал: «Художники слова “открыли деревню”, ее положительные стороны... Этнография раскрыла художественное творчество деревни, с ее песнями (былинами), орнаментами, художественной работой»¹. Фабрика же, по его мнению, в середине 1920-х годов оставалась практически не изученной. В художественной литературе, в научных социологических, антропологических работах высказывалось отрицательное отношение к заводу: «Фабрика, надломляя силы рабочих, делает их инвалидами и бросает на попечение деревни... Фабрика с ее изнурительным, однообразным трудом истощает человеческий организм, ухудшает антропологический тип, содействует измельчению рода»². Как считал В.П. Налимов, с помощью краеведов необходимо было провести «учет положительных элементов фабрики»³. Для этого ученый предлагал провести антропологическое и «антропозоологическое» исследование по следующей схеме: выяснить, какой элемент населения приходил из деревни на фабрику; определить, какая часть рабочих возвращалась обратно в сельскую местность и почему; изучить, как влиял фабричный труд и вся обстановка фабрики на рабочего⁴.

В ноябрьском номере «Известий Центрального бюро краеведения» за 1928 год была опубликована статья Я. Улицкого, в которой развивалась мысль В.П. Налимова, предлагался способ конкретного воплощения ее в жизнь. Я. Улицкий отмечал, что «при чрезвычайном богатстве экономических исследований, посвященных народно-хозяйственным проблемам в целом, общим вопросам промышленности или отдельным ее отраслям», в отечественной научной литературе практически отсутствовали сочинения, посвященные «атомам народного хозяйства» – отдельным фабрикам и заводам⁵. По его мнению, для устранения этого пробела

¹ Архив РАН. Ф. 356. Оп. 1. Д. 51. Л. 48.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Улицкий Я. Монографическое описание фабрик и заводов // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 9. С. 7–8.

Центральному бюро краеведения необходимо было выработать программные инструкции, провести пробные обследования ряда предприятий, а после, опираясь на местные краеведческие общества, организовать работу по составлению рабочими монографических описаний своих фабрик и заводов.

В августе 1929 года Центральное бюро краеведения совместно с ВСНХ обратилось ко всем краеведческим организациям, общегосударственным и местным синдикатам и трестам с предложением принять участие в изучении промышленных предприятий страны. Особое внимание необходимо было обращать на анализ переживаемых фабриками и заводами процессов экономической и технической реконструкции, а также на изучение изменений, происходивших среди рабочего класса⁶.

В 1930 году обращение председателей ВСНХ и ЦБК с призывом всем краеведческим организациям более активно участвовать в проведении кампании по монографическому описанию промышленных предприятий РСФСР прозвучало уже со страниц все-русского официального краеведческого периодического издания. Краеведов из регионов страны приглашали принять участие в конкурсе на лучшее монографическое описание фабрики или завода. Рукописи сочинений, посвященных истории отдельных предприятий, краеведам предлагалось присылать для рецензирования в промышленную секцию Центрального бюро краеведения. Авторы лучших из присланных работ должны были получить денежные премии, а их рукописи планировалось опубликовать⁷.

В 1930–1931 годах произошли существенные изменения в советском краеведческом движении. После нескольких лет политических интриг и скрытой от глаз общественности борьбы московские партийные работники во главе с П.Г. Смидовичем оттеснили от руководства ЦБК ленинградских ученых, академиков во

⁶ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 45. Л. 3 об.

⁷ Всем объединениям, трестам и синдикатам, республиканским, областным и местным Советам народного хозяйства и всем краеведческим организациям : (Обращение председателя ВСНХ и председателя Центрального бюро краеведения) // Советское краеведение. 1930. № 1–2. С. 95–97.

главе с С.Ф. Ольденбургом. Начался период борьбы за идейную чистоту советского краеведения. На старых краеведов обрушилась критика за их «аристократизм», «академизм», оторванность от масс и т. д. Основной целью краеведческого движения провозглашалось содействие советским учреждениям в социалистическом строительстве. Краеведам предписывалось сосредоточиться на изучении тех тем, разработка которых способствовала бы более успешной реализации существовавших пятилетних планов развития народного хозяйства. В начале 1930-х годов им необходимо было обратиться к исследованию проблематики, связанной с реконструкцией и рационализацией промышленности, развертыванием городского строительства, коллективизацией деревни, механизацией сельскохозяйственного производства⁸.

Изучение региональной промышленности осталось одной из приоритетных тем для краеведов. По мнению руководителей ЦБК, разработка этой тематики должна была вестись в следующих направлениях: монографическое изучение отдельных фабрик и заводов и нового промышленного строительства; исследование районных промышленных комплексов; изучение производительных сил и промышленных ресурсов края и обследование отдельных гнезд кустарной промышленности⁹. Существенный вклад в изучение промышленности регионов России должны были внести члены первичных краеведческих ячеек – рабочие из фабричных и заводских кружков краеведения.

В начале 1930-х годов на роль научного и методического центра движения по изучению истории фабрик и заводов стала претендовать Коммунистическая академия. Постановлением Президиума академии 21 января 1930 года в ее составе была организована Комиссия по монографическому изучению промышленных предприятий. Целями работы комиссии были: разработка вопросов монографического изучения, экспериментальное изучение

⁸ Смидович П. Г. Роль краеведения на путях социалистического строительства // IV Всерос. конф. по краеведению, 22–24 марта 1930 г. М., 1930. С. 15.

⁹ Улицкий Я. С. Задачи и пути краеведческой работы в области изучения промышленности // IV Всерос. конф. по краеведению. С. 23.

отдельных предприятий, содействие и непосредственное участие в работе по исследованию фабрично-заводских предприятий на местах, а также организация монографического изучения промышленных центров¹⁰.

Сотрудники ЦБК и Коммунистической академии предпринимали «инструкторские объезды» по Московской, Ленинградской областям, на Урал, в ходе которых проводили консультации, оказывали методическую помощь краеведам, работавшим над составлением монографических описаний¹¹.

За 1930–1931 годы в ЦБК подали заявки на участие в конкурсе описаний промышленных предприятий 126 краеведческих организаций и авторов-одиночек. Всего было прислано в промышленную секцию Центрального бюро краеведения 34 научно-исследовательские и научно-популярные работы. Монографические описания были составлены в основном «людьми умственного труда» – экономистами, преподавателями, музейными, архивными работниками; 5 из присланных работ были премированы и сданы в печать¹².

На предложение участвовать в конкурсе, помимо прочих краеведов, откликнулся директор Сталинградского губернского музея революции Н.А. Синеоков. В архиве Академии наук сохранилась рукопись его работы «К истории Сталинградского завода “Красный октябрь”». Краевед обратился в первую очередь к изучению истории завода в дореволюционный период времени: привел подробные сведения о строительстве предприятия в 1898–1900 годах, о его производственной деятельности в 1900–1910-х годах. Н.А. Синеоков также уделил внимание исследованию истории стачечного и забастовочного движения на заводе, оценил, какую роль сыграли рабочие предприятия в революционных событиях 1905–1907 годов. Отдельный раздел рукописи краевед посвятил описанию работы завода в годы Первой мировой и Гражданской войны. Представляют огромный интерес для современных историков

¹⁰ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 117.

¹¹ Лобанова Е. За изучение фабрик и заводов // Советское краеведение. 1932. № 5. С. 12.

¹² Там же. С. 12–13.

приведенные Н.А. Синеоковым сведения о повседневной жизни и быте царьцынских рабочих. Впечатляет список источников, которые использовал краевед при написании работы: он ознакомился с материалами царьцынского жандармского управления, привлек данные из делопроизводственной документации, статистических отчетов, собрал воспоминания местных жителей и рабочих завода¹³.

По-видимому, сочинение Н.А. Синеокова было передано для изучения и составления отзыва одному из сотрудников Коммунистической академии. Несмотря на многочисленные просьбы автора вернуть рукопись после рецензирования¹⁴, она так и не была отправлена обратно в Сталинград. Для Н.А. Синеокова рукопись оказалась потеряна, но сохранилась для будущих поколений историков, тогда как практически все неопубликованные труды краеведов Нижнего Поволжья были утрачены в ходе репрессий 1936–1937 годов.

Деятельность ЦБК и Коммунистической академии по привлечению краеведов к исследованию промышленных предприятий стала подготовительным этапом к общегосударственной кампании по изучению истории фабрик и заводов, проводившейся под руководством А.М. Горького. Сам факт того, что Горький, общавшийся непосредственно с И.В. Сталиным, бывший одним из «символов» нового советского общества и культуры, стал принимать участие в организации кампании по изучению истории промышленных предприятий, свидетельствует об огромном значении, которое коммунистическая партия и советское правительство придавали этой работе.

В центральных газетах – «Правде» и «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК» – 7 сентября 1931 года была опубликована статья «История фабрик и заводов», в которой писатель обращал внимание советской общественности на актуальность изучения «истории борьбы и побед советского рабочего класса» и необходимость «написания

¹³ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 41.

¹⁴ Там же. Л. 115, 122, 128.

биографии заводов и фабрик»¹⁵. По мнению А.М. Горького, главную роль в реализации этой кампании должны были сыграть сами рабочие, то есть «творцы истории»¹⁶. ЦК ВКП (б) 10 октября 1931 года принял постановление об издании сборников «ИФЗ» и утвердил состав главной редакции издания. На местах были образованы республиканские, областные и заводские комиссии «ИФЗ». С 1932 года стали публиковаться методические бюллетени «История заводов».

Одна из комиссий «ИФЗ» была создана на Сталинградском тракторном заводе (СТЗ). В отличие от своих коллег, работавших в старых промышленных центрах России и изучавших предприятия, история которых иногда насчитывала несколько десятилетий, членам комиссии на СТЗ приходилось не проводить исторические исследования, а фиксировать факты истории создававшегося у них на глазах предприятия нового типа – промышленного социалистического гиганта, не имевшего аналогов в России. Коллективом, изучавшим историю Сталинградского тракторного завода, руководил писатель Я. Ильин. По замыслу редактора, порученную ему работу необходимо было провести в три этапа. Сначала планировалось создать точную документальную хронику, или «костяк истории». Затем хронику необходимо было дополнить материалами, почерпнутыми в ходе бесед с людьми, принимавшими участие в строительстве и запуске завода. Собственно к написанию истории предприятия Я. Ильин планировал перейти «лишь после накопления всего этого гигантского фактического и документального материала»¹⁷.

Второй этап работы по изучению истории завода – сбор воспоминаний участников строительства – завершился в 1933 году публикацией книги «Люди Сталинградского тракторного». Работникам комиссии, писавшей историю СТЗ, удалось создать уни-

¹⁵ А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов : Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М., 1959. С. 3.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 94.

кальный труд, имевший как художественное, так и научно-историческое значение. В книгу вошли воспоминания различных людей, принимавших участие в строительстве завода, – от первого директора В.И. Иванова до рядовых инженеров, разнорабочих, медицинских работников, сотрудников заводской газеты и т. д.¹⁸ В отличие от многих других работ, публиковавшихся издательством «Истории фабрик и заводов» в более позднее время, в книгу, написанную под руководством Я. Ильина, вошла практически неотредактированная цензурой информация о том, как закупалось оборудование для завода за рубежом, как сотрудничали на его строительстве американские и русские инженеры; без особенных прикрас показывался непрофессионализм, малообразованность и даже халатность советских рабочих.

В середине 1930-х годов начался процесс сворачивания кампании по изучению истории промышленных предприятий советской России. В 1935–1936 годах прошла волна репрессий против сотрудников Центрального бюро краеведения и краеведов в регионах страны, которой были затронуты многие исследователи, работавшие над изучением истории фабрик и заводов.

Деятельность комиссий «ИФЗ» продолжалась до смерти А.М. Горького в 1936 году. Всего под его руководством были подготовлены к печати и опубликованы более 30 научно-популярных работ, посвященных отдельным промышленным предприятиям СССР. Как отмечала Т.Д. Рюмина, «после смерти А.М. Горького создание ИФЗ было прекращено, большинство книг остались незавершенными, а мощный пласт собранного историко-краеведческого материала невостребованным»¹⁹.

Окончательный разгром советского краеведения и связанных с ним общественных и научных явлений, таких как движения по монографическому изучению промышленных предприятий, изучению истории фабрик и заводов и т. д., был осуществлен в 1936–

¹⁸ Люди Сталинградского тракторного / сост. Я. Ильин; отв. ред. Л. Мехлис. М., 1933.

¹⁹ Рюмина Т. Д. История краеведения Москвы. М., 1998. С. 142.

1937 годах. Было закрыто Центральное бюро краеведения и все региональные краеведческие общества и кружки. Практически все активисты-краеведы во всех регионах страны были репрессированы. Рукописи их работ, делопроизводственная документация краеведческих организаций были уничтожены.

С установлением тоталитарного строя в СССР были прекращены попытки сформировать новое общество, лояльное коммунистической партии и советскому правительству. Несмотря на то что работа по формированию исторической идентичности была достаточно результативной, во всех регионах страны существенная часть местного населения стала заниматься изучением истории коммунистической партии, революции и Гражданской войны, многие работники промышленных предприятий проявляли неподдельный интерес к истории своих фабрик и заводов, новое руководство государства приняло решение свернуть данную масштабную деятельность. В стране победившего социализма не только существование массовых общественных движений, но и вообще существование слабо подконтрольного государству общества создавало препятствия для манипуляции сознанием людей, а значит и для той репрессивной сталинской политики, которая проводилась в СССР во второй половине 1930-х годов. На смену политике по активизации творческой, научной деятельности широких масс населения в выгодных для государства и партии направлениях пришла образовательная, молодежная политика по насаждению, активному внедрению догматических положений, которые должны были реализовываться на практике, а не подвергаться сомнению.

ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ ¹

Специалисты по проблемам памяти говорят о маниакальной сосредоточенности современного общества (прежде всего европейского) на проблемах собственной исторической памяти и даже о «мемориальной мании», связанной с повышением ценности памяти в условиях размывания идентичности ².

Современные исследования проблем памяти позволяют говорить о том, что память и репрезентируемые ее образы прошлого определяют восприятие тем или иным социумом настоящего и проекцию будущего. При этом почти всегда выборка этих образов прошлого зависит от того, насколько они являются значимыми и в состоянии воздействовать на актуальную для данного общества или группы ситуацию.

Цель данной статьи – проанализировать роль памяти как основного фактора процесса казачьего возрождения на Юге России.

Активизация внимания в СССР к истории и культуре казачества началась в середине 1980-х годов, а в конце 1980-х в стране организуется движение, получившее название «возрождение казачества». Важной характеристикой этого процесса являлось повышенное внимание к истории казачества, его традиционной культуре и традиции как социокультурной норме. Такое поведение ча-

¹ Работа выполнена в рамках Проекта «Казачество Юга России в современных региональных общественно-политических процессах» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития Южного макрорегиона» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

² См.: Вельцер Х., Ленц К. Поколение дедов в Европе. Результаты сравнительного изучения механизмов культурной преемственности в европейских странах // Отечественные записки. 2008. № 44 (5). С. 6–22 ; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.

сти советских граждан с учетом исторического контекста конца XX века было вполне закономерным.

Распад советской системы одновременно означал и начало очередного этапа модернизации Российского государства и общества, а значит и трансформацию всех основных систем жизнедеятельности страны. В границах социокультурной системы это означало исчезновение или трансформацию прежних культурных моделей, отвечающих в том числе и за групповую и индивидуальную идентификацию и поиск новых культурных моделей, «призванных восстановить мир как целое»³. Несмотря на тоталитарность советской культурной модели в Советском Союзе, по мнению специалистов, в неразвернутом состоянии существовало множество культурных форм, ряд из них имели богатую многовековую традицию, но были подавлены и пребывали в латентном состоянии⁴. На наш взгляд, к таким латентным культурным формам можно отнести культуру казачества.

После окончания Гражданской войны на Юге России, несмотря на уничтожение казачьих войск как территориально-административных единиц, казачьи сообщества продолжали существовать как крупные и сплоченные анклавы населения. Потеря ими социального статуса, в значительной степени определявшего казачью идентичность, тем не менее, не привела к потере группового единства. Напротив, казачество, оказавшись в роли коллективного врага новой власти и в связи с этим социально униженной группой, продемонстрировало сплоченность, заставившую власть всерьез заняться вопросом вовлечения казаков в процессы социалистического строительства.

Поиск адаптационных форм со стороны власти и казаков способствовал на протяжении 1920–1930-х годов частичному сохранению элементов социокультурной системы, элементов традиционной культуры сообщества и его казачьей идентичности. Вместе с тем наблюдалось и постепенное вытеснение ка-

³ Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие : учеб. пособие. М. : Логос, 2000. С. 231.

⁴ Там же. С. 238.

зачей культуры культурой советской, а основные элементы социокультурной системы казаков либо уничтожались новой властью (такие, как военно-служилый статус казаков, система специфического самоуправления, общинное землепользование), либо прекращали свое существование в силу того, что их актуальность исчезала ⁵.

Таким образом, в 1920–1930-х годах в ходе быстро разворачивающейся модернизации в совокупности с предшествующей ей трагедией Гражданской войны и репрессий в отношении казачества создается ситуация перерыва в транслировании традиционной культуры казаков. Для сообщества невозможность сохранения прежних культурных форм во многом означала и размывание идентичности.

Вместе с тем казачья культура на протяжении всего советского периода в среде казачьего сообщества сохранялась на бытовом уровне, а также потомки казаков сохраняли память о своем казачьем происхождении. В совокупности с историко-этнографическими исследованиями это давало возможность воспроизведения казачьей культуры в реальности.

В конце 1980-х годов обращение к поиску идентичности у определенной части людей, относящих себя к потомкам казаков, способствовало мобилизации памяти, запуску механизма воспоминания. В отношении культуры казачества, формирования ее публичной репрезентации важным оказалось желание не забыть и не потерять прошлое. Сохранить, возродить и приумножить истори-

⁵ На протяжении 1920–1930-х гг. сохранялись казачьи кавалерийские формирования, комплектуемые преимущественно выходцами с казачьих территорий. Эти части, а также система территориально-милиционной службы были весьма популярны среди казаков Юга России. Исследователи отмечали, что казаки охотно шли служить туда, так как такая система службы ассоциировалась у них с прежней иррегулярной системой и позволяла сохранять некоторые культурные стереотипы поведения (военное воспитание молодежи, например). Казачьи кавалерийские формирования действовали и в период Великой Отечественной войны, однако к ее концу казачий контингент в них был минимален. После войны практика формирования казачьих кавалерийских частей в силу модернизации армии была прекращена.

ческие, патриотические и культурные традиции казаков – стало рефреном и первых кругов казачьих организаций, созыв которых начался в 1990 году, и деятельности военно-исторических клубов, занимавшихся реконструированием истории казачества, и различных культурных мероприятий и фольклорных праздников, связанных с казачьей тематикой.

Вслед за проведением с середины 1980-х годов большого фольклорного праздника «Шолоховская весна», собиравшего до 5 тыс. участников и до 150 тыс. гостей, начинают проводиться и такие театрализованные действия, как созывы в хуторах и станицах казачьих майданов – фольклорных праздников, главной целью которых провозглашается «возрождение культурно-исторических традиций Донского казачества»⁶. В ходе проведения этих фольклорных праздников участники пытались воспроизводить элементы традиционной культуры и исторического антуража. Например, выбирали атамана, накрывали столы с казачьим угощением, обязательным было исполнение фольклорных казачьих песен.

Обращение к памяти и истории стало важнейшей частью деятельности военно-исторических клубов и других общественных организаций. Так, в Донском военно-историческом клубе (ДВИК) много внимания уделяли военной исторической тематике (что было важно с учетом того, что казаков всегда определяли прежде всего как воинов и защитников Отечества): создали унифицированное подразделение – Донскую казачью дивизию, планировали в рамках театра «Донской казачьей традиции» проводить показательные выступления по владению холодным оружием, джигитовке, постановке обрядов⁷. Один из лидеров казачьего возрождения на Дону, председатель клуба И.В. Карасев, определяя цели движения, говорил: «Мы хотим, чтобы на Дону... были возвращены прежние названия станиц, улиц, чтобы были восста-

⁶ Озеров А. А., Киблицкий А. Г. История современного донского казачества. Исследования и документы : монография. Ростов-н/Д : ООО «Ростиздат», 2000. С. 42.

⁷ Озеров А. А. Политико-правовая институционализация современного казачества. Ростов-н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2006. С. 8–9.

новлены памятники нашей культуры, возвращены истории имена наших полководцев Платова, Бакланова...»⁸

Были казачьи организации, созданные с конкретными целями по восстановлению исторической памяти. К таковым можно отнести историко-культурный клуб «Думенковцы – Мироновцы», его члены занимались работой по реабилитации репрессированных известных казачьих исторических личностей периода Гражданской войны Б. Думенко и Ф. Миронова, «Платовский комитет», занимавшийся вопросом восстановления памятника М.И. Платову.

Тема сохранения памяти и традиции звучала и в письмах жителей Ростовской области, присылаемых в 1990 году в редакцию газеты «Молот» и в Оргкомитет Съезда казаков Дона: «...отрадно, что на Верхнедонецкие народные казачьи хоры становятся привычным явлением, что возрождаются народные промыслы...», «...поют бабушки, тетки и дядьки, мама с отцом... в нестройном пении моих родных трогает меня казачья песня, и веет ветер старины, и тоска по родной земле, и любовь к ней понятны мне и близки. Хочу, чтобы маленькая дочурка моя, не в пример своей маме, знала и умела петь эти грустные и задорные песни, гордилась тем, что в ее жилах течет казачья кровь...», «...сохранить надо рецепты приготовления донских блюд. Кто слышал, что такое “кулага”?», «...литературному товариществу “Шолоховский круг” надо резко улучшить свою деятельность. Идти к людям. Ведь многие не знают ни истории казачества, ни славных его (минувших) дел»⁹.

В Союзе казаков области Войска Донского (СКОВД), первой казачьей организации на Дону, было разработано специальное Положение о возрождении исторических обычаев и традиций Войска Донского, предусматривавшее изучение истории казачества, возрождение воинских традиций, боевого казачьего искусства, создание полковых музеев и пр.¹⁰

⁸ Озеров А. А. Политико-правовая институционализация современного казачества. С. 11.

⁹ Озеров А. А. Киблицкий А. Г. История современного донского казачества. С. 102, 103, 106, 108 и др.

¹⁰ Водолацкий В. П., Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Возрождение: первый круг казаков Дона. Ростов-н/Д : Дончак, 2006. С. 79.

В Уставе организации «Донецкий казачий круг» в качестве задач указывались: восстановление исторической справедливости в отношении донского казачества и его заслуг перед Отечеством, работа по сохранению исторических документов, памятников казачьей культуры, пропаганда многовековых традиций и обычаев, увековечение памяти выдающихся представителей донского казачества в названиях улиц и площадей, воссоздание разрушенных и создание новых памятников сынам Дона, в том числе жертвам исторической трагедии казачества¹¹. О восстановлении исторической правды о казачестве, возрождении исторических, культурных и духовных традиций казачества говорилось в Уставе «Союза казаков станицы Гниловской»¹².

Проблемами казачьей военной истории занимались в конце 1980-х годов будущие лидеры казачьего движения на Кубани, среди которых был и первый атаман Кубанского казачьего войска В.П. Громов. В Уставе Кубанской казачьей рады, созданной в 1990 году, в качестве задач будут фигурировать «восстановление исторической правды о казачестве, восстановление исторических названий станиц, городов, улиц, мест сохранения, восстановление... памятников материальной культуры кубанского казачества»¹³.

Организационное оформление казачьего движения в Астраханской области проходило под руководством сотрудников Астраханского краеведческого музея, специализировавшихся на истории астраханского казачества. Первое казачье общество в Астрахани – Казачье культурно-историческое общество. Впоследствии, после создания Астраханского союза казаков, в 1992 году была создана другая организация историко-культурной направленности «Казачий клуб», также ставившая себе в качестве приоритетных целей вос-

¹¹ Устав Донецкого казачьего округа // Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов. (История современного донского казачества) : Исследования и документы. Ростов н/Д : ООО «Ростиздат», 2002. С. 442.

¹² Устав Союза казаков станицы Гниловской // Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. С. 432.

¹³ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

становление и сохранение казачьей культуры, «культурную реабилитацию казачества», изучение истории астраханского казачества¹⁴.

Сохранившиеся воспоминания о своем казачьем происхождении, мобилизация исторической памяти, желание заявить о себе, вернуть себе место в истории – все это привело к формированию движения за возрождение казачества и на территории Калмыкии. О своих намерениях участники казачьего движения в Республике Калмыкия в начале 1990-х годов говорили следующим образом: «Противники возрождения казачества мотивируют свои доводы тем, что новое движение разъединит калмыцкий народ, способствует возникновению улусизма... Сторонники казачьего возрождения доказывают обратное. Они говорят: калмыки-казаки – это прежде всего калмыки, неотъемлемая часть калмыцкого народа. Один язык, одна история, одна культура. Просто казаки хотят возродить обычаи, традиции своих предков, в какой-то мере образ жизни, мышления, свой свободолюбивый дух, вернуться к истокам, чтобы черпать в них силу в это трудное время»¹⁵.

После того как в 1990–1991 годах движение за возрождение казачества обрело четкие организационные формы и возникли общероссийская и региональные казачьи организации, в программах казачьих организаций появились и более серьезные положения о восстановлении исторических элементов социокультурной системы казачества. К таковым относились традиционная казачья военная служба, традиционная система самоуправления, общинное землепользование. В казачьем движении проявилось стремление к «воссозданию своей среды обитания»¹⁶. Для процесса, определяемого его участниками как возрождение, это было логично, так как само понятие «возрождение» предусматривает восстановление того, что было когда-то утрачено.

¹⁴ Антропов О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М. : Вече, 2008. С. 319, 323.

¹⁵ Цеджинов С. Союз казаков: трудностям вопреки // Известия Калмыкии. 1992. 1 апр. (№ 59). С. 2.

¹⁶ Таболина Т. В. Казаки: драма возрождения, 1980–1990-е годы. М., 1999. С. 81.

Таким образом, для участников казачьего возрождения особую важность приобретает стремление воскресить прошлое в настоящем. В этом, на наш взгляд, в значительной степени и проявилась работа памяти. Воспоминания (которые часто имели вид приобретенных знаний, почерпнутых из книг различного жанра по истории и культуре казачества, выпуск которых начал набирать силу в начале 1990-х годов) современных казаков об особом казачьем мире, утраченном в советское время, порождали желание «воскресить прошлое, внести его в нынешний день... надставить недостающее будущее для прошлого»¹⁷. Надо отметить, что ретроспекция и сознательное конструирование традиции вообще были характерны для российского общества конца XX века. В стране появилось значительное число организаций, воспроизводящих специфические традиционные формы: дворянские собрания, купеческие гильдии, отраслевые союзы, напоминающие средневековые цехи и т. д.

Кроме того, работа памяти в ходе разворачивающегося казачьего возрождения способствовала сосредоточению внимания его участников на трагическом периоде истории казачества XX века. Это было не случайно. Для индивидов и групп, действующих в настоящем от имени прошлого, часто возникает необходимость санкционирования своих действий авторитетом прошлого. Интересы настоящего подкрепляются соответствующими фактами и сюжетами из истории, происходит, таким образом, сознательное конструирование этого прошлого, то есть выборка определенных сюжетов истории, наиболее актуальных в современной ситуации.

Желание участников казачьего возрождения восстановить прошлое в настоящем, возродить свою «среду обитания» требовало серьезного обоснования. Это способствовало актуализации двух исторических тем, из которых затем происходила выборка необходимых сюжетов: первая – репрессии в отношении казаков; вторая – служение Отечеству.

В документах всех казачьих обществ тема репрессий и связанная с ней тема восстановления справедливости играют ключе-

¹⁷ Дубин Б. Память, война, память о войне // Отечественные записки. 2008. № 43 (4). С. 9.

вую роль. В Декларации казачеств России, принятой Союзом казаков в 1990 году, по этому поводу говорится следующее: «Трагически сложилась судьба казаков в послереволюционные годы... Станичники сотнями и тысячами вырезались, расказачивались, выселялись за Урал, вынуждены были покидать Отечество. После Гражданской войны многие казачьи области декретами Совета народных комиссаров были незаконно оторваны от России и переданы в состав других республик и автономных образований... Истребление казаков и лишение народа своей исторической родины, начатые в 1918 году, продолжались в 30–40-е годы... Мы требуем отмены всех преступных актов, направленных против казачества»¹⁸. В качестве же реабилитационных мер, способствовавших возрождению казачества, среди прочих указываются: восстановление казачьего самоуправления, исторических традиций казачьего землевладения и землепользования, восстановление казачьих территорий как административно-территориальных единиц.

На первом учредительном съезде донского казачества в 1990 году принимается резолюция «О гражданской и политической реабилитации казачества», которая начиналась словами: «Немного найдется на земле народов и народностей, в отношении которых была применена тактика поголовного уничтожения. Но именно такова участь патриотического авангарда русского народа – донского казачества»¹⁹. Заканчивалась резолюция требованием гражданской и политической реабилитации казачества: «К этому призывает память безвинно убиенных, призывает и справедливость, долг перед прошлым и грядущим поколением казаков»²⁰.

С констатации факта репрессивной политики в отношении казачества, с перечисления всех потерь начинается документ, освещающий направления деятельности Кубанской казачьей рады, принятый на Всекубанском казачьем съезде в 1990 году: «Раска-

¹⁸ Декларация казачеств России // Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. С. 274–275, 276.

¹⁹ Водолацкий В. П., Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Возрождение: первый круг казаков Дона. С. 70–71.

²⁰ Там же.

зачивание, раскулачивание, волонтаристский передел исторических казачьих территорий, отмена демократического казачьего самоуправления, массовые переселения... лишили кубанских казаков этнической самобытности, связи с землей, историей, богатейшей культурой предков, экономически закрепостило их... поставило казачество на грань исчезновения...»²¹

Особым вниманием у участников казачьего возрождения пользовалось циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б), принятое 24 января 1919 года, в котором определялась политика большевиков по отношению к казачеству. Так, в Решении Большого Круга Союза казаков области Войска Донского отдельным положением было выделено обращение казаков к власти «с просьбой и настоятельным требованием публичного осуждения секретной директивы ЦК РКП (б) от 24.01.1919 г. и всех других документов об истреблении казачества, его депортации, и назвать поименно главных авторов расказачивания...»²². Таким образом, данное письмо рассматривалось как отправная точка репрессивной политики большевиков, а дата 24 января для казаков становится днем траура и поминовения жертв репрессий. С начала 1990 года и до сегодняшнего дня в казачьих средствах массовой информации, на казачьих сайтах накануне этой даты регулярно появляются призывы помнить произошедшую трагедию.

С темой репрессий и трагедий тесно связан также сюжет Гражданской войны и разделения сообщества на «красных» и «белых». Призывы о примирении и прекращении Гражданской войны внутри казачьего сообщества постоянно раздавались на казачьих форумах. В августе 1990 года в рамках празднования 420-летия ст-цы Старочеркасской был организован конный поход военно-исторических клубов, в нем приняли участие донские, кубанские, терские, амурские казаки. Участники похода остановились

²¹ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

²² Решение Большого Круга Союза казаков Области Войска Донского «О необходимости этнического, духовного и территориально-экономического самоопределения казачества и других казачеств России и республик СССР // Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. С. 391–392.

у здания библиотеки Ростовского госуниверситета, где располагался в 1918 году Штаб Добровольческой армии, склонили знамена и почтили минутой молчания всех погибших в Гражданской войне. По мнению А.А. Озерова, это стало демонстрацией акта гражданского согласия²³.

В 1991 году принимается закон о реабилитации репрессированных народов, согласно ему казачество было признано этнокультурной общностью, подвергшейся репрессиям, и, соответственно, получало право на реализацию тех реабилитационных мер, которые предусматривал закон.

В обращении к тематике репрессий и трагедии Гражданской войны, в резкой фокусировке исторической памяти потомков казаков на нанесенных сообществу обидах советской властью проявилось то, что исследователи называют «раненой памятью».

Не менее активно использовалась в казачьем возрождении и тема исторического служения казаков России. В уже упомянутой Декларации казачеств России указывается на особую роль казаков как защитников Российского государства и на то, что они вновь «готовы верой и правдой служить Отчизне»²⁴. Восстановление казачьих военных формирований в вооруженных силах и погранвойсках в Декларации рассматривается как реабилитационная мера.

Идея возрождения военной службы казаков как меры по оздоровлению армии и как фактора, который косвенно будет способствовать укреплению казачьей идентичности, озвучивалась постоянно. В резолюциях Учредительного круга казаков Дона говорилось о природных воинских качествах казаков («казак рождался воином») и о необходимости вернуть в армию казачьи военные традиции²⁵. В других документах казачьих организаций можно встретить такие положения: «...казачьи войска на протяжении веков демонстрировали беспримерное мужество, отвагу,

²³ Озеров А. А., Киблицкий А. Г. История современного донского казачества. С. 52.

²⁴ Декларация казачеств России. С. 274–275.

²⁵ Водолацкий В. П., Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Возрождение: первый круг казаков Дона. С. 67.

героизм, любовь к Отечеству... Единственная наша привилегия – служить Родине»²⁶, «...казаки... воспитанные на понятиях долга, чести и любви к отечеству, на протяжении всей своей истории самоотверженно защищали рубежи России, всегда служили образцом воинской доблести...»²⁷.

Атаман Кубанской казачьей рады В.П. Громов в письме вышшему командному составу Вооруженных сил СССР (1990) необходимость формирования казачьих военных частей обосновывает в том числе и тем, что «воинская служба для казаков всегда была почетной обязанностью, а защита Отечества – священным долгом», «только возрождение принципов традиционной службы казаков поможет избавиться армии от... негативных явлений»²⁸.

В итоге в основе казачьего возрождения оказалась модель памяти, основанная на оппозиции двух тезисов. С одной стороны, казаки – это репрессированный народ, в отношении которого должен быть восстановлен принцип справедливости, с другой – казаки – это верные слуги Отечества, его защитники и строители, роль которых в деле возрождения былого могущества страны очевидна («возродим казачество – возродим Россию»). Первый тезис позволял формировать образ жертвы, второй – политически актуальные мифы.

При все своем трагизме исторический образ жертвы в конце XX века становится необыкновенно привлекательным. Исследователи отмечают тенденцию не только к сакрализации холокоста, но и к тому, что народы оспаривают друг у друга «лавры наибольшей уязвленности»: «...память каждого народа кровоточит... Кто не сражался сейчас за то, чтобы навесить именно на себя ярлык из ярлыков, на котором начертано “Геноцид” с большой буквы – и который по прежнему сохраняет всю свою смысловую радиоактивность»²⁹. Ц. Тодоров в рамках исследования проблемы зло-

²⁶ Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. С. 396.

²⁷ Там же. С. 294.

²⁸ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 23. Лл. 8–9.

²⁹ Брюкнер П. Тирания покаяния: эссе о самобичевании Запада // Отечественные записки. 2008. № 44 (5). С. 60.

употребления памятью подчеркивает: «Положение жертвы дает вам право жаловаться, протестовать, требовать». П. Рикер обращает внимание на претензии современников на то, чтобы встать в положение жертвы, стать олицетворением жертвы, такое положение, по его мнению, может быть очень выгодным, так как дает чрезмерную привилегию, превращая всех других в должников³⁰.

Фокусирование памяти участников казачьего возрождения на репрессиях и жертвах также позволяет казакам, встав в положение народа-жертвы, предъявить свои претензии относительно компенсации нанесенного вреда. Пожелания относительно возвращения казакам всего, что было ими утрачено, начали высказываться сразу, как только движение более-менее оформилось организационно. После принятия Закона о реабилитации репрессированных народов, узаконивших статус жертвы в отношении казаков, пожелания превращаются в требования.

Так, в заявлении Малого совета атаманов Союза казаков в связи с принятием рядом республик деклараций о суверенитете требования казачества обосновываются не только сложной политической ситуацией, вытеснением казаков с территорий их традиционного проживания, но и заслугами их перед Отечеством, а также предпринятыми в отношении них репрессивными мерами: «...казаки всегда служили образцом воинской доблести, являли собой стеной хребет России, охраняя ее государственные границы...», «...казаков попытались стереть с лица земли, подвергнув их геноциду, а добрую память о защитниках Отечества развеять по ветру, обогнав казаков, лишив нас права называться народом...»³¹.

Показательными в плане манифестации образа народа-жертвы и формулировки претензий можно назвать положения одного из Протоколов схода казачьей организации Волгоградской области «Станицы Зацарицынской» 1994 года: «Государство обязано вернуть нам вначале вне зависимости от политической и экономи-

³⁰ Рикер П. Память, история, забвение : пер. с франц. М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. С. 127. (Французская философия XX века).

³¹ Заявление российского казачества // Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. С. 294–296.

ческой ситуации в стране все, что у нас было, что у нас отобрано: народоправство, общинное землевладение, землепользование, систему воинской службы... Никаких опросов общественного мнения не проводить о введении казачьего самоуправления... Власть должна быть – атаманское правление... Когда нас жгли, расстреливали, сгоняли в Сибирь и Среднюю Азию, когда у нас отбирали все подчистую, – нас не спрашивали, любо ли вам казаки... нам надо требовать самое главное: верните все то, что забрали у нас незаконно, разбойно. Хватит просить – надо требовать. Реабилитации, землю и др.»³²

Основные требования казаков касались возвращения им территорий традиционного проживания, признания их территориями исторического проживания казачества, донские казаки на основании положений Закона о реабилитации репрессированных народов требовали также восстановить национально-государственное образование – Донскую Республику в составе РСФСР. Далее требования казаков касались воссоздания специфической формы управления в виде атаманской власти и кругов, казачьего общинного землепользования и, наконец, возобновления практики казачьей службы.

Под все эти требования подводилась историческая аргументация. Главным доказательством необходимости воссоздания того или иного элемента или института социокультурной системы являлось его существование в прошлом, его традиционность, а также то, что институт был незаконно уничтожен.

В обращении IV Большого круга общественной организации «Хоперский казачий округ» относительно необходимости воссоздания Донской области в границах до 1920 года говорилось следующее: «На протяжении более чем четырех столетий земля донских казаков... развивалась как единая целостная структура со своей экономикой, самоуправлением, бытом и культурой... Сейчас, когда всем народам дано право на самоопределение, донское казачество по-прежнему не является одним целым.

³² ЦДНИВО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 3. Л. 24–24а

Для возрождения донского казачества в полном объеме необходимо единство этническое, как духовное, так и территориально-экономическое...»³³

Историческая характеристика являлась важнейшим аргументом для, например, закрепления территории за казаками. Первый Большой войсковой круг СКОВД признал область Войска Донского местом исторического проживания казачества и отметил, что земля оплачена казачьей кровью³⁴. Впоследствии в Уставе Ростовской области в составе многонационального населения было выделено казачество как исторически сложившаяся здесь общность. В Уставе Краснодарского края в редакции 2005 года край объявлялся «исторической территорией формирования кубанского казачества»³⁵.

Относительно восстановления целостности казачьих территорий большое значение имел также тот факт, что в начале 1920-х годов в результате территориальных переделов, являвшихся в отношении казаков частью политики расказачивания, территории казачьих войск дробились и их части передавались в другие административные образования. Таким образом, в связи с начавшимся процессом в 1990-х годах восстановления исторической справедливости в отношении народов, пострадавших от репрессивной политики большевиков, позиция казаков относительно возвращения им войсковых территорий была логичной и понятной.

Та же логика восстановления справедливости действовала и в предпринимаемых казаками попытках восстановить Донскую Республику как незаконно упраздненное в 1920 году национально-государственное образование донского казачества. Резолюции о

³³ Обращение IV Большого Круга общественной организации «Хоперский казачий округ» от 21 сентября 1991 г. // Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Области войска Донского. С. 389.

³⁴ Водолацкий В. П., Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Возрождение: первый круг казаков Дона. С. 75.

³⁵ Устав Краснодарского края // Законодательство Российской Федерации и Краснодарского края по вопросам казачества : Сборник нормативно-правовых актов со вступительным комментарием. Краснодар, 2005. С. 105.

ее восстановлении, а также обращения в Советы народных депутатов всех уровней – от областных до республиканских – принимались СКОВД регуляро.

Несмотря на вышедший в 1995 году Указ Президента РФ «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов», фактически запрещавший какие бы то ни было изменения территорий, в том числе и в отношении репрессированных народов, идея воссоединения территории донского казачества сохранялась довольно долго. В 2008 году во время проведения Большого круга Войскового казачьего общества «Все-великое войско Донское» на сцене позади стола президиума висел плакат с картой Войска Донского в границах до 1920 года (то есть до начала отторжения земель от войска).

Одновременно в казачьем возрождении происходило конструирование исторических образов и формирование на их основе мифов. Ключевыми концептами казачьего возрождения становятся: во-первых, миф о казаках как о спасителях Отечества, которым имманентно присуще такое качество, как патриотизм; во-вторых, миф о древней казачьей демократии. Такая интерпретация казачьей истории оказалась актуальной в политической атмосфере начала 90-х годов. Демократические традиции казачьей истории озвучивались как базовая основа для становления современной демократии, а из исторического контекста вычленялись необходимые патриотические примеры, позволявшие участникам процесса и власти обращать казачье возрождение во благо российской государственности. В Декларации казачества, принятой на Совете атаманов Союза казаков 30 января 1993 года, было записано, что «история казачества последних четырех веков – это пример служения российскому государству, история его строительства и защиты»³⁶.

Первая организация донского казачества – Союз казаков области Войска Донского – именовалась как общественно-патриотическая. В ее структуре был создан Военно-патриотический

³⁶ ГАКК. Ф. Р-1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 234

отдел³⁷. В резолюциях Учредительного круга СКОВД говорилось о том, что «возрождение казачества – возрождение России и русского народа»³⁸. В Декларации к съезду казаков Дона 1990 года ключевыми являлись обращения типа «Братья казаки! Надежда Отечества!», «Братья казаки! Патриоты Дона и России!», «Мы всегда были надеждой и опорой России...», «Возрождение Отечества – наше святое дело!»³⁹. Таким образом, лейтмотивом казачьего возрождения становится позиционирование казаков как патриотов и государственников, унаследовавших на генетическом уровне от своих предков стремление не допустить развала Отечества.

Участников казачьего движения не смущало, что в истории России казаки далеко не всегда выступали как защитники Государства российского. Они не раз выступали как потрясатели основ российской государственности, а «патриотизм» и «любовь к Родине» в конкретно-исторической ситуации проявлялись своеобразно. Так, сепаратизм казаков в период Гражданской войны 1918–1920 годов стал одним из весомых факторов развала единства антибольшевистского движения на Юге России под руководством А.И. Деникина. Одной из причин казачьего коллаборационизма в период Великой Отечественной войны стала идея реванша за проигранную Гражданскую войну, создание казачьего государства с помощью фашистской Германии⁴⁰.

Мифологический подход к интерпретации исторических фактов позволял вычленивать из времени и конкретно-исторической ситуации и сконструировать миф о казачьем патриотизме как высшую правду. К казачьей истории оказывается вполне применим принцип мифологического историзма, в рамках которого время неподвижно и все равно, откуда начинать и где заканчивать дей-

³⁷ Водолацкий В. П., Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Возрождение: первый круг казаков Дона. С. 82

³⁸ Там же. С. 83.

³⁹ Озеров А. А., Киблицкий А. Г. История современного донского казачества. С. 229–232

⁴⁰ Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М. : Яуза : Эксмо, 2005. С. 10–11.

стве. Историко-культурные традиции казачества вне исторической конкретизации объявлялись «примером высокого понимания долга перед Отечеством»⁴¹.

Упрощенное, но, как всякий миф, целостное восприятие казачьей истории, например как истории патриотического служения казаков России, позволяло аннулировать негативные исторические факты и сформировать положительное отношение к казачьему возрождению со стороны власти. Образ славного прошлого для мифологизированного сознания являлся конкретной и эмоционально окрашенной правдой, позволял накапливать символический капитал, а самим участникам движения поверить в высокое призвание казаков стать «спасительной силой» Отечества.

Следующим концептом казачьего возрождения является миф о древней казачьей демократии: «Когда американские отцы-основатели только выработывали основы демократического общества, казаки уже сотни лет жили по законам демократии»⁴². «Вековые традиции казачьего самоуправления» исследователи и участники процесса возрождения с легкостью находили в современных казачьих обществах конца XX века⁴³.

Миф о казачьей демократии также не учитывал развитие институтов управления сообщества во времени и соответствующей их эволюции, например того, что в XIX веке атаманы казачьих войск превратились в имперских чиновников с полномочиями

⁴¹ Решение Президиума Ростовского областного Совета народных депутатов № 95 от 13.12.1990 г. «Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству» // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2 т. Т. 2. Ростов-н/Д, 2001. С. 4.

⁴² Водолацкий В. П. Круг десятый (обратной дороги нет) : Документально-информационный бюллетень по основным направлениям деятельности казачьих обществ на 2005 г. Ростов н/Д : Арчак, 2005. С. 23–24.

⁴³ Бардаков А. И. Социально-политические аспекты осуществления местного самоуправления: современное состояние и перспективы развития // Материалы Волгоградского областного семинара-совещания окружных, станичных и хуторских атаманов войскового казачьего общества «Всеволокное войско Донское», июнь 2004 г. Волгоградская область, Урюпинский район, «Хоперский округ» ВКО ВВД, станица Тепикинская. [Б. м. : б. и., 2004?].

губернаторов, а войсковые круги в места ритуального действия. Однако риторика о «вековой казачьей демократии» в постсоветской России делала казачьи организации, представлявшие себя наследниками этой демократической традиции, политически привлекательными для новой российской власти.

Наряду с формированием ключевых мифологических понятий в рамках казачьего возрождения складывается понятие традиции как базовой нормы социокультурной практики возрождения. При этом традиция получила расширенное толкование и применялась не только, когда речь заходила о «духовном и культурном возрождении лучших традиций казачества», но и применительно к территории проживания (исторически-традиционные казачьи территории), формам хозяйствования (традиционное казачье землепользование), службе (возрождение казачьих воинских традиций).

Возрождение традиции лежало и в основе правовых документов федеральной и региональных властей. Поддержание «восстановления экономических, культурных, патриотических традиций» становилось основой реабилитационного процесса в отношении казачества⁴⁴. «Возрождение традиционного социально-хозяйственного уклада жизни и культурных традиций» признавалось правом казаков⁴⁵.

Историческая традиция становилась альфой и омегой казачьего возрождения, но при этом действительная историчность ее отходила на второй план. Как уже отмечалось, для казачьего возрождения историческая фактура и достоверность того или иного положения возрожденческого процесса, апеллировавшего к истории, большого значения не имели. Гораздо важнее было то, что та или иная традиция, корни которой уходили в прошлое (желательно

⁴⁴ Указ Президента Российской Федерации № 632 от 15 июня 1992 г. «О мерах по реализации закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества”» // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. Т. 1. С. 32–34.

⁴⁵ Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества» № 3321-1 от 16 июля 1992 г. // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. Т. 1. С. 36–38.

в далекое), обеспечивала историческое обоснование и, соответственно, право казаков на возрождение и реабилитацию.

Реконструкция традиционной нормы или традиционного института в возрожденческом процессе допускала компиляцию исторических элементов или атрибутов из разных эпох. Как, например, в ситуации с использованием Войсковой казачьей организацией «Всевеликое войско Донское» традиционной казачьей символики и атрибутов Донского войска: герба, флага и гимна. Они были произвольно отобраны из разных эпох (XVI, XX и XIX–XX века)⁴⁶. Несколько позже появилось «историческое» название «Всевеликое войско Донское», подлинное историческое происхождение которого, насколько известно автору, до сих пор не подтверждено, а реальное появление этого названия следует датировать 1918 годом.

Вместе с тем в конце XX века многие из реконструируемых исторических форм в казачьем возрожденческом движении утратили свое значение и актуальность, их реальное возрождение было невозможно в силу исчезнувших социокультурных условий. Как, например, в случае с требованием восстановления казачьей службы и традиционного механизма формирования казачьих частей, основанного на принципе землячества, формирования в условиях рыночной экономики общинного землевладения или восстановления в станицах и хуторах атаманского правления.

В других случаях участникам казачьего возрождения удалось сконструировать некоторые традиционные элементы. Как, например, ритуал созыва круга или выборы атамана, военизированность казачьих обществ (военная форма, учреждение казачьих военных чинов и выстраивание военной иерархии внутри обществ и пр.).

Вместе с тем действия участников возрожденческого процесса часто принимали вид карнавала, театрализованного пред-

⁴⁶ Старинная казачья песня на самом деле является авторским произведением XIX в., подвергшаяся переделке сообразно политическому моменту в 1918 г., в период складывания Донской Республики, под управлением П.Н. Краснова. См. подробнее: Рвачева О. В. Донское казачество XXI в. Конструирование социального феномена // Вестник Южного Научного Центра РАН. 2009. Т. 5, № 3. С. 89.

ставления⁴⁷. Часто можно было наблюдать воспроизведение «молодческой» военизированной культуры мужских братств, экстравагантное, а иногда и агрессивное поведение членов первых казачьих организаций (надевание казачьей формы и наград неизвестного происхождения, ношение холодного оружия и нагаек, возрождение процедуры порки за провинности)⁴⁸.

Попытки возрождения исторических традиций (особенно в XVI–XVIII веках) приводили к тому, что традиция, утрачивая свое практическое и символическое значение, превращалась в красочное представление, смысл и значение которого участники порой понимали плохо. Например, на первом же Учредительном круге донских казаков в 1991 году при выборе первого атамана попытались воспроизвести средневековый ритуал раздевания и сечения кандидата в атаманы нагайкой. Так, будущего первого атамана общественной организации Союза казаков области Войска Донского М.М. Шолохова вывели на сцену, однако раздевать не стали, лишь символически расстегнули ему верхние пуговицы рубашки и под одобрительные крики казаков из зала продемонстрировали всем присутствующим православный крест, получили подтверждение, что будущий атаман верует во Христа и умеет креститься, а затем привели его к присяге, после чего надели на атамана бурку и вручили ему серебряные шпоры⁴⁹.

Впоследствии элементы ритуала посвящения в атаманы у современных донских казаков воспроизводились более тщательно, и сам ритуал стал гораздо более красочным в связи с введением

⁴⁷ См.: Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С. 253–256 ; Рыблова М. А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI–XXI вв.) // Казачество России: прошлое и настоящее : сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов-н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 3–32.

⁴⁸ См.: Верховский А., Папп А. Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М. : Ин-т эксперим. социол., 1996. С. 187, 188, 189, 190 и др. ; Козлов А. И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов-н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1995. С. 5, 8.

⁴⁹ Озеров А. А. Институт казачества в политических процессах современного российского общества (на материалах Юга России). Ростов-н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2006. С. 57.

формы, званий, наград, вручением вновь избранному атаману символов власти (атаманского пернача и бунчука), воспроизведением вывода атамана на круг (сцену) под руки двумя специальными казаками и конечно ритуальным сечением атамана одним из старейшин войска. На одном из таких кругов, на котором автору удалось присутствовать лично, из зала доносился одобрителный гул и выкрики «дай-ка ему еще!» или «всыпь покрепче!»⁵⁰.

Еще одно определение, которое можно, на наш взгляд, дать происходившей в казачьем движении реконструкции традиции, исторических элементов – это ритуализация и музеефикация⁵¹. Историко-культурная манифестация была важной частью процесса обретения идентичности, однако казачье возрождение в погоне за реконструкцией исторических прототипов утрачивало способность эффективной адаптации в современных условиях.

Итак, роль памяти в казачьем возрожденческом движении, на наш взгляд, можно характеризовать в «инструменталистском» ключе. Обращение к памяти участников процесса возрождения казачества способствовало конструированию идентичности через реконструкцию исторических культурных форм, действий по сохранению прошлого, традиций. Вместе с тем обращение к теме «раненой памяти» сообщества, воспоминание о потерях и жертвах позволяли казакам формировать образ жертвы и стремиться получить определенные выгоды и преимущества. Кроме того, обращение к памяти и истории позволяло участникам возрожденческого процесса формировать политически актуальные мифы, способствовавшие укреплению их позиций в социально-политическом пространстве современной России.

⁵⁰ Большой круг ВКО «ВВД» 2006. Выборы атамана // Личный архив автора.

⁵¹ См. подробнее: Дубин Б. Указ. соч.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абалмасова Надежда Евгеньевна – аспирантка кафедры прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Ветютнев Юрий Юрьевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ общественных и гуманитарных наук Волгоградской академии государственной службы.

Курсанов Михаил Васильевич – проректор по воспитательной работе и безопасности Волгоградской академии государственной службы.

Клейтман Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики Волгоградской академии государственной службы.

Клейтман Анастасия Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Волгоградского государственного педагогического университета.

Курилла Иван Иванович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Волгоградского государственного университета.

Макаров Андрей Иванович – доктор философских наук, доцент кафедры философии Волгоградского государственного университета.

Мохов Сергей Викторович – магистрант II курса факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Назарова Марина Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и психологии Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета.

Паин Эмиль Абрамович – доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, научный руководитель московского офиса Института Кеннана, г. Москва.

Простаков Сергей Александрович – студент магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Рвачева Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южного научного центра РАН, г. Волгоград.

Степнова Анна Валерьевна – сопредседатель Волгоградского отделения клуба политического действия «4 ноября».

СОДЕРЖАНИЕ

Курилла И.И. ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Курилла И.И. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПУБЛИЧНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ	4
Паин Э.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ	13
Макаров А.И. ФЕНОМЕН ПАМЯТНИКА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ: ДИСФУНКЦИЯ КОММЕМОРАЦИИ	19
Клейтман А.Ю. «ЭПОХА КОММЕМОРАЦИИ»: МНЕМОНИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	29
Простаков С.А. УКРАИНА: БОРЬБА ЗА ПАМЯТЬ VERSUS НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО	46
Абалмасова Н.Е. ОПЫТ СПЛОЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ СРЕДСТВАМИ «СИМВОЛИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА»	58
Мохов С.В. ГОРОДСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ВОСПРИЯТИИ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ	74
Степнова А.В. МЭРЫ, МИФЫ И ПАМЯТНИКИ	89

<i>Назарова М.П.</i> АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА	102
<i>Ветютнев Ю.Ю.</i> МНЕМОНИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА	107
<i>Кирсанов М.В., Клейтман А.Л.</i> НАПИСАНИЕ ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1920–1930-х ГОДАХ	113
<i>Рвачева О.В.</i> ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ	123
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	145

Научное издание

ВОЛГОГРАДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

ВЫПУСК 3

ПАМЯТЬ И ПАМЯТНИКИ

Материалы семинара, проведенного
Волгоградским государственным университетом
и Институтом Кеннана
Международного научного центра им. Вудро Вильсона
21 апреля 2011 года

Главный редактор *А.В. Шестакова*

Редактор *Ю.И. Неделькина*

Верстка *С.А. Преферансова*

Техническое редактирование *О.С. Кашук, С.А. Преферансова*

Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 24.10 2011 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 8,6.
Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 330 экз. Заказ . «С» 8.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

